

история/география/этнография

Петр Черкасов

равители
Франции
XVII—XVIII века

Ломоносовъ
издательство

Петр Черкасов

Правители Франции
XVII–XVIII века

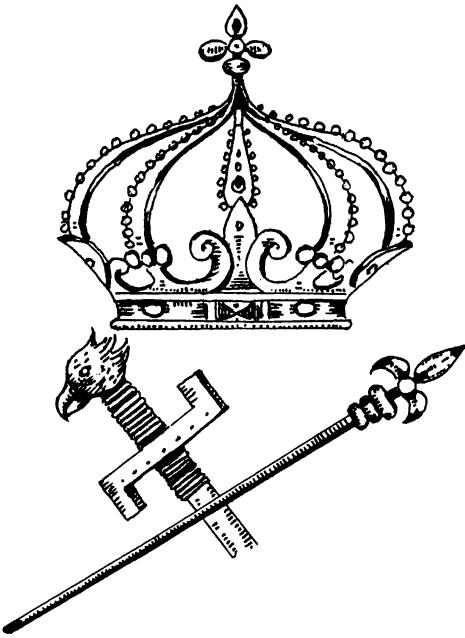
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2018

УДК 94(44).03-04
ББК 63.3(0)51
Ч-48

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

В современных обществах роль лидера государства четко определена конституционными рамками. Президент или монарх (в тех странах, где еще сохраняется монархическая форма правления) — это важнейший, но не единственный элемент политической системы, основанной на разделении и равновесии властей — исполнительной, законодательной и судебной. В таких условиях личные качества главы государства не имеют определяющего значения, как это было в прошлые времена. Слабости и недостатки правителя так или иначе восполняются другими государственными институтами.

Развитая политическая система исключает угрозу произвольного выхода главы государства за конституционные рамки или нарушения им существующих

правил и норм. Нередки случаи отрешения главы государства от власти, причем они наблюдаются все чаще, что само по себе символично.

Тем не менее в наступившем XXI веке в самых разных странах можно слышать разговоры о «кризисе лидерства», об измельчании и даже вырождении погрязшего в коррупции «политического класса», не способного дать достойных и тем более ярких государственных деятелей, какие были в минувшем столетии. Американцы, например, с ностальгической благодарностью вспоминают Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта и Джона Кеннеди; немцы — Конрада Аденауэра, Вилли Брандта и Гельмута Коля; англичане — Уинстона Черчилля и Маргарет Тэтчер...

Французы не составляют здесь исключения. Если говорить только о XX веке, то к масштабным государственным деятелям они относят «отца Победы 1918 года» Жоржа Клемансо, великого патриота Франции Шарля де Голля и президента-социалиста Франсуа Миттерана.

Историческая память уводит французов и в более отдаленные времена, когда Франция была арбитром Европы, а Париж считался «столицей мира».

Как Франции удалось занять столь исключительное положение в Европе, а перед этим — обеспечить внутреннее единство, без которого был бы невозможен ее последующий подъем? Какой путь проделала страна в своем политическом развитии от сословной к абсолютной монархии? Почему и как в 1789 году пал Старый порядок, на смену которому в 1792 году пришла Республика? Кто управлял Францией на протяжении двух столетий — в XVII—XVIII веках? Как у власти утвердилась династия Бурбонов и как спустя двести лет она потеряла эту власть, уступив ее республиканцам? Почему столь неудачным оказался опыт эфемерного существования конституционной монархии во Франции в 1789—1792 годах? Каковы были первые шаги Французской республики и кто руководил ею до бонапартистского переворота 1799 года, завершившего революционное десятилетие во Франции?

На все эти и другие вопросы я попытался дать ответ в предлагаемой вниманию читателя книге, где история Франции

нового времени рассматривается через судьбы ее правителей. Выбор такого ракурса оправдан той определяющей ролью, которую правители играли в политической жизни в отсутствие реального противовеса их безраздельной власти. Такой противовес в лице законодательного органа — Национального собрания — появился лишь в 1789 году, с началом Французской революции.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей Франции.

Выражаю искреннюю благодарность Надежде Александровой за переводы большинства включенных в книгу стихов французских авторов.

В народной памяти французов нет более популярного короля, чем Генрих IV. «Наш добрый король Анри» («Notre bon roi Henri») — именно так называли его современники. Таким «добрым королем» он оставался и для последующих поколений. О нем создавали легенды, складывали стихи и песни. Наибольшую популярность получила песня «Жил был Анри Четвертый», написанная в середине 1770-х годов, спустя сто шестьдесят лет после смерти Генриха IV. Ее автором был Шарль Колле, известный в то время литератор и шансонист. В словах этой песни нашло отражение не только отношение французов к «доброму королю Анри», но и приписываемые ему народным преданием личные качества, в определенной степени соответствовавшие «оригиналу»:

Виват, Анри Четвертый!
Отважный кавалер,
Удачливее черта,
Талантов всех пример.
Виват, король-пройдоха,

Талантов всех пример,
Драчун и выпивоха,
Галантный кавалер!

Отправим к черту беды,
Вражду переживем,
Споем, как наши деды,
По-дружески споем.
И в звоне кубков пенных
Сойдутся, как друзья,
Народ и суверены,
Единая семья.

Споем псалом старинный,
Что будем петь и впредь,
Господь нас не отринет,
Не даст нам умереть.
Пусть, этой песне внемля,
Он мир наш бережет,
Пока Луна на Землю
С небес не упадет.

Ты всех монархов ближе,
Виват, король! Виват!
Пусть в Реймсе и Париже
Тебя боготворят.
Ты правь рукою твердой,
Наш суверен и брат.
Виват, Анри Четвертый!
И Франция, виват!*

Причина уникальной популярности Генриха IV, по-видимому, заключена в характере его политики, которая была направлена на сглаживание бушевавших в предыдущие десятилетия религиозно-политических страстей, на примирение враждующих сторон, на совместную работу по восстановлению порядка в стране, на облегчение жизни простого народа, наконец, на возвышение Франции. Не случайно коллективное сознание сформировало идеализированное представление, согласно которому «добрый король Анри» мечтал,

* Перевод Надежды Александровой.

чтобы на каждом крестьянском столе по воскресным дням была курица. Не великий завоеватель, не жесткий и тем более жестокий повелитель, а государь, радеющий о благе своих подданных, — такое воспоминание о себе оставил Генрих IV. Редко кто из правителей (и не только во Франции) заслужил столь благодарную память о себе.

Увы, всенародная популярность не помешала революционерам-якобинцам в декабре 1793 года осквернить могилу «добротного короля Анри». Его останки (на удивление хорошо сохранившиеся почти за двести лет) по распоряжению Конвента были извлечены из саркофага и выставлены на обозрение праздно толпы наряду с останками других королей Франции, погребенных в разное время в базилике Сен-Дени. После того как парижская чернь натешилась зрелищем и поглумилась над прахом «тиранов», их останки вперемешку были сброшены в общую яму и закопаны.

Будущий король Франции родился в ночь с 12 на 13 декабря 1553 года в замке своего деда по материнской линии Анри (Генриха) д'Альбре, короля Наварры. Замок располагался в черте города По, столицы Беарна — исторической области Франции, прилегающей к Пиренеям*. В то время Беарн (Наварра) еще считался самостоятельным, хотя и карликовым государством, вынужденным постоянно оглядываться на двух мощных соседей — Францию и Испанию.

Мать новорожденного — 25-летняя Жанна д'Альбре, единственная дочь и наследница короля Наварры. Отец — 35-летний Антуан де Бурбон-Вандом, первый принц крови, принадлежавший к младшей, идущей от Людовика IX ветви правившей во Франции династии Капетингов.

Едва младенец появился на свет, как дед совершил с внуком традиционный для Наварры обряд. Взяв его на руки, он провел долькой чеснока по губам новорожденного и капнул на них местного вина, произведенного из собственного виноградника в Жюрансоне. Считалось, что этот местный обы-

* Теперь эта территория по большей части входит в департамент Атлантические Пиренеи.

чай защищает младенцев от опасных болезней. Впоследствии обычай будет распространен на всех новорожденных детей из династии Бурбонов.

Родители будущего короля Франции и Наварры принадлежали к разным религиозным конфессиям. Отец был католиком, мать — убежденной кальвинисткой. Поскольку младенец по праву рождения становился членом королевского Дома Франции (Maison de France), он был крещен по католическому обряду. Таинство крещения, которое провел кардинал д'Арманьяк, состоялось в замке По 6 марта 1654 года. Крестными отцами стали два короля — Генрих II Французский и Генрих II Наваррский. По этой причине новорожденный получил имя Анри (Генрих). Его крестными матерями стали королева Екатерина Медичи, супруга Генриха II, и графиня Изабо д'Альбре Наваррская, двоюродная бабушка младенца.

Через год после крещения внука умер Генрих II, король Наварры, и трон унаследовала его дочь, Жанна д'Альбре. Занятость делами крошечного королевства тем не менее не отвлекла ее внимание от воспитания сына, из которого она старательно делала гугенота*, невзирая на неудовольствие своего супруга. Король-консорт, отец Генриха Наваррского, представлял собой противоречивую фигуру. Находясь под влиянием жены, он вынужден был выступать на стороне

* Гугеноты (от фр. — huguenots) — приверженцы протестантизма (кальвинизма), распространившегося во Франции с XVI века. В описываемое время в стране насчитывалось до 2000 гугенотских общин, объединявших в общей сложности около миллиона человек, которые населяли главным образом южные и западные районы страны. В более узком значении гугеноты представляли собой религиозно-политическую группировку части французского дворянства и городской буржуазии, недовольной централизаторской политикой королевской власти, ущемлявшей старые вольности феодалов и городов. К середине XVI века гугенотская оппозиция превратилась во влиятельную силу, с которой вынуждено было считаться центральное правительство. При Генрихе II (1555 год) гугеноты были объявлены еретиками, подлежащими сжиганию на костре, что стало прологом к развязыванию религиозной (гражданской) войны, продолжавшейся с перерывами 37 лет.

гугенотской партии и даже стал одним из ее вождей, но так и не перешел в лоно реформированной церкви, до конца оставшись католиком.

Первые детские годы Генриха Наваррского были наполнены духом свободы. Он рос в окрестностях замка Коарраз под присмотром Сюзанны де Бурбон-Бюссе, своей снисходительной воспитательницы. Здесь он приобрел первый опыт начинающего охотника, здесь же имел возможность близко общаться с местными крестьянами и получил представление об образе и условиях их жизни.

10 июля 1559 года в результате несчастного случая умирает сорокалетний король Франции Генрих II. Его преемником на троне становится старший из четырех сыновей — шестнадцатилетний Франциск II, но он процарствовал менее полутора лет. 5 декабря 1560 года болезненный юноша умер от менингита. Престол перешел к следующему из сыновей Генриха II — десятилетнему Карлу IX, за которого стала править его мать, властная Екатерина Медичи.

Стремительные перемены при французском дворе побудили родителей Генриха Наваррского, потенциального кандидата на трон Капетингов, в 1561 году отправить его в Париж под тем весьма благовидным предлогом, что восьмилетнему принцу пора получать систематическое образование. Генриха помещают в Наваррский коллеж (College de Navarre), славившийся опытными учителями и наставниками. В коллеже, где принято было говорить только на латыни, изучали грамматику, искусства и философию, включая логику и основы наук. Помимо катехизиса ученики читали Цицерона, Горация, Квинтилиана и других античных авторов. Они должны были также овладеть основами стихосложения и прозы. В обязательную программу входило углубленное изучение работ Аристотеля и Евклида. В целом система обучения в Наваррском коллеже отличалась строгостью, которая была непривычна для Генриха, привыкшего к вольнице.

В Париже Генрих знакомится со своими кузенами — юным королем Карлом IX, его братом, тоже будущим королем Генрихом III, и с герцогом Анжуйским, младшим сы-

ном чадолюбивой Екатерины Медичи. Все они были почти ровесники.

Первый парижский период жизни Генриха Наваррского пришелся на начало во Франции религиозных войн. Никто и предположить тогда не мог, что разгоревшаяся братоубийственная война между французами — католиками и гугенотами — затянется почти на сорок лет и до предела обескровит страну.

Все началось с неудачной попытки гугенотов, возглавляемых Луи де Бурбоном, принцем Конде (дядей Генриха Наваррского), захватить в марте 1560 года в Амбуазе короля Франциска II и принудить его к отмене запретительно-ограничительных мер против приверженцев кальвинизма. Гугеноты считали, что незрелым королем руководит даже не его мать Екатерина Медичи, а семейный клан Гизов (Франсуа Лотарингский, герцог де Гиз, и его брат, кардинал Карл Лотарингский) — родственники Марии Стюарт, супруги Франциска II. Гизы возглавляли агрессивную настроенную католическую партию, требовавшую искоренить до корня кальвинистскую ересь. Попытка не удалась, а король в том же году неожиданно умер.

Екатерина Медичи, озабоченная утверждением на троне другого своего сына, Карла IX, попыталась примирить враждующие стороны, но достигнутая ее стараниями передышка оказалась недолгой. 1 марта 1562 года герцог Гиз устроил кровавую расправу над группой гугенотов, собравшихся в Васси (Шампань) для совместного богослужения. Это привело к развертыванию прямых военных действий между непримиримыми противниками. В период между 1562 и 1570 годами произошли три войны. Затем, после двухлетнего перерыва — с 1572 до 1580 год, — одна за другой еще три и вслед за пятилетней паузой — еще две (1585–1589 и 1589–1596 годы).

В ходе первых трех войн погибают Антуан де Бурбон (17 ноября 1562 года), отец Генриха Наваррского, и его дядя Луи де Бурбон, принц Конде-старший (13 марта 1569 года), а сам шестнадцатилетний Генрих становится одним из руководителей гугенотской партии наряду со своим кузеном Генрихом

де Бурбоном, Конде-младшим, и адмиралом Гаспаром де Колиньи, подлинным вождем гугенотов.

Когда в 1570 году стараниями Екатерины Медичи было подписано перемирие, королева задумала закрепить его брачным союзом своей дочери Маргариты Валуа с Генрихом Наваррским. В ходе переговоров об этом союзе 9 июня 1572 года в возрасте сорока четырех лет неожиданно умирает приехавшая в Париж мать Генриха — Жанна III д'Альбре. Было известно, что она не одобряла готовившийся брак, и немедленно поползли слухи, что ее отравили по приказу Екатерины Медичи. Так или иначе, но после смерти матери Генрих сделался королем Наварры. В начале августа 1572 года переговоры благополучно завершились, и началась подготовка к бракосочетанию, намеченному на 18 августа.

На предстоящий праздник было приглашено множество гостей, включая верхушку гугенотской партии. И тут Екатерина Медичи решила воспользоваться удобным случаем и одним ударом покончить с лидерами гугенотов. Резкое изменение ее позиции объяснялось тем влиянием, которое с недавних пор адмирал Колиньи, самый авторитетный вождь гугенотов, стал оказывать на Карла IX. Королева усмотрела в этом угрозу для собственного влияния на сына и заручилась поддержкой Гизов, самых непримиримых противников гугенотов. Немалыми стараниями ей удалось добиться согласия сына-короля, благоволившего к Колиньи, на расправу с гугенотами — она внушила бесхарактерному Карлу, будто гугеноты намереваются свергнуть его с престола. После неудачной попытки физического устранения Колиньи, предпринятой 22 августа 1572 года, заговорщики решили учинить кровавое побоище над всеми гугенотами, прибывшими в Париж на свадьбу своего вождя, и в ночь на 24 августа в Париже были убиты свыше двух тысяч гугенотов. Среди жертв оказался и адмирал Колиньи. Пошадил только Генриха Наваррского, принудив его перейти в католицизм. Эти кровавые события вошли в историю под названием Варфоломеевская ночь (25 августа в церковном календаре приходилось на день памяти св. апостола Варфо-

ломея). Вслед за парижской резней волна убийств гугенотов прокатилась по другим городам Франции. Ее жертвами стали более 30 000 человек. Массовое истребление гугенотов положило начало новому периоду ожесточенных религиозных войн.

Что касается Генриха Наваррского, то после Варфоломеевской ночи ему пришлось несколько лет провести при дворе в качестве почетного пленника и даже принять участие в военных действиях против своих вчерашних единоверцев, в частности в осаде Ла-Рошели в 1573 году. Лишь в 1576 году ему удалось бежать из Парижа, оставив там нелюбимую жену.

23-летний Генрих вновь обращается в протестантизм и принимает на себя командование гугенотской армией. Он принимает участие во всех сражениях, проявив качества не только талантливого военачальника, но и личное бесстрашие. Веселый нрав, остроумие и щедрость снискали ему любовь единомышленников и широкую популярность в армии гугенотов.

В Париже к тому времени произошли важные перемены. 30 мая 1574 года в возрасте 24 лет от пневмонии умирает Карл IX, и новым королем становится предпоследний, но самый любимый сын Екатерины Медичи 23-летний Генрих III, тайно бежавший из Польши, королем которой он был избран годом ранее. Французский престол оказался для него предпочтительнее неустойчивого польского трона. Генрих III окажется более удачливым королем, нежели оба его рано умерших брата. Он процарствовал более пятнадцати лет и мог бы оставаться на троне еще дольше, если бы не его конфликт с фанатичной фракцией католической партии.

В 1576 году Генрих Гиз и его сторонники создали так называемую Католическую лигу, поставившую целью полное искоренение протестантизма и восстановление во Франции безраздельного господства римско-католической церкви. Поначалу отношения между Генрихом III и Католической лигой развивались достаточно гармонично, но со временем в них образовалась трещина, которая постоянно расширялась и углублялась. Главной причиной возникших проти-

воречий стало стремление Генриха III, осознавшего всю пагубность гражданской войны, к примирению католиков и гугенотов. В ходе конфликта внутри католической партии, принимавшего все более острые формы, королю пришлось в мае 1585 года даже бежать из Парижа и укрыться в Шартре.

Неустойчивость трона при бездетности королевской семьи еще более возросла после смерти от туберкулеза официального наследника престола 29-летнего герцога Анжуйского, последнего из сыновей Генриха II и Екатерины Медичи.

Затянувшейся гражданской смутой во Франции поспешили воспользоваться Испания и Англия, все более бесцеремонно вмешивавшиеся во французские дела. Ощущение возраставшей опасности, в том числе и для своей жизни, побудило Генриха III заключить союз с Генрихом Наваррским, который после смерти герцога Алансонского претендовал быть признанным дофином, с чем не желала согласиться Католическая лига, выдвинувшая на роль дофина своего претендента — старого и больного кардинала Карла Бурбонского.

По приказу Генриха III в декабре 1588 года были убиты оба Гиза — Генрих и его брат, кардинал Лотарингский, что вызвало взрыв негодования католической партии, которая объявила короля вне закона и начала на него охоту. 1 августа 1589 года, во время совместной осады Парижа войсками Генриха III и Генриха Наваррского, молодой доминиканский монах Жак Клеман под предлогом сообщения королю сведений особой государственной важности был допущен к нему в Сен-Клу. Оставшись наедине с королем, Клеман нанес ему удар кинжалом, спрятым под сутаной. «Мерзкий монах, ты убил меня!» — вскрикнул король, выдергивая кинжал из живота. Подоспевшая охрана расправилась с Клеманом, пустив в ход алебарды и шпаги. Его бездыханное тело было выброшено через окно во двор.

Генрих III промучился несколько часов и в ночь на 2 августа 1589 года умер вследствие развившегося перитонита. Перед смертью он успел объявить Генриха Наваррского своим преемником на французском троне под именем Генриха IV. Со смертью Генриха III пресеклась династия Валуа,

правившая Францией с 1328 года. Екатерине Медичи, которая умерла в Блуа в самом начале 1589 года, к счастью, не довелось это увидеть.

Наследование Генрихом IV французского престола было достаточно условным. Столица оставалась во власти его противников. Большинство провинций также отказывались признать его королем. Потребовалось еще несколько лет, сопровождавшихся рядом успешных для армии Генриха военных операций против отрядов Католической лиги и столкновений с испанскими войсками, прежде чем французы согласились видеть в нем своего короля.

Присущий ему здравый смысл подсказал Генриху единственное решение, способное примирить его с католическим большинством населения Франции. 25 июля 1593 года он совершил, по его собственному выражению, «опасный прыжок» («le saut périlleux»), в очередной раз, теперь уже окончательно, перейдя в католицизм. Этот торжественный акт состоялся в королевской базилике Сен-Дени. Говорят, что перед этим Генрих IV произнес фразу, ставшую исторической: «Париж стоит мессы» («Paris vaut la messe»). Полгода спустя, 27 февраля 1594 года, он короновался в кафедральном соборе Шартра.

Расчет Генриха в полной мере себя оправдал. Париж, долгие годы бывший для него неприступной крепостью, добровольно открыл перед ним ворота. Вслед за этим одна за другой о своей лояльности Генриху IV объявили провинции французского королевства.

В то же время поведение Генриха вызвало смятение в рядах гугенотской партии, где сочли своего вождя отступником. До 40 000 гугенотов покинули ряды его армии. Необходимо было восстановить доверие к себе со стороны гугенотского меньшинства, опасавшегося возобновления преследований со стороны католиков. Озабоченный восстановлением национального единства Генрих IV 13 апреля 1598 года подписывает так называемый Нантский эдикт, уравнивший в гражданских и религиозных правах гугенотов с католиками. В качестве гарантии своего расположения к гугенотской пар-

тии король оставил за гугенотами ряд городов и крепостей, включая Ла-Рошель, Монпелье и Монтобан.

При этом Генрих IV не питал иллюзий относительно застенчивых замыслов своих вчерашних единоверцев, мечтавших о том, чтобы продолжать обособленное от остальной страны существование. Став королем Франции, он в полной мере сознавал свой долг — обеспечить единство страны и централизацию государственного управления. Король отдавал себе отчет в том, что его устремления неизбежно натолкнутся на сопротивление как среди гугенотов, так и среди католиков. При наличии глубоких религиозно-политических противоречий обе враждующие партии сходились в одном — в неприятии сильной централизованной (королевской) власти и в настойчивом стремлении отстоять привилегии старой феодальной знати. Здесь, как это часто бывает, крайности сходились, и королевской власти приходилось вести постоянную войну на два фронта. Вели ее истые католики — Генрих II, а затем его сыновья Франциск II, Карл IX и Генрих III, за которыми стояла Екатерина Медичи.

- Эту же борьбу продолжил и вчерашний гугенот Генрих IV, добившийся более ощутимых успехов, чем его предшественники на троне. Он сумел заметно ослабить, хотя и не сломить окончательно, сопротивление феодалов и добиться установления долгожданного внутреннего мира в исстрадавшейся стране, умело сочетая в своей политике решительность и гибкость, карательные действия и компромиссы. К началу XVII века влияние Католической лиги было окончательно подорвано.

Нантский эдикт предоставил гугенотам свободу вероисповедания и гражданские права, равные с правами католиков. Секретные приложения к Нантскому эдикту оставляли гугенотам их крепости, а это означало, что они оставались своего рода государством в государстве; это обещало неизбежное новое столкновение между ними и центральной властью. В целом же Нантский эдикт дал государству необходимую ему передышку, которую оно использовало для экономической и политической консолидации страны.

Генрих IV с самого начала взял курс на строительство фундамента для создания единой Франции. Как ни парадоксально, но решению этой задачи по-своему способствовали и религиозные войны.

Франция второй половины XVI века напоминала гигантский кипящий котел, в котором происходил процесс формирования французской нации, постепенно осознававшей свою общность и потребность в защите своих интересов от частного и регионального эгоизма, от экономической и политической разобщенности. Долгие годы военных действий, непрерывные передвижения войск и перемещения населения из одного района в другой способствовали, в частности, постепенному смешению диалектов и наречий в единый французский язык.

Стремление Генриха IV восстановить национальное единство сопровождалось попытками отвести от Франции внешнюю угрозу и положить конец иностранному вмешательству в ее внутренние дела. В области внешней политики он стремился отстоять интересы Франции в Европе от гегемонистских притязаний Испании. При нем вновь обострился давний франко-испанский антагонизм, возникший еще во времена Франциска I и Карла V. Усилия Генриха IV были направлены прежде всего на то, чтобы заставить Испанию вернуть Франции захваченные у нее в предшествующих войнах территории. В январе 1595 года он объявляет войну Филиппу II Испанскому и направляет войска в Шампань, Пикардию, Нормандию, Овернь, Прованс и в другие провинции, контролируемые союзницей Мадрида, Католической лигой. Это был первый смелый вызов Австрийскому дому.

Неожиданную поддержку французский король получил от папы римского Климента VIII, который давно искал случая освободиться от удушающей опеки Филиппа II. Вчерашний еретик предоставил Святому престолу такую возможность.

17 сентября 1595 года Климент VIII признал власть Генриха IV над французскими католиками и галликанской церковью. Он отменил прежнее отлучение Генриха от церкви и отпустил ему все грехи, что должно было примирить короля с католической партией.

Разумеется, у папы были и собственные причины принять сторону Генриха IV в конфликте с Филиппом II. Он воспользовался начавшейся между ними войной, чтобы установить свой контроль над Феррарой. Хотя этот город и считался формально папским леном, фактически его контролировала Испания.

Бросая вызов Испании, Генрих IV учитывал нараставшее недовольство испанским владычеством в Европе после объединения Габсбургами в первой половине XVI века двух корон — австрийской и испанской. Поэтому король Франции пошел на сближение с протестантами Германии.

Первые успехи Франции побудили непримиримых врагов Испании — Англию и Нидерланды (Соединенные провинции) — в мае 1695 года объявить войну Филиппу II. Финансовую поддержку Генриху IV оказали великий герцог Тосканский и другие итальянские владетельные князья. Угроза полной изоляции, военные неудачи и истощение казны вынудили старого и больного короля Испании искать мира с Генрихом IV, который продиктовал Филиппу свои условия.

В феврале 1598 года при посредничестве Святого престола в Вервене начались переговоры, завершившиеся 2 мая того же года подписанием мирного договора. По условиям Вервенского мира Испания лишалась всех своих прежних завоеваний во Франции: Кале, Ардра, Монтюлена, Дулланса, Ла-Каппели, Ле-Кателе — на севере, Блаве — в Бретани, Бера — вблизи Марселя. Под покровительство короля Франции перешла Женева. При этом Испания не получила никакой компенсации. Несколько лет спустя, в 1607 году, Генрих IV принудил к капитуляции союзника Испании герцога Савойского, отобрав у него Бресс и Бюжей.

Вскоре после подписания мира с Испанией, в 1600 году, с благословения папы Генрих IV развелся с давно опостылевшей ему Маргаритой Валуа и женился на Марии Медичи, племяннице своего союзника, великого герцога Тосканского. В сентябре 1601 года она подарила королю наследника, будущего Людовика XIII, а позднее — еще пятерых детей.

После окончания войны у Генриха IV, как утверждал в своих воспоминаниях Сюлли, его ближайший сподвижник,

возникла идея создания «Христианской республики» — федерации европейских государств, управляемой «европейским сенатом». По замыслу короля Франции, эта федерация призвана была обеспечить недопущение войн на европейском континенте и мирное разрешение возникающих конфликтов. Основанная на принципах христианского вероучения и религиозной терпимости «Христианская республика» в составе основных государств тогдашней Европы должна была проводить согласованную внешнюю политику в отношении остального, нехристианского мира. Одна из важнейших задач этой «республики», по мысли Генриха IV, состояла в изгнании турок за пределы Европы.

Если у короля Франции действительно существовал такой, как говорят французы, «Великий замысел» («le Grand dessein»), то скорее всего начитанный Генрих IV, как полагают некоторые историки, позаимствовал его у Эразма Роттердамского, великого гуманиста эпохи Возрождения.

Как бы то ни было, достигнутый в 1598 году в Вервене успех Генрих IV стремился закрепить всеми возможными средствами. Идея растворить Испанию и Австрию в европейской федерации и тем самым положить конец гегемонии Габсбургов представлялась ему вполне осуществимой.

Вервенский мирный договор и Нантский эдикт развязали руки Генриху IV в осуществлении столь необходимых внутренних преобразований во Франции.

Начало XVII столетия застало Францию в плачевном состоянии: страна разорена, годами не обрабатывавшаяся земля в полном запустении, торговля расстроена, королевская казна пуста.

Проведение реформ было возложено королем на Сюлли — верного соратника, прошедшего вместе с ним весь трудный путь к власти.

Максимильен де Бетюн, барон де Рони, а с 1606 года — герцог де Сюлли родился в 1559 году. Воспитывался он при дворе Жанны д'Альбре, королевы Наваррской, с детских лет дружил с Генрихом, на которого имел большое влияние, несмотря на то, что был на шесть лет младше будущего

короля. Именно Сюлли, пользуясь своим огромным авторитетом в гугенотской партии, убедил Генриха IV перейти в католичество и всячески оправдывал этот шаг в глазах своих единоверцев. При этом сам Сюлли до конца жизни оставался непреклонным гугенотом. Знаменитая фраза «Париж стоит мессы» была вложена в уста Генриха все тем же Сюлли.

Суровый и сварливый, высокомерный и тщеславный, он был в то же время неутомимым и решительным администратором. Он вникал во все: в финансы и торговлю, в сельское хозяйство и дорожное строительство, не говоря уж о внешней политике и военном деле. Вот как характеризовал Сюлли и его деятельность русский историк Тимофей Николаевич Грановский: «Вышедшие при нем постановления не обличают в нем высших государственных идей; но он был человек строгий, чрезвычайно бережливый, любивший порядок, ведший самую строгую отчетливость в делах государственного управления... Он приложил к государственному хозяйству простые начала управления частными доходами; но эту уже отчетливостью он оказал большие услуги государству; расходы перестали превышать доходы, расточительность короля была сдерживаема в пределах умным и строгим министром. Пути сообщения были улучшены, на земледелие обращено большое внимание. К концу царствования Генриха IV финансы Франции находились в лучшем состоянии, чем где-либо».

А двенадцатью годами ранее, став в 1598 году сюринтендантом финансов, Сюлли обнаружил, что долг казначейства превышает 348 миллионов ливров, из которых 32 миллиона ушли вождям Лиги в уплату за их покорность. Сюлли удалось договориться с кредиторами относительно изменения условий выплаты долгов, сроки погашения их были отодвинуты. Для увеличения поступлений в государственную казну он старался разнообразить их источники. Он ужесточил контроль над сборщиками налогов, к рукам которых прилипла немалая их толика. Эдикт 1601 года запретил хождение по всей территории королевства иностранной звонкой монеты и ввел суровое наказание за вывоз из страны золота и серебра

как в слитках, так и в виде монет. Эдикт 1602 года повысил стоимость французской золотой и серебряной монеты. Эти и другие меры позволили в короткий срок укрепить финансы и покрыть часть государственного долга.

Самое серьезное внимание Сюлли уделял развитию сельского хозяйства. Ему принадлежит известная формула, согласно которой «земледелие и животноводство — это две женские груди, которые питают Францию». Он запретил поместным дворянам произвольное обложение крестьян повинностями, освободил сельскохозяйственных производителей от больших недоимок, но в то же время поднял косвенные налоги.

Сюлли поощрял освоение незанятых и запущенных земель. В опубликованной в 1600 году книге «Театр сельского хозяйства», выдержавшей до смерти Генриха IV пять изданий, Сюлли пропагандировал прогрессивные методы обработки земли. Он старался заинтересовать дворянство предпринимательством и вывозом сельскохозяйственной продукции. Одновременно ввел обложение специальным налогом всех буржуа, приобретших (купивших) дворянство после 1578 года.

Действия Сюлли, направленные на ускоренное развитие сельского хозяйства, встречали полное понимание и поддержку Генриха IV. Когда в 1610 году король собрал армию в Шампани для намеченного похода в Рейнскую область, ему стали известны факты грабежей местных крестьян солдатами. Генрих IV вызвал к себе командиров и приказал немедленно положить конец этим бесчинствам. «Что же будет, если мой народ, который кормит меня, который несет государственные тяготы, который оплачивает ваше содержание, будет разорен? Господа, обижать мой народ — это значит обижать меня!»

Умелое управление Сюлли, продолжавшееся до конца царствования Генриха IV, значительно поправило дела в стране. Однако при всех несомненных заслугах Сюлли в деле реконструкции страны следует иметь в виду, что он был лишь способным исполнителем воли Генриха IV. Именно с «добрым королем Анри» народная молва связывала всеобщее успокое-

ние и невиданное по своей продолжительности — двенадцать лет — состояние внутреннего мира.

При всей занятости внутренними делами Генрих IV уделял внимание распространению влияния Франции за пределы Старого Света. Он сознавал важность открытия и освоения новых заморских территорий, которые должны были составить колониальную империю, необходимую, как он считал, для экономического развития Франции. После неудачных попыток французов в середине XVI века обосноваться в Бразилии и Флориде Генрих IV обратил внимание на Северную Америку, чему способствовал любимец короля Самюэль Шамплен, капитан королевского флота. Начиная с 1603 года, Шамплен с благословения Генриха IV предпринял девять длительных экспедиций, в ходе которых детально обследовал район реки Святого Лаврентия и область Великих озер. 3 июля 1608 года он основал город Квебек, ставший административным центром Новой Франции.

Все — и современники, и позднейшие историки, — рисуя политический портрет Генриха IV, отмечали в нем одну и ту же главную черту — склонность к компромиссу и примирению. «Этот гений примирения, которым он был одарен, — отмечал крупный историк второй половины XIX века Габриэль Аното, — особенно проявился в найденном им выходе из религиозных затруднений. Это была самая трудная часть стоявшей перед ним задачи. Всем нужно было дать удовлетворение, делая по возможности меньше уступок, оберегая при этом дворянство и прерогативы королевской власти».

Сходную оценку дает другой историк XIX века. «...Государство отдохнуло при нем от своих долгих страданий, — констатировал Тимофей Грановский, — раны, нанесенные междоусобными войнами, были отчасти залечены. В 1610 году Генрих IV стоял, бесспорно, во главе самого могущественного из государств Европы. Двенадцать лет мира успокоили Францию; в ней было многочисленное воинственное и нетерпеливо ожидавшее новых подвигов дворянство. Отличная артиллерия, хорошо устроенные доходы, значительные запасы, и во главе стоял король, который, бесспорно, принадлежал к числу величайших людей той эпохи...»

Ближайшие соседи Франции — испанские и австрийские Габсбурги — с возрастающим беспокойством наблюдали за энергичной деятельностью Генриха IV, справедливо опасаясь нового военного столкновения с ним. В этом отношении идеальным средством предотвращения такой угрозы было физическое устранение короля. Его наследник был еще слишком юн и несамостоятелен, а Мария Медичи, мать дофина, женщина ограниченного ума, никогда не понимала и не разделяла амбициозных внешнеполитических устремлений своего супруга.

Поколения историков старательно выясняли, не было ли убийство Генриха IV 14 мая 1610 года организовано Габсбургами. Уж слишком очевидна была их заинтересованность в таком исходе. Тем не менее до сих пор доказательств их причастности к этому преступлению обнаружить не удалось. Остается констатировать роковое стечение обстоятельств.

Убийство короля произошло накануне отъезда Генриха IV в армию, изготовившуюся в Шампани для похода в Рейнскую область и Испанские Нидерланды. Король намеревался нанести второй, на этот раз сокрушительный удар по могуществу Австрийского дома. Как нередко бывало в истории, предвоенный кризис получил романтическое облачение.

В 1609 году у 56-летнего Генриха IV, известного многочисленными любовными похождениями*, вызывавшими бешеную ревность его молодой жены, появилась новая страсть — четырнадцатилетняя Шарлотта де Монморанси.

* Биографы Генриха IV насчитали у него тридцать три только официальных фаворитки. По этой части любвеобильный «король Анри» превзошел всех своих предшественников и преемников, включая Людовика XIV, Людовика XV и Наполеона. Самой известной из любовниц Генриха IV была Габриэль д'Эстре, которая родила от короля троих детей — двух мальчиков и девочку. Всего же от любовниц родились по меньшей мере двенадцать узаконенных Генрихом IV внебрачных детей. Последней пассией короля стала Анжелика Поле, дочь парижского банкира, к которой Генрих IV направлялся в роковой для него день 14 мая 1610 года.

Правила дворцового этикета не позволяли королю брать в любовницы незамужнюю девушку из хорошей семьи. Предварительно будущую фаворитку нужно было выдать замуж, позаботившись о приискании ей стоворчивого мужа. В то время Шарлотта была помолвлена с одним из друзей короля, Франсуа де Бассомпьером, имевшим репутацию большого повесы. Генрих IV посчитал этот брак неподходящим для осуществления своих намерений и сумел его расстроить. Затем король поспешил выдать предмет своей страсти замуж за принца Конде, своего ближайшего родственника, казавшегося ему покладистым и незлобивым. Последующее развитие событий показало, насколько король ошибся в своих расчетах.

Молодожены приглянулись друг другу и не скрывали, что счастливы. Конде решительно отказался играть отведенную ему роль. Сразу же после женитьбы он покинул двор и уединился с юной красавицей-женой в одном из своих многочисленных владений. Ярость короля не знала пределов. Он стал настаивать на немедленном разводе супругов Конде, которые, прекрасно зная крутой нрав короля, тайно выехали из Франции и нашли убежище в Испанских Нидерландах. Это побудило Генриха IV ускорить подготовку к военному выступлению, которое решено было нацелить на бельгийские провинции Испании.

Бегство принца и принцессы Конде получило широкий европейский резонанс. Габсбурги и их союзники усмотрели в этом удобную возможность возобновления внутренних распрей, способных ослабить Францию, как это уже бывало на протяжении второй половины XVII века.

Тем временем подготовка к выступлению была завершена. 19 мая 1610 года Генрих IV должен был отправиться в расположение армии. Перед отъездом он решил наконец короновать свою супругу, добивавшуюся этого в течение десяти лет их брака. Кто знает, как долго продлится военная кампания, размышлял король. В его отсутствие страна не может оставаться без управления текущими делами. Этим и должна была заняться Мария Медичи, плотно окруженная министрами-сподвижниками Генриха IV.

13 мая в королевской базилике Сен-Дени была назначена соответствующая церемония. По этому случаю город был празднично украшен: на скорую руку воздвигнуты триумфальные арки из дерева и искусственные фонтаны; повсюду множество цветов. «Никогда, — писал в своих воспоминаниях участник торжественной церемонии кардинал де Ришелье, в то время епископ Люсонский, — собрание дворянства не было столь представительным, как на этой священной церемонии, никогда принцы не были одеты более нарядно, а принцессы и дамы — увешаны драгоценностями; кардиналы и епископы украшают это собрание; уши наполнены очаровательной музыкой и песнопениями; к всеобщему удовлетворению, разбрасываются золотые и серебряные монеты».

Месяц спустя Мария Медичи призналась своему земляку, послу великого герцога Тосканского, что это был самый прекрасный день в ее жизни. Король же, на что многие обратили внимание, явно нервничал, часто вскакивал с места, бросал на присутствующих подозрительно-недоброжелательные взгляды. В один момент он неожиданно взял на руки малолетнего дофина и, подняв его высоко, чтобы видели все, произнес в наступившей тишине сильным голосом: «Господа, вот ваш король!»

Вернувшись в Лувр, Генрих, как сообщает историк Жюль Мишле, провел бессонную ночь. К тому же посетивший отца побочный сын принц де Вандом совсем некстати рассказал, что какой-то прорицатель по имени Лабросс уже который день предрекает близкую смерть короля. Генрих пытался отшутиться. Ему, мол, не первый раз пророчат насильственную смерть, все обойдется и на этот раз... Однако неприятный осадок от рассказа сына долго мешал королю уснуть.

Утро 14 мая не принесло успокоения. Полуденный завтрак проходил как обычно, правда, король был непривычно рассеян и явно не слушал разговоры присутствующих.

В четыре часа пополудни Генрих изъявил желание прогуляться и приказал заложить экипаж. Он был намерен навестить Сюлли, который приболел. Но потом неожиданно поменял первоначальный план и решил ехать к банкиру По-

ле, точнее — к его рыжеволосой красавице-дочери. Погода стояла солнечная, теплая, и король попросил раздвинуть кожаные занавеси на окнах кареты. Экипаж, в котором помимо короля находились месье де Монбазон и герцог д'Эпернон, неспешно двигался по узким улочкам. За беседой король и его спутники не заметили, что за ними быстрым шагом неотступно следует закутанный в плащ человек. На одном из перекрестков карета короля приостановилась. В этот момент ее дверца внезапно распахнулась, и Генрих IV получил удар кинжалом, нанесенный вскочившим на ступеньку неизвестным.

«Я ранен!» — вскричал король и инстинктивно поднял левую руку, защищаясь от нападения. Этот жест оказался для него роковым. Преступник молниеносно нанес второй удар. На этот раз кинжал пронзил сердце. Король умер на месте. Убийца пытался скрыться, но его схватили и жестоко избили.

Герцог д'Эпернон, опомнившись от шока, накрыл тело короля своим плащом и приказал немедленно следовать в Лувр. На этот раз карета мчалась по улицам, разгоняя прохожих. Д'Эпернон выкрикивал одну и ту же фразу: «Король ранен! Король ранен!..» Наконец карета с грохотом въехала во двор Лувра.

Королева в это время пыталась унять приступ мигрени беседой с мадам де Монпансье, своей компаньонкой. Услышав крики, она поначалу подумала, что что-то случилось с ее старшим сыном, и оцепенела от ужаса. Мадам де Монпансье, посланная узнать, что произошло, по возвращении сказала: «Это не ваш сын, это король». Мигрень у Марии Медичи перешла в истерику, завершившуюся тяжелыми рыданиями. Королева беспрерывно повторяла: «Король умер...»

Очевидцы рассказывали, что канцлер Брюлар де Силлери учтиво возразил ей, указав жестом на спешно приведенного дофина: «Пусть ваше величество меня извинит, но во Франции короли не умирают. Да здравствует король!»

Убийца был скоро опознан. Им оказался некий Франсуа Равальяк, фанатичный католик, давний ненавистник короля. Следствие пришло к выводу, что Равальяк — су-

масшедший одиночка. Позднее у историков возникло предположение, что он мог быть агентом иезуитов. Высказывалось мнение, что к убийству могла быть причастна ревнивая супруга Мария Медичи, но эта точка зрения не нашла подтверждения.

Так или иначе, но 14 мая 1610 года закончилось правление «доброго короля Анри». Франция стояла на пороге нового смутного времени — эпохи регентства Марии Медичи.

Королева-регентша Мария Медичи

В истории французской монархии нет, пожалуй, другого примера, когда королева-мать на протяжении четверти века оспаривала бы власть у собственного сына-короля. Такой уникальный пример дала Мария Медичи, вдова Генриха IV, мать Людовика XIII, завершившая свою жизнь в добровольном изгнании, оставленная всеми, кто прежде искал ее расположения и покровительства.

Знал бы Генрих IV, как распорядится его супруга наследием, которое он старательно и скрупулезно собирал на протяжении полутора десятилетий, что занимал французский престол, трижды подумал бы прежде чем просить ее руки у великого герцога Тосканского...

Будущая королева Франции родилась 26 апреля 1575 года во Флоренции, которой с 1574 года управлял ее отец, великий герцог Тосканский Франциск I Медичи. По матери, эрцгерцогине Иоанне Австрийской, Мария Медичи приходилась внучкой императору Священной Римской империи Фердинанду I.

Рано проявившийся у нее интерес к изящным искусствам и естественным наукам Мария, по-видимому, унаследовала от отца, который в ущерб государственным делам отдавал время научным занятиям, увлечению архитектурой и тому, что впоследствии назовут дизайном. Герцог был и страстным почитателем алхимии, что также передалось Марии, его шестой по счету дочери от первого брака.

В апреле 1578 года очередными родами умирает тридцатилетняя Иоанна Австрийская. Четыре месяца спустя овдовевший герцог вступает в брак со своей давней любовницей Бьянкой Капелло, принадлежавшей к знатному венецианскому роду.

Раннее детство осиротевшей в три года Марии, проходившее во дворце Питти, было скорее безрадостным. Она, как ее сестры и единственный брат, лишившись материнской любви и заботы, не нашла их у мачехи, которая интересовалась только собственным сыном, рожденным еще до ее брака с герцогом.

В двенадцать лет Мария потеряла и отца, умершего от малярии в возрасте сорока шести лет. После смерти в 1582 году пятилетнего Филиппо, единственного сына Франциска I, тосканский престол унаследовал брат герцога Фердинанд I, который взял на себя попечение над племянницами.

Фердинанд был женат на Кристине Лотарингской — любимой внучке Екатерины Медичи, королевы Франции. В отличие от недоброжелательной к девочкам-сироткам Бьянки Капелло Кристина сострадала племянницам и искренне заботилась о них. С ней возникла первая ниточка, которая впоследствии приведет Марию Медичи в Париж.

Вопреки существовавшему до недавнего времени мнению о невежественности Марии Медичи она, как и ее сестры, получила неплохое образование и надлежащее принцессам воспитание. Большой интерес Мария проявляла к точным и естественным наукам, в особенности к химии и минералогии. Она могла часами рассматривать и изучать драгоценные камни, знала в них толк. Другими ее страстными увлечениями были музыка, танцы и уроки рисования под руководством Жакопо Лигоцци, известного флорентийского художника

и гравера. Мария неплохо играла на гитаре и лютне, с удовольствием исполняла вокальные партии, участвовала в театрализованных постановках.

Впоследствии, когда она станет королевой Франции, Мария Медичи будет играть важную роль в культурной жизни Парижа. Она возьмет под свое покровительство людей искусства — музыкантов, архитекторов и художников. В круг ее друзей входили Гвидо Рени, художник болонской школы, и фламандский художник Питер Пауль Рубенс, который создаст для нее 24 живописных полотна (так называемый цикл Марии Медичи), хранящиеся ныне в Лувре. Ее стараниями в 1615–1631 годах в самом центре Парижа будет построен Люксембургский дворец, красивейший архитектурный ансамбль французской столицы. Он станет личной резиденцией Марии Медичи, а впоследствии — резиденцией сената.

При всей любви к искусству Мария Медичи с молодых лет не отличалась большим умом и самостоятельностью суждений, чему способствовало чрезмерное религиозное воспитание, сделавшее ее подверженной внешним влияниям. Ближайшее окружение девушки-подростка ограничивалось ее старшей (на двенадцать лет) сестрой Элеонорой и камеристкой Леонорой Дори (Галигай). Когда Элеонора выйдет замуж за герцога Мантуанского и навсегда покинет Флоренцию, Леонора, несмотря на разделявшую их пропасть в социальном положении, останется единственной подругой и confidentкой Марии Медичи. Сближало их и то, что обе они были выкормлены одной кормилицей и считали себя молочными сестрами.

К двадцати годам Мария превратится в рослую, склонную к полноте, но с прекрасной осанкой, привлекательную белолицую шатенку. Единственный недостаток — слишком маленькие при внушительном росте и фигуре глаза. По характеру она была законченным меланхоликом — апатичной, равнодушной ко всему, что не входило в круг ее интересов, ленивой, но при этом, как со временем выяснится, властолюбивой и болезненно ревнивой особой.

Накопленные поколениями рода Медичи богатства вывели тосканскую принцессу в первый ряд завидных европей-

ских невест. Фердинанду I, ее дяде и опекуну, было из кого выбирать. В результате серьезных размышлений он сделал выбор в пользу графа Франсуа де Водемона*, младшего брата своей супруги герцогини Кристины Тосканской.

Вопрос, казалось, был решен, но в это время неожиданно появляется еще один претендент на руку принцессы Тосканской — король Франции Генрих IV. Правда, вот уже двадцать семь лет, как он женат на Маргарите Валуа, дочери Екатерины Медичи и Генриха II, но вот-вот будет получено согласие папы на развод. И действительно, в октябре 1599 года папа Климент VIII аннулировал брак Генриха IV и Маргариты Валуа, согласившейся на развод в обмен на сохранение за ней королевского титула и получение солидной финансовой компенсации.

Фердинанд I не мог устоять от искушения породниться с одним из самых влиятельных монархов Европы — королем Франции и Наварры, своим недавним союзником в войне против Испании.

Что касается Генриха IV, то его выбор в пользу Марии Медичи имел свою подоплеку. Во-первых, королю Франции срочно был необходим наследник для утверждения на троне новой династии — Бурбонов. За двадцать семь лет брака Маргарита Валуа так и не смогла подарить мужу столь желанного дофина. В этом смысле молодая, цветущая Мария Медичи представлялась вполне подходящей партией. К тому же, и это было очень важно, она приходилась внучкой императору Фердинанду I, что, по мысли Генриха IV, должно было послужить дополнительной опорой для легитимации его не вполне устойчивого трона. В-третьих, король Франции, испытывавший острые финансовые трудности, рассчитывал получить за невестой солидное приданое.

В результате непродолжительных переговоров к марту 1600 года удалось согласовать все детали брачного контракта, по которому жених получал в качестве приданого за невестой 600 тыс. золотых экю (2 млн ливров), из которых половина

* В 1625 году ему суждено будет ненадолго стать герцогом Лотарингским и Барским Франциском II.

суммы пошла на оплату давнего долга французской казны перед банком Медичи. По этому поводу Генриетта д'Антрег, тогдашняя любовница Генриха IV, дала невесте короля хлесткое прозвище «толстая банкирша» («la grosse banquière»).

5 октября 1600 года в знаменитом кафедральном соборе Флоренции Санта-Мария-дель-Фиоре состоялось предварительное «бракосочетание по доверенности» («mariage par procuration»). Отсутствующего жениха представлял Роже де Сен-Лари де Бельгард, великий конюший (обер-шталмейстер), один из ближайших сподвижников Генриха IV.

23 октября 1600 года будущая королева Франции навсегда покидает родную Флоренцию и, сопровождаемая свитой из двух тысяч человек, отбывает в Ливорно, где поднимается на борт корабля, доставившего ее 3 ноября в Марсель. Там 25-летнюю Марию встречает Антуанетта де Понс-Либерак, графиня де Ларош-Гийон, маркиза де Гершевиль, назначенная старшей придворной дамой королевы. Новобрачной с трудом удастся скрыть свое удивление, смешанное с негодованием, когда ей сообщают, что занятость государственными делами не позволила ее супругу лично прибыть в Марсель.

Проведя некоторое время в столице Прованса, Мария Медичи отправляется в Лион, куда прибывает 3 декабря. Личное знакомство молодоженов состоялось спустя шесть дней. 9 декабря после совместного ужина они проводят первую брачную ночь. Приехавший в Лион папский легат 17 декабря дает молодоженам благословение и венчает их, после чего все отправляются в Париж.

Девять месяцев спустя, 27 сентября 1601 года, Мария Медичи дарит супругу желанного дофина. Его назовут Луи. За последующие девять лет она родит еще пятерых детей. Одну из дочерей Мария с согласия короля назовет Кристиной, в честь своей флорентийской благодетельницы-тетки Кристины Лотарингской.

Непостижима материнская душа в предпочтениях к своим детям. Любимцем Марии Медичи станет вовсе не первенец Луи, а предпоследний ее ребенок Гастон, герцог Анжуйский, который в ноябре 1611 года получит титул герцога Орлеан-

ского. Именно его она хотела бы видеть на троне, но, увы, ничего изменить не могла. В дальнейшем королева-мать всегда будет вставать на сторону своего любимчика в его упорном соперничестве со старшим братом.

Освоившись на новом месте, Мария обнаружила, что ее изначальные представления о супружеской жизни не соответствуют реальности. Пятидесятилетний король совершенно открыто, даже демонстративно, сожительствовал с фаворитками и многочисленными любовницами, от которых имел внебрачных детей. А одно время — между 1607 и 1609 годом — Генрих IV, казалось, и вовсе забыл о существовании супруги, перестав посещать ее спальню. Зато он никогда не обходил вниманием других привлекательных женщин.

Мария чувствовала бы себя совершенно одинокой при чужом дворе, если бы не любимая компаньонка Леонора и ее муж — Кончино Кончини, дворянин из свиты, сопровождавший ее в Париж, где Леонора и Кончино с благословения королевы в июле 1601 года сочетались браком.

Глубоко уязвленное женское самолюбие Марии Медичи не желало смириться с тем унижением, в которое, как она считала, ее постоянно ввергал неверный супруг. Невыносимо унижительно для нее и упорное нежелание Генриха IV короновать жену. Пройдут долгие десять лет, прежде чем он согласится на этот шаг, отправляясь на войну, которая могла затянуться на неопределенное время. Столь желанная Марией Медичи коронация состоялась 13 мая 1610 года в королевской базилике Сен-Дени.

А на следующий день Генрих IV был убит религиозным фанатиком Равальяком, что немедленно породило понятные в тех обстоятельствах слухи о причастности Марии Медичи к убийству короля.

Так или иначе, но 14 мая 1610 года внезапно овдовевшая Мария Медичи неожиданно для себя оказалась в положении регентши при восьмилетнем Людовике XIII.

Король, намеревавшийся править еще многие годы, не оставил завещания. Кое-кто говорил о его намерении уч-

редить — в случае неожиданной смерти — Регентский совет в составе пятнадцати особо доверенных лиц. Но на практике все оказалось не так просто. Чуть ли не в день гибели Генриха IV вспыхнула ожесточенная борьба партий и кланов, в которую был вовлечен и Парижский парламент*. Была высказана идея созыва Генеральных штатов (собрания всех трех сословий Франции — духовенства, дворянства и верхушки городской буржуазии). Однако внезапно обнаружившиеся в большом количестве сторонники королевы добились отклонения этого предложения. Дело осложнялось тем, что во Франции в то время не существовало никаких установлений, регламентирующих учреждение регентства.

Возникшей неразберихе и неопределенности был положен конец после того, как герцог д'Эпернон, один из фаворитов покойного короля, переметнувшийся на сторону Марии Медичи, явился в парламент с внушительной охраной и объявил, что король перед смертью успел якобы сообщить ему свою последнюю волю — доверить регентство королеве до совершеннолетия дофина. И добавил, что как генерал-полковник пехоты (одна из высших военных должностей) он, д'Эпернон, гарантирует верность войск королеве-регентше и сохранение общественного порядка.

В поддержку идеи регентства высказался первый президент парламента д'Арле, после чего магистраты без всякой дискуссии одобрили кандидатуру королевы в качестве регентши при малолетнем Людовике XIII до достижения им

* Парижский парламент — самый влиятельный из тринадцати тогдашних высших судебно-административных учреждений Франции. В XIII веке он постепенно выделился из Королевского совета, а самостоятельное значение приобрел в XV веке. В компетенцию Парижского парламента входили судебные дела, так или иначе затрагивающие интересы королевской власти. По существовавшему порядку, все королевские эдикты и ордонансы подлежали занесению в парламентские реестры, после чего они вступали в законную силу. Королевская власть вынуждена была считаться с мнением Парижского парламента, который постоянно вмешивался в государственные дела, что неизбежно вело к нарастанию конфликтных отношений между двумя институтами власти.

необходимых для самостоятельного правления тринадцати лет. Одновременно они возложили на королеву-мать ответственность за воспитание и обучение юного короля. Все это происходило в то время, когда убитый король еще не был даже предан земле. Счет шел на часы и минуты.

На следующий день, 15 мая, состоялось заседание парламента с участием Марии Медичи и восьмилетнего Людовика XIII. Генеральный адвокат парламента, представлявший интересы королевы, расписал все ее несравненные достоинства. В заключение своей речи он высказал высокопочтительной ассамблее просьбу официально подтвердить ее вчерашнее постановление, разрешив опубликовать его во всех бальяжах и сенешальствах королевства. Канцлер Брюлар де Силлери начал обход присутствующих, с тем чтобы каждый проголосовал. Первым был юный король, затем королева-мать и далее в строгой иерархии все участники заседания. Завершив обход, канцлер вернулся к возвышению, на котором располагался мальчик-король, и огласил постановление парламента, утверждающее королеву-мать в ее функциях регентши королевства. Постановление было оформлено в виде доверенности Людовика XIII своей матери на управление делами до достижения им необходимого возраста зрелости.

Мария Медичи в одночасье обнаружила, как, оказывается, много у нее неведомых прежде приверженцев и почитателей. Придворные теснились у нового трона в едином желании быть к нему предельно близко. Среди них не видно только одного, вчера еще всемогущего человека — герцога де Сюлли. Узнав о смерти своего покровителя, сюринтендант финансов укрылся за мощными стенами Арсенала и не выходил за его пределы. В решающий момент ему не хватило мужества. Судьба страны в первые дни нового правления определялась без его участия. Вокруг Марии Медичи были герцог д'Эпернон, канцлер Силлери, президент Парижского парламента Жаннен, государственный секретарь де Виллеруа. В этот момент на сцену вышел из тени и Кончино Кончини, давно уже освоившийся в спальне 35-летней королевы.

Он ловко воспользовался обидой Марии Медичи на мужа-короля, фактически оставившего ее, и сумел обратить в свою пользу желание королевы отомстить неверному Генриху. Постепенно, шаг за шагом, он привязал к себе скучавшую королеву и стал для нее незаменимым советником во всех делах. Ко времени убийства Генриха IV влияние Кончини на Марию Медичи стало поистине безграничным. Самое удивительное в этой, казалось бы, банальной интрижке состояло в том, что в отношении Кончини с королевой была посвящена его жена Леонора. Впоследствии поговаривали, что именно она толкнула Кончини в объятия своей госпожи, чтобы прочнее связать королеву с их семьей и таким образом обеспечить будущее мужа, вынашивавшего далекоидущие планы.

Со смертью короля Кончини решил, что наконец-то настал его час. Тщеславный флорентиец вознамерился, ни много ни мало, встать во главе Королевского совета. Мария Медичи сделала его маркизом, а в 1613 году — даже маршалом Франции, хотя ее фаворит не участвовал ни в одном сражении, никогда, ничем и никем не командовал. Новоявленный маршал д'Анкр был осыпан своей покровительницей всеми возможными милостями. Среди прочего он получил почетный титул «светлейший». Но по мере возвышения авантюриста нарастала и всеобщая ненависть к нему.

Генрих IV, осведомленный о роли Кончини при Марии Медичи, терпел нахала-иностранца, только чтобы не ссориться с женой. Смертельного врага имел Кончини в лице герцога де Сюлли, который неоднократно пытался удалить итальянца из Парижа, но всякий раз наталкивался на решительное сопротивление королевы. После 14 мая 1610 года судьба самого Сюлли оказалась под вопросом. Кончини энергично добивался удаления своего недруга и в начале 1611 года добился своего: королева дала отставку ненавистному ей Сюлли, с которым у нее при жизни короля происходили частые столкновения. Однажды, когда Мария Медичи в припадке ревности подняла руку на мужа в присутствии его министра, Сюлли даже заявил ей, что она может лишиться головы. Сюринтендант нередко отказывал королеве в выдаче

запрашиваемых ею сумм. С удалением Сюлли старательно пополнявшаяся им казна, надежно хранившаяся в подвалах Бастилии, была, по существу, отдана на откуп Марии Медичи и ее фавориту. Вслед за Сюлли от власти постепенно стали отстраняться и другие соратники Генриха IV.

Устранение одного из вождей гугенотов вызвало тревогу и волнения в их среде, но Мария Медичи в упоении от обретенной власти поначалу не придавала этому никакого значения.

Едва став регентшей, Мария Медичи ищет опоры у испанской партии. Наряду с Кончини ее главными советниками становятся папский нунций и испанский посол. Ее первые шаги на внешнеполитическом поприще были направлены на нормализацию отношений с Габсбургами. Едва начавшиеся военные действия были немедленно прекращены, а армия возвращена на постоянные квартиры. У Марии Медичи даже возникает мысль о династическом примирении с Австрийским домом: дофин должен жениться на испанской принцессе. В Мадриде намерения регентши встретили самую горячую поддержку. Начались конфиденциальные переговоры об условиях заключения брака.

26 января 1612 года Мария Медичи объявляет на Королевском совете о предстоящей женитьбе десятилетнего Людовика XIII на дочери короля Испании Филиппа II инфанте Анне Австрийской, а уже 25 августа того же года, в день св. Людовика, в Париже был подписан брачный договор, согласно которому бракосочетание наметили на конец 1615 года, когда жених и невеста достигнут необходимого возраста зрелости.

За короткий срок казна, старательно пополнявшаяся Генрихом IV и Сюлли, изрядно истощилась. Всего за три года Мария Медичи, ублажая новых фаворитов и покупая покорность осмелевших после смерти Генриха IV принцев, растратила почти все, что полтора десятка лет собирал ее муж. Только на бриллиантовое ожерелье, заказанное для невесты короля в качестве приданого, было истрачено 450 тыс. ливров. Когда же поток подарков и пенсий градам иссяк, они один за другим стали покидать Париж, отправляясь в свои владения и наместничества. За исключением

Гизов и д'Эпернона все принцы выехали из столицы в знак протеста против усиливавшегося влияния маршала д'Анкара.

Недовольные выдвинули требование созыва Генеральных штатов для рассмотрения положения дел в королевстве, которое, по их мнению, стало крайне неблагополучным. Отвергнув регентство королевы-матери, «оппозиция принцев» выдвинула кандидатуру принца Конде на пост наместника королевства до совершеннолетия Людовика XIII. Одновременно принцы потребовали удаления министров, которые ориентируются на Мадрид.

Истощение казны имело следствием усиление налогового бремени, в свою очередь стимулировавшее нарастание широкого общественного недовольства. Однако наблюдавшееся брожение странным образом уживалось с апатией и не принимало агрессивных форм. Слишком много крови было пролито в религиозных войнах, недобрая память о которых еще не изгладилась. Конде и его сторонникам не удалось в тот период развязать новую гражданскую войну. Может быть, по этой причине принцы пошли на компромисс с королевой, подписав 15 мая 1614 года так называемый Сент-Менеульский договор. Признав окончательно регентские права Марии Медичи, аристократическая оппозиция сумела добиться многого из того, на чем настаивала: созыва Генеральных штатов, новых даров в виде наместничеств и других доходных мест и т. д. Но принцам не удалось добиться главного — удаления Кончини-д'Анкара. Мария Медичи держалась за него до конца.

По мере приближения совершеннолетия дофина все чаще Мария Медичи задумывалась над тем, как продлить свое регентство. Благодаря компромиссу с принцами она сумела остаться чем-то вроде наместницы и главы Королевского совета и после того, как 27 сентября Людовик XIII стал формально суверенным королем.

Церемония передачи правления состоялась 2 октября 1614 года. На тринадцатилетнем Людовике XIII было бриллиантовое ожерелье стоимостью 900 тыс. ливров. За спиной короля стояли его младший брат Гастон, герцог Анжуйский, принц Конде, другие принцы крови согласно строгой иерар-

хии. Здесь же присутствовал весь двор и нотабли Франции. Но по существу, и после 2 октября мало что изменилось. Власть короля-подростка была чисто номинальная, и всем по-прежнему заправляла его мать, действующая по наущению маршала д'Анкара.

В соответствии с договором в Сент-Менеуле в течение лета 1614 года по всей Франции проводились выборы делегатов в Генеральные штаты. Впервые Генеральные штаты были созваны во Франции в 1302 году. Важнейший институт феодальной сословной монархии, они выражали интересы всех трех сословий: духовенства, дворянства и городской верхушки, — но со временем стали использоваться королевской властью для упрочения своих позиций в борьбе с сепаратизмом отдельных провинций и местничеством аристократии.

Генеральные штаты 1614 года стали предпоследним собранием трех сословий Франции перед Французской революцией конца XVIII века. Они открылись 27 октября 1614 года в Париже, в большом зале Бурбонского дворца. На почетном месте восседал совсем еще юный Людовик XIII. Справа от него — Мария Медичи, затем Маргарита Валуа, первая супруга Генриха IV, за которой сохранился королевский титул, и Елизавета Французская, которой скоро предстояло отправиться в Мадрид. Слева — младший брат короля Гастон и сестры.

Выждав, пока установится тишина, король поднялся и произнес написанную для него краткую речь, обращенную к депутатам. Заверив их в своей любви к народу Франции, Людовик XIII сказал, что его воля будет объявлена депутатам канцлером де Силлери. Таков был порядок, установленный еще в XIV веке.

Канцлер — сухой старик с бородой, как у Генриха IV, терпящийся в горностаевом воротнике, — поднялся с места и начал речь, продолжавшуюся более часа. Бездарный, бесхарактерный человек, он удерживался у власти благодаря невероятной ловкости и полной беспринципности. Канцлер не был оратором, и депутаты с трудом слушали его путаную речь, в которой он исхитрился не затронуть ни одной из многочисленных проблем, волновавших общество.

Вслед за ним один за другим выступили председатели сословных делегаций, а затем все взоры устремились в сторону главного «виновника» созыва Генеральных штатов — принца Конде. Богатейший человек Франции, принц Конде отличался невероятной скупостью и безграничными амбициями. Он открыто претендовал на высшую власть в королевстве. Не обладая полководческими талантами, Конде видел себя по меньшей мере коннетаблем Франции, то есть верховным главнокомандующим, вторым лицом в государстве — своего рода вице-королем. В этом его желания шли вразрез с аналогичными притязаниями Кончини-д'Анкра. Именно от него ждали развернутого выступления по всем насущным вопросам. К всеобщему удивлению, надменный принц не обнаружил никакого желания взять слово.

После затянувшейся паузы заседание было объявлено закрытым. Теперь предстояла напряженная работа по сословным палатам, каждая из которых должна была выработать свой наказ королю. В середине ноября 1614 года возник довольно острый конфликт между второй (дворянской) и третьей (буржуазной) палатами по вопросу о так называемой полетте — ежегодном денежном взносе чиновников в казну за занимаемую ими должность. По существу, чиновничество получало должности в неограниченную собственность. Дворянская палата включила в свой наказ требование об отмене полетты, а третье сословие, не желавшее отказываться от этой бенефиции, настаивало на ее сохранении. Со своей стороны, буржуа выдвинули требование сократить пенсии и другие многочисленные выплаты дворянству. Возник своего рода «межклассовый» конфликт, урегулировать который удалось епископу Люсонскому (будущему кардиналу Ришелье), склонившему обе палаты к компромиссу.

Конфликт по вопросу полетты и пенсий не был единственным в ходе работы Генеральных штатов. В декабре 1614 года произошел инцидент — на этот раз между третьим сословием и блоком духовенства и дворянства. Суть конфликта сводилась к требованию третьего сословия укрепить суверенные права королевской власти, осудив все попытки ее ограни-

чения как внутри Франции, так и извне. «Король — суверен Франции, — гласила резолюция третьей палаты. — Он обязан своей короной одному только Господу Богу. Нет на земле никакой другой силы... которая имела бы право на его королевство и которая могла бы лишить его короны, равно как и освободить его подданных под каким бы то ни было предлогом от верности ему и повиновения».

Всем стало ясно, что это требование направлено, с одной стороны, против эгоистических, местнических поповолюбивых аристократии, пытавшейся отстоять свои древние права, а с другой — против претензий Святого престола диктовать свою волю галликанской церкви и королю Франции.

Позиция третьего сословия, безусловно, отвечала интересам королевской власти, однако сама эта власть была серьезно скомпрометирована четырьмя годами регентства Марии Медичи. Опасаясь новой вспышки гражданской войны, Королевский совет искал компромиссное решение и в конечном счете предпочел встать на сторону духовенства и дворянства. Эдиктом Людовика XIII, составленным советниками Марии Медичи, третьей палате было запрещено включать в наказ наделавшую столько шума резолюцию.

Воодушевленные победой духовенство и дворянство перешли в наступление и потребовали существенного сокращения государственных расходов, а также отмены полетты. Начались первые, пока еще косвенные, нападки на расплодившихся при дворе Марии Медичи фаворитов и нечистых на руку авантюристов. Раздавались пока отдельные, но все более настойчивые требования установить строгий контроль над финансами. Более того, впервые был поставлен вопрос об изменении состава Королевского совета. Неизбежно возник и вопрос о двоевластии — юного Людовика XIII и Марии Медичи.

Подавляющее большинство депутатов от духовенства высказались за сохранение двух центров власти. Убедить две другие палаты согласиться с мнением духовенства было поручено все тому же епископу Люсонскому, который, надо сказать, успешно справился и с этим деликатным делом.

Палаты в конечном счете поддержали закулисные притязания королевы-матери, не желавшей отдавать власть своему сыну-королю. С этого момента епископ Люсонский был допущен в ближний круг Марии Медичи. Именно ему было поручено стать докладчиком от первой палаты при окончательном редактировании наказа королю.

Завершение работы Генеральных штатов было омрачено выступлением докладчика от третьей палаты, Франсуа Мирона. Он напомнил депутатам о бедственном положении народа, терпящего притеснения и лишения, о необходимости реформ и усилении королевской власти — защитницы простого народа. Мирон передал требования своего сословия: регулярно (не реже одного раза в десять лет) созывать Генеральные штаты, строго контролировать «правильное» распределение финансов и государственных должностей. В наказе третьего сословия говорилось также о необходимости соблюдения равенства всех перед законом, об отмене чрезвычайных трибуналов, поощрении торговли и ремесел, отмене внутренних таможенных барьеров и принятии ограничительных мер в отношении иностранных торговцев, о сокращении пенсий сановникам и т. д.

Это выступление вызвало откровенное недовольство духовенства и дворянства.

12 марта 1615 года Людовик XIII закрыл Генеральные штаты словами: «Господа, я благодарю вас за усердный труд... Я поручу изучить ваши указы и дам вам ответ».

Своего обещания король не выполнит. Указы сословий не были даже изучены, а специальная комиссия представителей трех сословий, призванная оказать помощь Королевскому совету в подготовке соответствующих решений, прекратила свое существование, не успев даже собраться.

Мария Медичи в то время интересовалась совсем другим — предстоящей женитьбой дофина на испанской принцессе, что должно было, по ее мысли, примирить Бурбонов и Габсбургов. Задуманный ею династический союз должен был получить дополнительную прочность за счет своеобразного брачного обмена: ее старший сын-король сочетается браком с инфантой Анной Австрийской, а ее старшая дочь Елизавета

(Французская) отдается в жены инфанту Филиппу, герцогу Астурийскому, наследнику испанского престола (будущему Филиппу IV).

В последних числах сентября 1615 года из Парижа на юг Франции, в направлении франко-испанской границы, двинулся внушительный кортеж — весь цвет французского двора во главе с Людовиком XIII, Марией Медичи и принцессой Елизаветой. Тысяча отборных всадников под командованием незаменимого герцога д'Эпернона обеспечивала безопасность продвижения.

Мария Медичи оставляла Париж с тяжелым чувством. Незадолго до этого Конде и его сторонники выпустили манифест, в котором говорилось (и это было правдой), что Королевский совет не выполняет наказов Генеральных штатов и не намерен осуществлять необходимые преобразования. В манифесте также осуждалось навязанное Франции королевой-матерью заключение двойного династического союза. Особое беспокойство у Марии Медичи также вызвало оживление гугенотской оппозиции. Возникла вполне реальная угроза новой вспышки внутренней междоусобицы. Для предотвращения возможности захвата столицы врагами она оставила там две тысячи швейцарских гвардейцев, возложив ответственность за обеспечение безопасности и порядка в Париже на старейшего маршала Франции де Буадофена. Маршалу было приказано контролировать возможное передвижение вооруженных формирований Конде, сосредоточенных в районе Клермон-ан-Бовези.

9 ноября королевский кортеж достиг конечной цели путешествия — приграничного города Бидассоа, расположенного на франко-испанской границе. Туда же прибыла не менее внушительная испанская делегация. В тот же день состоялась торжественная церемония обмена невестами: тринадцатилетней Елизаветы Французской на четырнадцатилетнюю Анну Австрийскую.

В течение нескольких последующих дней шли переговоры, сопровождавшиеся ежевечерними пиршествами. 25 ноября 1615 года все формальности были улажены, после чего четырнадцатилетний Людовик XIII и Анна Австрийская провели

первую брачную ночь. На следующий день французский двор покинул Бидассоа и отправился в обратный путь.

Королева-мать могла быть всем довольна, если бы не постоянные мысли о Конде. От агентов, рассылавшихся во все концы, ей стало известно, что крупному отряду Конде удалось обойти заслоны королевских войск и прорваться на юг. Не исключалось даже нападение мятежного принца на королевский кортеж, и поэтому были приняты дополнительные меры безопасности. Но все обошлось: кортеж благополучно вернулся в столицу.

Начало нового, 1616 года принесло надежду на мирное урегулирование конфликта между Марией Медичи и недовольными принцами. Не сумев собрать достаточно сил для похода на Париж, Конде и его сторонники вынуждены были искать пути примирения с центральной властью. В середине февраля в районе городка Луден начались мирные переговоры. 3 мая 1616 года там было подписано соглашение, по которому принцы, и в первую очередь Конде, добились от правительства новых уступок (губернаторств, замков, денежной компенсации за понесенные военные издержки и т. д.). Государству эти уступки обошлись в 20 млн ливров, дополнительно выкачанных из податных сословий.

За подписанием мирного соглашения последовали серьезные перемены в Королевском совете. Принцам не удалось добиться удаления Кончини, зато Мария Медичи использовала соглашение для окончательного отстранения от власти «барбонов» («бородачей») — старых соратников Генриха IV. Канцлер Силлери уступил место первому президенту парламента Экса дю Вэру. Жаннен, удержавшись в Королевском совете, потерял пост генерального контролера (министра) финансов, доставшийся сыеру Барбену — доверенному человеку Марии Медичи. Внешнеполитические дела были переданы из рук Виллерау ставленнику Кончини — Клоду Манго, первому президенту парламента Бордо.

Между тем в Париже участились случаи открытых нападок на Кончини и его жену. По рукам ходили многочисленные памфлеты оскорбительного характера, направленные против маршала д'Анкра.

Как-то незаметно при дворе появляется новое лицо — любимец юного короля Альбер де Люинь. Выходец из обедневшей провансальской дворянской семьи, он служил пажом при Генрихе IV, определившем его к малолетнему дофину наставником по военному делу и охоте. Альбер де Люинь — непревзойденный мастер соколиной охоты — пристрастил к ней и Людовика XIII. Будучи почти на двадцать лет старше короля, Люинь сумел завоевать доверие Людовика XIII, стать его ближайшим другом и советником. Именно под влиянием Люиня прежде покорный и безропотный сын, к неудовольствию королевы-матери, обнаруживает стремление к самостоятельности, переходящее в неповиновение. Встревоженная правительница очень скоро поняла, кто направляет ее сына. Поначалу она попыталась договориться с Люинем, осыпав его милостями: доверила ему управление замком Амбуаз и даже ввела в состав Королевского совета. Увы, ожидаемого сближения не произошло. Люинь не обнаруживал никаких признаков благодарности.

Под влиянием своего старшего друга Людовик XIII все дальше отдалялся от матери; положение подконтрольного суверена уже не устраивало его. А после женитьбы недовольство угнетавшим его влиянием властной матери приняло у короля столь откровенную форму, что Мария Медичи вынуждена была пойти на уступки и допустить юного короля к реальному, а не только представительскому участию в решении государственных дел.

Осуществив перемены в Королевском совете, Мария Медичи сумела провести на ключевые посты своих ставленников и людей Кончини. Оставалось убедить строптивного Конде, опять собиравшего армию в окрестностях Бурже, пойти на переговоры. Эту важную миссию она доверила своему новому советнику епископу Люсонскому, которому удалось склонить Конде войти в Королевский совет. Когда 17 июля 1616 года вождь оппозиции неожиданно для многих прибыл в Париж, Мария Медичи устроила ему пышный прием. Пообещав ему новые уступки и льготы, королева-мать добилась от Конде хотя бы внешнего примирения с Кончини.

Епископ Люсонский, организатор примирения, был назначен ею на пост государственного секретаря по иностранным и военным делам. Так началась министерская карьера будущего кардинала Ришелье.

Однако уже через полтора месяца Мария Медичи обвинила Конде в подготовке свержения Людовика XIII, приказала арестовать его и заключить в Бастилию.

Хорошо рассчитанный удар произвел должное впечатление. Никто не ожидал от апатичной королевы-матери столь решительного шага. Сторонники Конде спешно покинули Париж и затаились. Попытка вдовствующей принцессы Конде — матери вождя оппозиции — поднять мятеж в столице была подавлена в считанные часы.

5 октября 1616 года два мятежных принца — Майенский и Лонгвиль — объявили о прекращении сопротивления и подчинении центральной власти. Лишь герцог де Буильон, укрепившийся в Седане, и герцог де Невер, губернатор Шампани, решили продолжить борьбу, но спустя полгода стороны пришли к миру.

Наступившей в середине апреля 1617 года мирной паузой поспешили воспользоваться противники временщика Кончини. Особую активность — конечно же, закулисную, — проявлял Альбер де Люинь, который сумел убедить Людовика XIII в необходимости положить конец влиянию маршала д'Анкара на том основании, что тот посягает на его королевское достоинство.

И действительно, непомерные амбиции Кончини перешли все границы. Однажды на заседании Королевского совета он шокировал всех своей наглостью, самовольно заняв место отсутствовавшего в тот день короля. Кончини откровенно домогался звания коннетабля Франции и настолько зарвался в своих притязаниях, что перестал обращать внимание на предостережения своей более осмотрительной супруги, тщетно уговаривавшей его поскорее уехать подобру-поздорову в Италию, прихватив нажитое при французском дворе. Даже Мария Медичи, если верить мемуарам Ришелье, порядком уставшая от домогательств ненасытного флорентийца, советовала ему покинуть Францию. Однако маршал д'Анкр не внял разум-

ным советам. С упорством фанатика он продолжал верить в свою звезду, не догадываясь, что она уже близка к закату.

Преодолев страх и сомнения, король дал согласие на акцию, которая была доверена капитану королевских мушкетеров Николя де л'Опиталю де Витри.

На 24 апреля 1617 года была назначена королевская охота. В церемонии сборов и проводов короля должны были участвовать все придворные, в том числе, разумеется, и маршал д'Анкр, который почему-то опаздывал. Собравшиеся ждали выхода короля, но он все не появлялся. В эти минуты Людовик XIII вместе со своими доверенными лицами — Люином, д'Орнано и Ботрю — находился во внутренних покоях. Все заметно нервничали.

Около 10 часов утра в сопровождении свиты из шестидесяти вооруженных дворян на подъемном мосту Лувра появился маршал д'Анкр. Навстречу ему вышел де Витри и, подойдя вплотную, решительно сказал: «Именем короля, вы арестованы!» — «Я?» — упавшим голосом произнес Кончини, инстинктивно сделав шаг назад. В этот момент вышедшие из-за спины де Витри четыре мушкетера одновременно выстрелили ему прямо в лицо. Кончини упал как подкошенный. Несколько человек из свиты Кончини выхватили шпаги и изготовились к бою, но де Витри, поставив ногу на бездыханное тело маршала, предостерег их: «Господа, я действовал по приказу короля!» При этих словах охрана поверженного временщика поспешила рассеяться.

Услышав выстрелы, Людовик XIII отправил д'Орнано к месту происшествия. Через несколько минут тот вернулся и коротко сказал: «Сделано». Король спустился в зал, выходящий окнами во двор. Д'Орнано помог взобраться ему на подоконник. Увидев снизу короля, де Витри и группа его единомышленников стали кричать: «Vive le Roi!»

Юный король был возбужден не менее заговорщиков. «Большое спасибо! Большое спасибо всем! — повторял он. — С этого часа я король! Пусть пошлют за старыми служителями моего отца и бывшими членами Совета. Я намерен управлять с их помощью». На поиски «барбонов» отправили королевских камердинеров.

Спустя некоторое время Людовик XIII лично приветствовал изумленных неожиданным приглашением соратников Генриха IV — Виллерау, Жаннена, Ломени и Поншартрена. Он обнял Виллерау, сказав, что Господу было угодно освободить его от маршала д'Анкара и что теперь он возвращает бывшего государственного секретаря и его коллег на их прежние посты.

Тело Кончини было спешно похоронено в склепе храма Сен-Жермен-л'Оксеруа. Но уже на следующий день кем-то подстрекаемая толпа разгромила склеп. Труп вытряхнули из гроба и поволокли на веревке по улицам Парижа к Новому мосту, где в свое время фаворит приказал установить виселицу для проведения публичных казней. Теперь на той самой виселице вздернули самого Кончини. Но обезумевшей толпе этого показалось мало, и она разорвала останки ненавистного временщика буквально на части.

Любопытна реакция на убийство Кончини той, кто в течение семи лет была игрушкой в его руках. Мария Медичи не обнаружила ни гнева, ни грусти, ни жалости. «Пусть мне более никогда не говорят об этих людях (о супругах Кончини. — П. Ч.), — заявила королева-мать. — Я их предупреждала. Они должны были уехать в Италию...»

Еще удивительнее поведение маршальши д'Анкар — Леоноры Галигай. Назвав покойного мужа «спесивым безумцем» и напомнив, что неоднократно предлагала ему покинуть Францию, вдова добавила: «Если он убит, значит, это угодно королю». Столь же безучастно отнеслась Леонора и к вторжению в ее покои в Лувре мушкетеров де Витри, изывавших все ценности. Она лишь с мрачной усмешкой наблюдала за тем, как они заталкивали куда попало ее шелковые чулки. Мушкетеры доставили ее в Бастилию, позже она была переведена в Консьержери. 8 июля 1817 года по приговору парламентского суда, обвинившего Леонору Галигай в колдовстве, она была обезглавлена на Гревской площади, и там же сожгли ее тело.

В последующие дни свои министерские посты один за другим потеряли все ставленники Марии Медичи и Кончини, включая епископа Люсонского. Стало ясно — с убийством

Кончины завершается и неоправданно затянувшийся период правления королевы-матери.

Сама Мария Медичи уединилась в своей половине Лувра и несколько дней не выходила оттуда. Вскоре король уведомил мать, что намерен обходиться с ней как подобает почтительному сыну, но управлять отныне намерен самостоятельно и единовластно. Одновременно он распорядился заменить ее охрану, поставив у дверей мушкетеров де Витри, который в благодарность за убийство временщика получил маршальский жезл и баронский титул. Впоследствии он станет герцогом.

Десять дней спустя Людовик XIII нанес визит Марии Медичи и объявил свою волю — она должна покинуть Париж. За ней сохранялись все ее владения и доходы.

Утром в день отъезда матери король еще раз побывал у нее. Встреча эта была почтительно-прохладной. Под маской равнодушия Марии Медичи с трудом удавалось скрывать оскорбленное самолюбие. «Она вышла из Лувра просто одетой, в сопровождении всех своих слуг, — описывал кардинал Ришелье обстоятельства отъезда королевы из Парижа. — Лицо ее было печально. Не было никого, кто при виде этого почти похоронного зрелища не испытал бы сострадания».

Рисуя в самых сочувственных выражениях отъезд королевы, Ришелье вместе с тем говорит и о враждебных настроениях по отношению к ней. «Неприязнь к ее правлению была столь глубокой, — замечает он, — что народ не воздержался от отдельных непочтительных выкриков при ее появлении, и эти выкрики она восприняла столь болезненно, что черты ее лица заострились, а в сердце образовалась кровотокающая рана».

3 мая 1617 года длинная вереница карет уносила из Парижа тех, кто по предписанию короля или по доброй воле должен был разделить судьбу вчерашней правительницы Франции.

...Мария Медичи еще возвратится в столицу, она помирится с сыном-королем и попытается вернуть былое влияние на

него и государственные дела, но все ее старания окажутся тщетными. Впереди королеву-мать будет ожидать окончательный разрыв с Людовиком XIII, участие в антиправительственных заговорах, побег за пределы Франции и скитания по европейским дворам. Смерть настигнет 67-летнюю королеву-изгнанницу 3 июля 1642 года в Кельне, где она обрела последнее пристанище в доме своего друга Питера Пауля Рубенса, которому покровительствовала, когда была на вершине власти. Но все эти события относятся уже к истории царствования Людовика XIII.

В историографии Людовику XIII определенно не повезло. Он оказался едва ли не единственным из французских королей, кто на страницах исторических трудов оказался в тени своего министра. Все достижения тридцатилетнего правления Людовика XIII — дипломатические и военные победы Франции, преодоление внутреннего раскола страны и централизация государства — подавляющее большинство историков связывают не с королем, а с его первым министром кардиналом Ришелье.

Еще более единодушно историки отмечают интеллектуальное и психологическое превосходство министра-кардинала над слабым и безвольным Людовиком XIII, которого современники, словно в утешение, хотя и без видимых на то оснований, называли Людовиком Справедливым (Louis le Juste). Одним словом, ничем не примечательный, бесцветный Людовик XIII буквально потерялся на фоне внушительной фигуры кардинала Ришелье.

Но действительно ли, как об этом говорят многие историки и романисты, король, будучи не в силах освободиться от

гипнотического влияния на него Ришелье, так боялся и так ненавидел своего министра?.. А может, на деле они были единомышленниками, а вовсе не соперниками и тем более врагами?..

Когда 14 мая 1610 года Генрих IV был убит фанатичным католиком Равальяком, его старшему сыну, дофину Луи, шел всего девятый год. Он родился 27 сентября 1601 года в королевском замке Фонтенбло.

Разумеется, в восьмилетнем возрасте Людовик XIII не мог самостоятельно управлять страной, и эту ответственную миссию с поспешной готовностью возложила на себя королева-мать Мария Медичи, которая разделила тяготы власти со своим фаворитом Кончино Кончини, милостью королевы превращенным в маркиза и маршала д'Анкара. И даже достигнув тринадцати лет — возраста совершеннолетия, — Людовик XIII не получил доступа к государственному управлению. Вместо этого королева-мать и маршал д'Анкр предоставили королю возможность предаваться любимым занятиям — охоте, музыке и танцам, отдав в его полное распоряжение замок Сен-Жермен-ан-Ле неподалеку от Парижа.

Там Людовик XIII беззаботно проводил время в обществе многочисленных братьев и сестер — родных и сводных. Последние были внебрачными детьми его покойного отца, Генриха IV. Развлечения сочетались со строгим религиозным воспитанием, за которым лично следила Мария Медичи. Мальчику, а потом юноше постоянно напоминали, что его крестным отцом был сам папа римский Павел V*, и он обязан соответствовать этой высокой чести.

С раннего детства мать, интересовавшаяся изящными искусствами, старалась передать Луи свою к ним привязанность. В три года он уже играл на лютне, а позднее освоил

* Будущий король официально был крещен 14 сентября 1606 года в Фонтенбло. Его крестным отцом был папа Павел V, представленный на таинстве крещения, как это нередко практиковалось в правящих домах, личным представителем, кардиналом Франсуа де Жуайёзом. Крестной матерью стала родная сестра Марии Медичи — Элеонора, герцогиня Мантуанская.

еще несколько музыкальных инструментов, пытался даже сочинять музыку. Обладая абсолютным слухом и неплохим голосом, король любил вокал. Другим его увлечением был балет. Юный король выходил на сцену как танцовщик и выступал постановщиком музыкально-балетных представлений. Известно о его увлечении рисунком и живописью. Но более всего Людовик XIII полюбил охоту, которой предавался при любой возможности.

Мария Медичи поощряла эти увлечения сына-короля. Но она не спешила посвящать его в тайны реальной политики. Разумеется, как король Людовик XIII приглашался ею на всевозможные официальные мероприятия, в частности на открытие и закрытие Генеральных штатов 1614 года, однако его участие в них было строго регламентировано королевой-матерью и ее фаворитом.

В этом отношении ничего не изменилось даже после женитьбы Людовика XIII в ноябре 1615 года на Анне Австрийской, дочери короля Испании Филиппа III. Этот брак, устроенный Марией Медичи, означал сближение с Испанией, Священной Римской империей и Святым престолом и разрыв с политикой, проводившейся Генрихом IV.

Взрослевший Людовик XIII все сильнее ощущал ложность своего положения. Он был королем, но ничего не решал сам, будучи вынужден во всем полагаться на королеву-мать и, что особенно остро ранило его самолюбие, считаться с настоятельными «советами» маршала д'Анкара.

С годами юный король стал проявлять повышенный интерес к личности и политическому наследию своего отца — Генриха IV. И чем больше он узнавал о нем и его политике, тем большее недоумение вызывал в нем курс, проводимый королевой-матерью и ее фаворитом, последовательно разрушавшим дело «доброго короля Анри».

Созревавший в душе короля бунт против своего униженного положения сумели распознать те, кто составлял его «ближний круг». Одним из них был маркиз Шарль д'Альбер, сеньор де Люинь, наставник и постоянный спутник Людовика XIII на охоте. Будучи на двадцать три года старше короля, он приобрел на него огромное влияние.

Отдаленные предки Люиня были выходцами из Флоренции, перебравшимися во Францию еще при Карле VI, в начале XV века. Несмотря на тосканские корни, Люинь люто возненавидел своих «земляков» — супругов Кончини, взлетевших при Марии Медичи к вершинам власти. Причина этой ненависти была сугубо личной. Люинь элементарно завидовал маршалу д'Анкру и мечтал лишь о том, чтобы занять его место, но не при Марии Медичи, которую он считал узурпаторшей, а рядом со своим другом, королем Людовиком XIII. Осуществление этой мечты зависело от устранения д'Анкра и восстановления короля в его реальных, а не только ритуальных правах, что предполагало отстранение королевы-матери от руководства делами.

Люинь без особого труда нашел в «ближнем круге» короля многочисленных единомышленников, а главное — сумел заручиться согласием Людовика XIII на камерный дворцовый переворот. Когда маршал д'Анкр был убит, а королева-мать удалена в почетную ссылку, Людовик XIII смог наконец почувствовать себя полноправным правителем. Но в действительности хозяином положения стал не король, а его фаворит — Шарль де Люинь. Вскоре после устранения Кончини-д'Анкра Люинь, завладевший значительной частью имущества своего убитого предшественника, становится герцогом, пэром и даже коннетаблем Франции. Последнее отличие делало его в отсутствие короля верховным главнокомандующим, наместником королевства, высшим руководителем полиции, юстиции и управляющим финансами в период войны, наконец, старшим из маршалов Франции. Люинь получил все то, о чем мечтал, но так и не добился Кончини. Одновременно зарвавшийся в своих притязаниях фаворит унаследовал от Кончини всеобщую непопулярность, переходившую в ненависть.

Людовик XIII, никогда не отличавшийся волевыми качествами и самостоятельностью мысли, всецело ему доверился. Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба самого Люиня, да и судьба Франции, если бы в разгар очередной войны с гугенотами 14 декабря 1622 года он не умер при осаде небольшой крепости Монёр. Люинь проболел всего два дня,

став жертвой жестокой лихорадки. По оценкам современных врачей, его сразила скарлатина, которую в то время не умели лечить. За те два дня, что он болел, никто не навещил его — настолько все успели возненавидеть новоявленного временщика. Даже Людовик XIII признался одному из своих приближенных, что смерть Люиня сделала его свободным. О коннетабле все очень скоро забыли, включая и его собственную жену, которая уже через четыре месяца благополучно вышла замуж за герцога де Шеврёза.

Людовик XIII не привык даже короткое время обходиться без поводыря. Первоначальная радость от обретенной свободы очень скоро сменилась у короля возраставшим беспокойством и беспомощностью в делах государственного управления. Образовавшаяся после смерти Люиня вакансия должна была быть кем-то занята.

К счастью для Франции и самого Людовика XIII, рядом оказался епископ Люсонский, Арман де Ришелье, духовник Марии Медичи, бывший недолгое время государственным секретарем по военным и внешнеполитическим делам и разделивший с королевой-матерью вынужденную ссылку. Своими разумными советами Ришелье еще при жизни Люиня сумел помирить Марию Медичи с сыном-королем. Летом 1622 года Мария Медичи, а вместе с нею и Ришелье возвращаются в Париж. Король сразу же вводит мать в состав Королевского совета. Не были забыты и миротворческие старания епископа Люсонского. 22 декабря 1622 года хлопотами Марии Медичи, которую всегда ценили при Святом престоле, Ришелье был возведен в сан кардинала римско-католической церкви.

К тому времени Ришелье уже разочаровался в политике своей благодетельницы и все более проникался пониманием «Великого замысла» Генриха IV, его стремлением обеспечить Франции ведущее положение в Европе, что делало неизбежным противостояние с австрийскими и испанскими Габсбургами, в подчиненное положение которым пыталась поставить Францию Мария Медичи.

Став кардиналом, Ришелье получил возможность часто видеться с королем. Он хорошо изучил характер Людови-

ка XIII и сделал ставку на его тщеславное желание походить на своего великого отца. В беседах с королем Ришелье постоянно апеллировал к памяти Генриха IV и его деяниям на благо страны. Кардинал упорно и последовательно внедрял в сознание молодого короля такие понятия, как «родина», «величие», «слава» и т. д., не устывая говорить о его высоком предназначении. Ришелье целенаправленно дискредитировал соглашательскую политику Б. де Силлери и сменившего его маркиза Ш. де Ла Вьевиля, шаг за шагом приближаясь к заветной цели. Подверженный внешним влияниям король, всегда готовый подчиниться доминирующей воле, все больше проникался уважительным расположением к кардиналу.

24 апреля 1624 года он вводит его в Королевский совет, а 13 августа назначает первым министром Франции. На этом посту Ришелье удержится долгие восемнадцать лет, вплоть до своей смерти в декабре 1642 года. За эти годы многое случилось между королем и его первым министром. Их сложные отношения породили массу слухов и домыслов, многие из которых не соответствовали действительности. Наибольшую изобретательность здесь проявили французские писатели, по большей части не жаловавшие министра-кардинала. В их числе был и великий Виктор Гюго. В драме «Марион Делорм» он вложил в уста короля всю свою неприязнь к кардиналу Ришелье:

Он ненавистен мне!
Меня он душит. Здесь я больше не свободен,
Здесь не хозяин я, а я на что-то годен...

Мне, первому в стране, пришлось последним стать...

Он разлучил меня с страной, мне Богом данной,
И, как ребенка, скрыл под мантией багряной...

Обезоружен я, отцовский отнят трон!
Я в этом Ришелье, как в гробе, заключен,
И мантия его — мой саван погребальный.*

* Перевод Анны Ахматовой.

Историки же любят вспоминать реальный случай, который иначе характеризует отношения Людовика XIII с кардиналом Ришелье. Однажды перед входом в королевский кабинет между ними произошла следующая сцена. У самого порога Людовик XIII внезапно остановился и съязвил, обращаясь к Ришелье: «Проходите первым, все и так говорят, что именно вы — подлинный король». Другой бы растерялся, но не Ришелье. Он взял оказавшийся рядом подсвечник и прошел в кабинет впереди короля со словами: «Да, сир, я иду впереди, но только для того, чтобы освещать вам дорогу».

Отношение Людовика XIII к Ришелье сочетало в себе множество чувств и их оттенков. С одной стороны, он как человек слабохарактерный и вместе с тем упрямый не мог не тяготиться угнетавшей его волей министра; возможно, он побаивался и даже недолюбливал Ришелье, который в отличие от него, короля, всегда знал, что следует предпринять в трудную минуту. В то же время Людовик XIII, безусловно, уважал министра-кардинала и доверял ему. К тому же в отличие от окружавших его алчных и тщеславных фаворитов кардинал Ришелье никогда ничего не просил для себя лично, довольствуясь тем, что король предлагал сам. Государственный интерес был главным, если не единственным мотивом его деятельности на министерском посту, и король понимал это.

Постоянной головной болью Ришелье были королевские фавориты, к которым Людовик XIII питал необъяснимую слабость*. Необъяснимую — поскольку никому из биографов Людовика Справедливого не удалось привести убедительных доказательств гомосексуальных наклонностей короля. Но тот общеизвестный факт, что король был равнодушен

* Самыми известными из них были упоминавшийся уже Шарль д'Альбер, герцог де Люинь (1617—1621), Жан де Сен-Бонне де Туара (1624), Франсуа де Баррадак (1625—1626), Клод де Рувруа, герцог де Сен-Симон (1626—1636), наконец, Анри Куаффье де Рюзе, маркиз де Сен-Мар (1639—1642). По мнению современных историков, Людовика XIII связывали с каждым из них сугубо дружеские, во всяком случае, платонические отношения.

к прелестям своей супруги Анны Австрийской, считавшейся красивой женщиной Европы, наводил на эту мысль уже современников*.

В пользу этой версии как будто свидетельствовало затянувшееся на двадцать лет отсутствие детей в королевской семье. Но при этом те, кто считал Людовика XIII гомосексуалистом, почему-то не принимали в расчет то известное обстоятельство, что у королевы до рождения в 1638 году первенца (будущего Людовика XIV) случились три выкидыша. Игнорировался и тот факт, что в жизни короля были два сильных, «натуральных», как бы сейчас сказали, увлечения, правда, оба они были платоническими.

В самом начале 1630-х годов тридцатилетний Людовик XIII страстно влюбился в пятнадцатилетнюю Мари де Отфор, которую и навязал своей супруге в качестве фрейлины. При дворе юная красавица получила прозвище Аврора. Король оказывал ей подчеркнутые знаки внимания, но этим все и ограничивалось. Конец затянувшемуся на несколько лет платоническому роману положил Ришелье, обнаруживший, что мадемуазель де Отфор стала посредницей в тайных сношениях Анны Австрийской с мадридским двором.

Хорошо изучив характер Людовика XIII, нуждавшегося в том, чтобы постоянно быть кем-то увлеченным, министр-кардинал обратил внимание короля на другую фрейлину

* Современные французские биографы Людовика XIII склонны выводить равнодушие короля к красавице-жене неудачным опытом первой брачной ночи, когда четырнадцатилетний король, потерпев фиаско, испытал болезненное унижение, которое переросло у него в устойчивую фобию к интимной стороне жизни. Отстраненность короля от супруги затянулась на несколько лет, и лишь в 1619 году при дворе констатировали, что Людовик XIII возобновил супружеские, хотя и спорадические отношения с Анной Австрийской. Позднее их отношения осложнились откровенной, почти демонстративной приверженностью королевы интересам своей родины, Испании, что шло вразрез с политикой короля и его первого министра кардинала Ришелье, которые не без оснований подозревали Анну Австрийскую в участии в антиправительственных заговорах. По этой же причине и взаимоотношения министра-кардинала и королевы оставались более чем прохладными.

Анны Австрийской — семнадцатилетнюю Луизу, графиню де Лафайет. Девушка была столь же хороша, сколь и набожна, что сближало ее с королем, известным своей религиозностью. Важнейшим в глазах Ришелье достоинством мадемуазель де Лафайет было отсутствие у нее интереса к политике.

Король не на шутку увлекся Луизой, которую приглашал на все приемы и даже брал с собой на королевскую охоту. Девушка охотно проводила время в беседах с королем, не поощряя, однако, его попыток к сближению. Ее вежливое, но твердое сопротивление лишь подогревало его интерес, и Луиза приобретала все большее влияние на него. Как-то незаметно в их частых разговорах появилась политика. Ревностная католичка графиня де Лафайет искренне не могла понять смысла войны, которую христианнейший король Людовик XIII в союзе с «еретиками»-протестантами вел в то время против ревнителей католицизма — Филиппа IV Испанского и германского императора Фердинанда III.

Выросшая в провинции Луиза видела ту нищету, в которую война ввергла народ. Разве благополучие и счастье подданных не составляет главную заботу монарха, которого называют Справедливым? — внушала она королю. Людовик XIII, никогда не отличавшийся твердостью убеждений, чутко прислушивался к аргументам своей возлюбленной и, казалось, был склонен согласиться с ней.

Внимательно следивший за общением короля и Луизы де Лафайет кардинал Ришелье встревожился и решил положить конец их отношениям, грозившим перечеркнуть его политические планы.

Историки по-разному объясняют обстоятельства последовавшего в середине 1637 года расставания, но все единодушно утверждают, что инициатором разрыва была графиня. По одной версии, это произошло после того, как кардинал предложил ей стать его осведомительницей и сообщать ему о затаенных мыслях короля. Луиза решительно отвергла это предложение и приняла решение удалиться от двора. По другой версии, невольным «виновником» разрыва стал сам король, который более не желал ограничиваться сугубо пла-

тоническими отношениями. Неуклюже и прямолинейно Людовик XIII предложил Луизе стать его любовницей, что и оттолкнуло от него целомудренную девушку.

Трудно сказать, какая из этих двух версий ближе к истине. Так или иначе, но добродетельная Луиза избежала участи как шпионки кардинала, так и королевской наложницы. 19 мая 1637 года 22-летняя графиня оставляет место фрейлины Анны Австрийской и отправляется в монастырь Сент-Мари-де-ла-Визитасьон в предместье Парижа. Попытки короля воспрепятствовать этому не увенчались успехом. Девушка проявила характер. В монастыре она принимает новое имя — сестра Анжелика. Но король не забывал Луизу. Он часто навещал ее в монастыре, где они подолгу о чем-то уединенно беседовали. Когда Людовик уезжал из Парижа, они вели переписку.

Но и Ришелье не дремал. Он сумел подкупить некоего Бузенваля, доставлявшего письма короля Луизе. Не ограничившись ролью «третьего лишнего», кардинал стал прикладывать руку к переписке: его люди умело заменяли слова и даже целые предложения в расчете поссорить короля с юной монахиней. И надо признать, кардинал преуспел в своем недостойном предприятии, сумев постепенно разрушить их доверительные отношения. Последняя встреча Людовика XIII и Луизы де Лафайет произошла в монастыре 5 декабря 1637 года. Историки утверждают, что Луиза горячо убеждала короля примириться с королевой.

Именно влиянию монахини осведомленные современники приписывали поразившее двор событие: вернувшись поздним декабрьским вечером в Лувр, король впервые после длительного перерыва провел ночь в спальнях покоях Анны Австрийской. Шесть недель спустя Франция будет официально извещена о беременности королевы.

Впрочем, заслугу в появлении долгожданного дофина многие склонны были приписывать и всемогущему кардиналу Ришелье, долго и последовательно убеждавшему Людовика XIII во имя высших государственных интересов восстановить супружеские отношения с Анной Австрийской и дать Франции будущего короля.

Что же касается «сестры Анжелики», то она окончит свои дни в 1665 году в монастыре близ Шайо в возрасте сорока шести лет.

Болезненной для Людовика XIII оставалась проблема его отношений с матерью, Марией Медичи. Их примирение в 1621 году не было прочным. Королева-мать продолжала надеяться на восстановление прежнего влияния на сына. Большую роль в своих расчетах Мария Медичи отводила кардиналу Ришелье. Однако вскоре она с прискорбием констатировала, что обманулась в своих расчетах и ожиданиях. К этому времени Ришелье окончательно осознал всю пагубность подчинения внешней политики Франции интересам католицизма и дружбе с Габсбургами, за что ратовала королева-мать и ее сторонники, составлявшие группировку так называемых «святош».

«Святошам» в окружении короля противостояли «барбоны», которые в одинаковой степени отвергали и гугенотский сепаратизм, и папский универсализм, настаивая на защите национальных интересов Франции, никак не совпадавших с интересами Габсбургов, доминировавших в Европе. Ришелье, которого не без оснований считали ставленником Марии Медичи и ее партии, стал для «барбонов» неожиданным союзником.

Разрыв Ришелье с теми, кто призвал его к власти, стал неизбежным после того, как «святоши» в ноябре 1630 года потребовали полного искоренения во Франции протестантской «ереси», а заодно и удаления министра-кардинала, не оправдавшего доверия королевы-матери. У всех создавалось впечатление, что король склонен принять сторону Марии Медичи. Но в этот критический момент королева-мать совершила роковую ошибку. Воспользовавшись отъездом короля из Парижа, она самовольно объявила о передаче руководства делами Королевского совета из рук Ришелье канцлеру Мишелю де Марильяку, своему приверженцу.

Отстраненный министр-кардинал с часу на час ожидал ареста. Когда его вызвал вернувшийся в Париж король, Ришелье счел, что его участь решена. Каково же было его изумление, когда, едва переступив порог королевского каби-

нета, он оказался в объятиях Людовика XIII. «В вашем лице я имею самого верного и самого любящего слугу, которого когда-либо знал мир», — заявил король опешившему Ришелье, и кардинал понял, что спасен. По всей видимости, король был крайне раздражен тем, что королева-мать самовольно присвоила себе его прерогативу — смещать и назначать министров. Вернув Ришелье его полномочия, Людовик XIII дал кардиналу самое веское доказательство своей нерасторжимой связи с ним и с его политическим курсом. С легкой руки соратника Ришелье графа де Ботрю 10 ноября 1630 года (день победы Ришелье над «святошами») войдет в историю Франции как «день одураченных» («*journée des Dupes*»).

Людовик XIII немедленно созвал Королевский совет и объявил об отстранении Мишеля де Марильяка от должности. Канцлер был взят под стражу и выслан из Парижа; два года спустя он умрет в заточении. Его родной брат маршал Луи де Марильяк, возглавлявший в тот момент армию в Северной Италии, был объявлен изменником и арестован. Волна арестов накрыла и других ближайших сподвижников Марии Медичи.

Сама королева-мать переживала глубокое душевное потрясение. Один за другим исчезали те, кто составлял круг ее приверженцев. Одних арестовали, другие сами поспешно покинули ее двор. Под шумок из Парижа отбыл и ее любимец Гастон Орлеанский, младший брат короля. Этот трусливый лицемер первым поздравил Ришелье с победой, одержанной над его родной матерью, и тайно уехал в Орлеан, откуда через несколько месяцев перебрался в Безансон, находившийся под управлением Испании. Там он заручился обещанием поддержки Мадрида и начал формировать армию для похода на Париж.

Тем временем Мария Медичи развернула кампанию против Ришелье, в которой важную роль играли ругательные памфлеты — либеллы. В короткий срок Париж наводнили враждебные кардиналу листовки. Вот один из такого рода памфлетов:

Он желчи едкие потоки
Разбавит сладостью медовой,
И так его коварно слово,
Как и дела его жестоки.
Он лаской своего добьется,
На ровном месте не споткнется,
Зарежет, источая лесть,
И не узнать, каков он есть.*

Но вскоре, осознав, что окончательно проиграла, Мария Медичи принимает решение бежать за пределы Франции. 20 июля 1631 года, заручившись содействием своего духовника и одного из офицеров охраны, она осуществляет это намерение и объявляется в нидерландских провинциях Испании, откуда впоследствии переберется в Кельн. «Покидая королевство, она уходила также и из истории», — образно заметил один из французских историков.

Когда в Париже стало известно о бегстве королевы-матери, Людовик XIII выпустил декларацию, осуждающую антигосударственные поступки Марии Медичи. На все ее имущество во Франции был наложен арест. Те, кто так или иначе способствовал ее побегу, были объявлены государственными преступниками. «Отъезд королевы-матери и Монсеньора (Гастона Орлеанского. — П. Ч.), — вспоминал впоследствии Ришелье, — избавил королевство от грозивших ему несчастий». Сам же министр-кардинал после «дня одураченных» был возведен в достоинство герцога и пэра Франции. Это стало еще одним свидетельством привязанности к нему со стороны Людовика XIII.

Внутренняя политика тандема Людовик XIII — кардинал Ришелье была направлена прежде всего на преодоление сепаратистских тенденций и на внутреннюю консолидацию страны под центральным управлением в лице королевской власти. Угроза для единства Франции исходила, с одной стороны, от гугенотской оппозиции, ощущавшей

* Перевод Надежды Александровой.

себя «государством в государстве», а с другой — от фрондирующей аристократии, желавшей сохранить за собой древние вольности.

Первый ощутимый удар по затаившейся фронде был нанесен в 1626 году, когда заговорщики во главе с Анри де Талейран-Перигором, графом де Шале, предприняли попытку устранить Ришелье, а заодно и поддерживавшего его Людовика XIII, которого предполагалось заменить легкомысленным Гастоном Орлеанским. За спиной заговорщиков стояла мать короля, давно мечтавшая передать корону своему любимчику Гастону — благо, у Людовика XIII тогда все еще не было наследника. Заговор был раскрыт, а его участники, включая Шале, — казнены. Гастон Орлеанский отделался легким испугом, как и Мария Медичи.

30 октября 1632 года был раскрыт новый заговор аристократии в Лангедоке, а его руководитель герцог де Монморанси, первый дворянин королевства, следующий за принцами крови, был отправлен на эшафот. Казнь Монморанси должна была символизировать торжество утверждавшего свою власть абсолютизма над сепаратизмом аристократии.

Центральным событием в борьбе с сепаратизмом стала ликвидация гугенотской «республики» в Ла-Рошели. Перед началом военной операции Ришелье писал королю: «До тех пор пока гугеноты разделяют власть во Франции, король никогда не будет хозяином положения в своей стране и не сможет предпринять каких-либо успешных действий за ее пределами». Представлявшаяся неприступной цитадель гугенотов была взята в результате тринадцатимесячной осады. Из проживавших прежде в Ла-Рошели 28 тыс. жителей к концу осады осталось в живых всего пять тысяч. Людовик XIII проявил милость к побежденным гугенотам. Объявив, что закончившаяся война имела «государственный», а не религиозный характер, король подтвердил свободу протестантского вероисповедания и амнистировал всех «заблудших и презревших свой долг» подданных. Ни один из участников мятежа не был казнен, лишь его руководители были высланы за пределы Ла-Рошели.

Сразу же после взятия сильно пострадавшего от обстрелов города началась его реконструкция. Ла-Рошель, по замыслу короля и его первого министра, должна был превратиться в один из главных центров торгово-колониальной экспансии Франции. Вскоре после восстановления контроля над Ла-Рошелью был погашен и второй очаг сопротивления гугенотов — в Лангедоке.

Одним из направлений внутренней политики Людовика XIII стала борьба с сословным и провинциальным партикуляризмом, а также централизация системы государственного управления. В январе 1629 года был разработан и принят так называемый «кодекс Мишо» (по имени тогдашнего канцлера Мишеля де Марильяка). По существу, это было первое систематизированное французское законодательство. Красной нитью в «кодексе Мишо» проходила мысль о королевской власти как единственной и бесспорной во Франции. В нем подтверждался суверенитет государства в области финансов, обеспечения внутренней и внешней безопасности.

Было развернуто также наступление на права Парижского и провинциальных парламентов, которые стремились ограничить абсолютистские притязания королевской власти. Парламенты как судебно-административные институты последовательно и методично лишались своих политических полномочий, а провинции — региональных свобод. Там, где оказывалось открытое неповиновение, правительство прибегало к карательным мерам, как это имело место в Нормандии в 1639—1640 годах, когда был распущен Руанский парламент. В 1641 году королевская декларация официально запретила парламентам всякое вмешательство в дела центральной государственной администрации. Еще раньше, в 1637 году, Ришелье с санкции Людовика XIII осуществил унификацию органов местной администрации: в каждой провинции были введены должности интендантов юстиции, ставшие реальным противовесом губернаторам. Интенданты сосредоточили в своих руках практически всю полноту власти, оказав правительству эффективную поддержку в преодолении

местничества и сепаратизма губернаторов, провинциальных штатов и парламентов.

Финансовая политика Людовика XIII соответствовала господствовавшим тогда в Европе экономическим теориям и взглядам. Первейшим условием процветания государства в ту эпоху считалось изобилие в нем звонкой монеты. В отличие от Испании, получавшей золото из своих владений в Новом Свете, Франция могла надеяться накопить золото и серебро главным образом путем расширения экспорта. Но этому мешали крайне ограниченные производственные возможности аграрной страны с ее закрытой экономикой. Крестьянство, составлявшее основную массу населения Франции, жило, по существу, в условиях натурального хозяйства, едва сводя концы с концами. С сельским хозяйством была связана подавляющая часть дворянства и даже городской буржуазии.

Ришелье настойчиво предостерегал короля от чрезмерного усиления налогового бремени, понимая все негативные последствия злоупотребления налоговым прессом. Кардинал был убежден, что размер налога не может определяться исключительно желаниями государя и его правительства, чтобы не провоцировать народных возмущений. Драматизм финансовой политики Людовика XIII заключался в том, что, сознавая все негативные последствия повышения налогов и займов у финансистов, он вынужден был прибегать к этим испытанным средствам получения денег, потребность в которых особенно возросла после вступления Франции в Тридцатилетнюю войну.

При Людовике XIII была поставлена амбициозная цель — превратить Францию в великую морскую державу, располагающую военным и торговым флотом, а также хорошо оборудованными портами и перевалочными базами. В 1626 году был учрежден Морской совет, ставший прообразом будущего Морского министерства. Тогда же началась реализация широкого проекта модернизации портов Тулона, Гавра, Бреста и Ла-Рошели.

Морской совет рекомендовал королю приступить к активной колониальной политике, важнейшим инструментом

которой должны были стать заморские торговые компании, наделенные самыми широкими привилегиями в колониях. Эти компании стали проявлять большую активность в Северной и Южной Америке, в Сенегале и Гамбии, на Мадагаскаре и островах Зеленого Мыса.

При Людовике XIII были заложены основы обширной колониальной империи Франции. В 1635 году французы захватили острова Св. Христофора, Мартинику, Гваделупу и ряд других островов в Вест-Индии. В 1638 году Т. Ламбер основал французскую факторию в устье реки Сенегал, назвав ее Сен-Луи, а руанский торговец Ф. Кош попытался начать освоение Мадагаскара. В 1642 году в Новой Франции (Канада) был заложен Монреаль.

Царствование Людовика Справедливого было отмечено крупными достижениями в области культуры. В 1631 году была основана «La Gasette» — первое французское периодическое издание, ставшее рупором правительственной политики. В 1635 году по инициативе Ришелье была создана Французская академия — один из самых оригинальных институтов, когда-либо существовавших во Франции. Формально функции академии ограничивались упорядочением и совершенствованием французского языка, в действительности же с самого начала она приобрела характер официального общекультурного центра. Разрабатывая статут Французской академии, кардинал Ришелье отказался от узкопрофессиональной ее ориентации в пользу общекультурной и даже политической. Он мыслил академию как своего рода интеллектуальный Олимп, «населенный» выдающимися деятелями культуры и нотаблями. Именно поэтому в числе «сорока бессмертных» (постоянное число членов Французской академии) наряду с литераторами Ж. Шампленом и В. Конраром оказались канцлер П. Сегье, дипломаты Г. Ботрю и А. Сервьен, математик Баше и врач М. К. Лашамбр...

В 1630-е годы была осуществлена архитектурная реконструкция Сорбонны — старейшего в Европе университета, где были созданы новые кафедры и основан коллеж. Там же была построена часовня, в которой по его завеща-

нию и будет похоронен выпускник Сорбонны кардинал Ришелье.

Наряду с Сорбонной была реконструирована центральная часть Парижа, начавшего превращаться в город Нового времени. Было приказано проводить ежеутреннюю очистку мостовых и тротуаров, начать создание городской сети канализации и водоснабжения.

Сносились ветхие дома и даже целые кварталы, на их месте появлялись новые здания и площади. По соседству с Лувром на месте выкупленного Ришелье старого квартала архитектор Жан Лемерсье построил для министра великолепную резиденцию — Пале-Кардиналь. Впоследствии Ришелье подарит дворец Людовику XIII, и он станет называться Пале-Рояль (Королевский дворец).

Эпоха Людовика XIII — это время становления классицизма с его пафосом государственных идей. В это время раскрылся талант создателя французского национального классического театра, знаменитого драматурга Пьера Корнеля. Правительство в лице первого министра кардинала Ришелье впервые стало практиковать государственные дотации театрам и выплачивать пенсии литераторам. Правда, после смерти Ришелье король отменил выплаты литературных пенсий, что побудило известного поэта Исаака де Бенсерада написать шутивную «Эпитафию кардиналу Ришелье»:

Тут спит великий кардинал.
Как много мир наш потерял!
Но громче всех рыдаю я:
Лежит с ним пенсия моя.*

Торжество классицизма в литературе и искусстве в эпоху Людовика XIII сочеталось с утверждением рационализма во французской философии, окончательно порвавшей со средневековой схоластической традицией. «Мыслью, следовательно, существую!» — воскликнул Рене Декарт. Его знаменитый «Трактат о методе» появился в один год с «Сидом» Корнеля.

* Перевод В. Левицкого и М. Рязановой.

Подъем национальной культуры во время правления Людовика XIII, безусловно, подготовил наступление во Франции «золотого века» в царствование Людовика XIV.

В области внешней политики Людовик XIII после обретения им реальной власти совершил крутой поворот от курса Марии Медичи, ориентировавшейся на католический мир — Святой престол, Испанию и Германскую империю, к продолжению внешнеполитической стратегии Генриха IV, предполагавшей изменение соотношения сил в Европе, где фактически правили Габсбурги. Положить конец доминирующему положению испанских и австрийских Габсбургов и превратить Францию в ведущую европейскую державу — такова была главная цель Людовика Справедливого и его первого министра кардинала Ришелье. В противоборстве с Габсбургами — и это тоже было возвращением к линии Генриха IV — он решил опереться на союз с германскими протестантами, расширившими свое влияние в Европе в результате реформации.

Реализации этих замыслов способствовала разгоравшаяся в Европе война, которую впоследствии назовут Тридцатилетней. Начало ей положило восстание в Чехии, вспыхнувшее в мае 1618 года, когда германский император попытался лишить протестантов, составлявших подавляющую часть населения этой страны, их законных прав. Восстание распространилось на Моравию и Силезию, а затем и на другие территории Германской империи. Постепенно оно переросло в общеевропейскую войну двух коалиций — католической и протестантской.

Взоры воюющих сторон обратились к Франции. Если бы она поддержала протестантов в начальной стадии конфликта — в 1618—1620 годах, — возможно, это предотвратило бы последующее кровопролитие, которое продлилось 28 лет, опустошило Германию и закрепило ее политическую и экономическую разобщенность на двести лет вперед. Увы, в тот момент политически незрелый, молодой Людовик XIII еще находился под влиянием католической и испанской партий, а его фаворит Люинь не имел четкой позиции в отношении

европейского конфликта. Да и объективно Франция тогда не была готова вмешаться в войну.

Лишь с приходом в 1624 году к руководству государственными делами кардинала Ришелье позиция Франции стала более определенной. Но и после этого в течение десяти лет она воздерживалась от прямого вмешательства в конфликт, закулисно поддерживая протестантскую коалицию. Эту политику один из современных французских историков называл «дипломатией пистолей», имея в виду ту финансовую и дипломатическую помощь, которую Франция оказывала противникам Габсбургов. Людовик XIII финансировал военные действия немецких протестантов, вовлек в войну Христиана IV Датского, а затем шведского короля Густава II Адольфа. Французская дипломатия умело подогревала испано-голландский антагонизм, поощряла антиавстрийские и антииспанские настроения в Северной Италии, пыталась вовлечь в антигабсбургскую коалицию Турцию и Россию. Король Франции и его первый министр не жалели средств для того, чтобы держать Германскую империю и Испанию в постоянном напряжении. Разумеется, «дипломатия пистолей» ложилась дополнительным бременем на французскую казну, усугубляя и без того тяжелое экономическое положение Франции.

К середине 1630-х годов Людовик XIII оказался перед серьезным выбором — продолжать «дипломатию пистолей» или открыто вступить в войну на стороне протестантов. Эта дилемма возникла перед ним после гибели в сражении под Люценом (16 ноября 1632 года) Густава Адольфа и разгрома шведско-веймарской армии под Нёрдлингеном (5–6 сентября 1634 года), следствием чего стал фактический распад протестантской коалиции.

19 мая 1635 года Людовик XIII объявил войну королю Испании Филиппу IV, своему шурину, а затем и германскому императору Фердинанду III. Для этого представился весьма удобный казус белли — вторжение в марте 1635 года войск наместника Испанских Нидерландов в Трирскую область, находившуюся под покровительством короля Франции.

Объявлению войны предшествовала тщательная подготовка — аннексия Лотарингии, обновление франко-шведского военного союза и заключение аналогичного союза с Савойей и Пармой, обещание нейтралитета со стороны Англии. Ришелье удалось добиться возвращения в Париж с повинной сбежавшего ранее за границу Гастона Орлеанского. В отсутствие у Людовика XIII прямого наследника он считался дофином, чье дальнейшее пребывание в стане противника представляло серьезную угрозу для безопасности Франции.

Первые три года войны оказались для Франции неудачными. Повсюду ее армии терпели поражения. Особенно тяжелым оказалось лето 1636 года, когда войска наместника Испанских Нидерландов Хуана Австрийского почти подошли к Парижу. Лишь нерешительность этого габсбургского военачальника, опасавшегося за свои растянутые коммуникации, а также эффективная помощь принца Оранского, развернувшего наступление на бельгийские провинции в тылу Хуана Австрийского, спасли тогда столицу.

Франция сумела устоять в испытаниях 1635—1638 годов, после чего наметился перелом в ходе военных действий в ее пользу. Военные действия велись на нескольких направлениях — в Артуа, Пикардии и Шампани, на границе с Люксембургом, в Эльзасе и Рейнской области, на границе Франш-Конте, в Северной Италии, на Пиренеях, в прибрежных водах Средиземного моря и Атлантики.

В марте 1638 года герцог Бернгард Саксен-Веймарский, состоявший на французской службе, разгромил имперскую армию И. фон Верта под стенами Рейнфельдена. Центральным событием кампании 1638 года и одновременно важнейшей вехой в истории Тридцатилетней войны станет сражение за город Брейзах в Бадене. В результате восьмимесячной кампании французам удалось стать полновластными хозяевами Эльзаса и установить контроль над Южной Германией, отрезав ее от Рейнской области.

В том же году французская армия полностью очистила от испанцев Пикардию, а флот нанес чувствительные удары

морским силам Испании в Атлантике и Средиземном море. Эти победы несколько сгладили крайне неблагоприятное впечатление от тяжелого поражения французом под Фонтараби (на Пиренейском фронте) в сентябре 1638 года.

В целом итоги 1638 года были для Франции обнадеживающими. Она сумела выстоять под натиском двух мощных противников — Испании и Германской империи. Менялся настрой в обществе, в нем крепла уверенность в своих силах. Важное психологическое значение для умонастроений французов имело рождение 5 сентября 1638 года в королевской семье долгожданного дофина, будущего Людовика XIV.

Почти одновременно с рождением дофина в Мадриде появилась на свет инфанта Мария-Терезия. Двадцать лет спустя — в 1659 году — Людовик XIV вступит с ней в брак, который приблизит окончание извечной вражды двух королевских домов.

Между тем после 1638 года война продолжалась с неослабевающим накалом, унося новые жертвы и усиливая налоговое бремя на французские податные сословия. Выражением возраставшего недовольства беднейших и даже средних слоев населения стало «восстание босоногих» летом 1639 года в Нижней Нормандии. Его удалось подавить лишь к январю 1640 года.

В последующие два года на театрах европейской войны Франция и ее союзники преимущественно одерживали победы, чему способствовали национально-освободительные восстания в Каталонии и Португалии. Франция поспешила признать их независимость и оказать им демонстративную поддержку. Совместными усилиями французы и каталонцы изгнали испанцев из Руссильона. Провозгласивший себя королем Португалии Жуан IV заключил договор с Францией и Голландией, обязавшись в обмен на признание независимости своей страны в течение десяти лет не вступать в какие-либо соглашения с Филиппом IV.

Внутренний кризис, охвативший Испанию, существенно ослабил габсбургскую коалицию. Успехи шведско-французских войск в Германии побудили немецких протестантов, примирившихся было с императором, задуматься над

правильностью своего выбора. В июле 1641 года молодой курфюрст Бранденбурга порвал с императором и заключил военный союз с Швецией. Заколебалась и Саксония. Появлялось все больше признаков необратимости перелома в ходе войны в пользу Франции и ее протестантских союзников.

В то самое время, когда только-только забрезжила заря победы, в Париже возник очередной антиправительственный заговор, в который оказались вовлечены брат короля Гастон Орлеанский, утративший статус дофина, и Анна Австрийская, давно и страстно мечтавшая о мире с Испанией.

Заговорщики сумели привлечь на свою сторону очередного королевского любимца двадцатилетнего маркиза де Сен-Мара, главного шталмейстера двора. «Ни к кому и никогда король не испытывал более неистовой страсти», — писал государственный секретарь Шавиньи одному из своих корреспондентов об отношении Людовика XIII к Сен-Мару.

Участники заговора понимали, что, пока кардинал Ришелье контролирует слабовольного короля, их шансы на успех минимальны. Поэтому ими была поставлена двойная задача: любым способом устранить ненавистного министра и заставить Людовика XIII пойти на мир с Филиппом IV и его католическими союзниками. Королева и Сен-Мар принялись убеждать короля в необходимости дать отставку Ришелье.

В случае если бы Людовик XIII по какой-то причине отказался удалить министра-кардинала, королева и Гастон Орлеанский не исключали устранения самого короля. Разумеется, в этот умысел не был посвящен Сен-Мар, чье благополучие и чья судьба всецело зависели от Людовика XIII. Да и между Анной Австрийской и Гастоном не было полного согласия в столь деликатном деле. Гастон недвусмысленно претендовал на роль регента при малолетнем дофине, с чем никак не могла согласиться королева, имевшая аналогичные намерения.

Как это часто бывает, заговорщиков погубила их самонадеянность. Сен-Мар настолько уверовал в свою звезду, что счел

возможным открыто потребовать отставки Ришелье. «Сир, — сказал однажды Сен-Мар королю, — ведь вы, в конце концов, хозяин. Почему бы вам не удалить кардинала?»

Людовик XIII посмотрел на Сен-Мара снисходительно и даже укоризненно. «Не спешите, — чуть помедлив, ответил он и добавил: — Кардинал — это самый значительный из министров, которого когда-либо имела Франция. Я не смог бы обходиться без него». Затем подумал и сказал, грустно глядя на своего любимца: «Если когда-нибудь он решит выступить против вас, то даже я не смогу вас защитить».

Это были поистине пророческие слова, к которым Сен-Мару надо бы прислушаться. Но со свойственными молодости беззаботностью и самомнением он пропустил их мимо ушей.

Тем временем Анна Австрийская и Гастон Орлеанский за спиной короля и Ришелье подготовили проект тайного договора с Филиппом IV. В Мадрид был отправлен маркиз Луи де Фонтре, один из заговорщиков. По возвращении он привез в Париж письменное одобрение короля Испании. Этот компрометирующий документ попал в руки никогда не терявшего бдительности министра-кардинала, который немедленно показал его Людовику.

Потрясенный столь вероломной изменой в своем ближайшем окружении король дал санкцию на арест участников заговора, включая своего любимца Сен-Мара. Маркизу де Фонтре, тайному курьеру, удалось избежать ареста. Он успел скрыться за границей. Больше никто и никогда не увидит его во Франции.

Судебный процесс был скоротечным. Всего один день потребовался судьям для вынесения приговора, который был предreshен. 12 сентября 1642 года Сен-Мар и его друг Франсуа-Огюст де Ту, советник Парижского парламента, были казнены. Гастон Орлеанский в очередной раз легко отделался. Правда, теперь ему пришлось под диктовку Ришелье написать документ о полном и окончательном отказе от всех притязаний на французский престол.

Наказания избежала и Анна Австрийская, которую король поначалу намеревался заточить в монастырь, но отказался от своего намерения по совету того же Ришелье. Было учтено,

что королева помогла следствию выявить всех участников заговора, в частности герцога Фредерика-Мориса Буильонского, командующего армией, действовавшей в Северной Италии. Насмерть перепуганный герцог сохранил жизнь ценой уступки королю принадлежавшего ему города-крепости Седан.

25 октября 1642 года Ришелье, к тому времени уже тяжело болевший, направил Людовику XIII письмо, в котором попытался преподать ему уроки, вытекавшие из «дела Сен-Мара». Он настоятельно рекомендовал королю положить конец фаворитизму как явлению, представляющему серьезную опасность для государства. В управлении страной король, писал Ришелье, должен опираться только на своих министров, полностью доверять им, добиваться исполнения всех принимаемых решений и «время от времени очищать двор от злонамеренных умов... в целях предотвращения зла, которое зачастую ведет к необратимым последствиям».

4 декабря 1642 года Ришелье умер, успев получить одобрение короля на назначение своим преемником в Королевском совете кардинала Джулио Мазарини, бывшего последние годы ближайшим сподвижником первого министра. Свои посты сохранили два других соратника Ришелье — Клод Бутилье, граф де Шавиньи, и Сюбле де Нуайе. «Богу угодно было призвать к себе кардинала де Ришелье, — уведомлял губернаторов и парламенты провинций Людовик XIII в специальном послании. — Я принял решение сохранять и поддерживать все установления его министерства, продолжать все проекты, выработанные при его участии, как во внешних, так и во внутренних делах, не внося в них никаких изменений».

Действительно, король сохранил и команду Ришелье, и приверженность его политическому курсу во внутренней и внешней политике. Правда, управлять страной Людовику XIII оставалось совсем недолго. Начиная с 1641 года, король постоянно недомогал. Его мучили острые желудочные боли и печеночные колики, сопровождавшиеся диареей и частыми рвотами. Главный королевский лейб-медик Бувар, бессильный реально помочь страдавшему пациенту, усугу-

блял его положение изматывающими и обессиливающими организм процедурами — пусканием крови и клизмами. За последние два года жизни Людовик XIII перенес тридцать четыре кровопускания, тысячу двести клизм и двести пятьдесят промываний желудка.

Людовик Справедливый тихо умер 14 мая 1643 года — день в день через тридцать три года после гибели своего великого отца Генриха IV. Он завещал похоронить себя в базилике Сен-Дени скромно, без пышной траурной церемонии, подобающей королевскому достоинству. Своим завещанием он назначил Анну Австрийскую регентшей при сыне-короле, но ограничил ее права определенными рамками. Впрочем, королева-регентша с самого начала пренебрежет этими ограничениями.

9 марта 1661 года в Венсенском замке от острого приступа запущенной уремии тяжело умирал 58-летний кардинал Мазарини. В течение предыдущих восемнадцати лет, со времени смерти своего предшественника, кардинала Ришелье, а затем и короля Людовика XIII, он не выпускал из рук бразды государственного правления, доверенные ему королевой-регентшей Анной Австрийской, которая фактически узурпировала права собственного сына.

Формально малолетний король Людовик XIV находился на троне с 14 мая 1743 года, когда умер его отец, но даже после коронации, состоявшейся в кафедральном соборе Реймса спустя одиннадцать лет — 7 июня 1754 года, — он по-прежнему не правил. Королева-мать и ее фаворит под разными предлогами держали законного монарха в стороне от государственных дел.

Такое положение сохранялось вплоть до 1661 года, когда Людовику XIV пошел двадцать третий год. Он уже был женат. 6 июня 1660 года в пограничном с Испанией городке Сен-Жан-де-Люз (Гасконь) состоялось его бракосочетание

с 21-летней инфантой Марией-Терезией Австрийской, дочерью Филиппа IV. Этот брак должен был закрепить Пиренейский мир 1659 года, положивший конец тянувшейся с 1635 года франко-испанской войне. В ноябре 1661 года в королевской семье родился первенец, который позже получит титул «Великий Дофин», но ему не суждено будет стать королем. Он умрет весной 1711 года в возрасте пятидесяти лет, раньше своего отца. Всего же в королевской семье родятся шестеро детей — три мальчика и три девочки.

...Доктора, собравшиеся у постели умиравшего министра-кардинала, безнадежно разводили руками и не обещали, что их пациент доживет до утра. Неутешительный прогноз оправдался. Мазарини скончался в тот же день.

Пока королева-мать безутешно рыдала над телом своего любимца, король распорядился созвать утром 10 марта заседание Королевского совета, куда помимо покойного Мазарини и Анны Австрийской входили восемь министров. Самыми влиятельными из них считались хранитель печатей (министр юстиции), канцлер Пьер Сегье и сюринтендант финансов Николя Фуке.

Собравшиеся в указанный час члены Совета ожидали чего угодно, но только не того, что они услышали. Непривычным для их ушей твердым, даже резким, не предполагавшим дискуссий тоном молодой монарх объявил ошарашенным министрам, что отныне он, Божьей милостью король Людовик XIV, собирается править единолично и не намерен назначать нового первого министра на место умершего Мазарини. «Вы будете помогать мне вашими советами, когда я вас об этом попрошу», — категорично заявил король. Затем он добавил: «Отныне вы не имеете права подписывать какие-либо документы, даже самые незначительные, без моего предварительного одобрения, и вы обязаны ежедневно отчитываться передо мной о своей деятельности...»

Министры покидали заседание в подавленном состоянии и с самыми тревожными предчувствиями. Сегодня они не узнали собственного короля, до сих пор не проявлявшего — так им казалось — никакого интереса к государственным делам

и поглощенного исключительно амурными похождениями и охотой.

Именно этот день, 10 марта 1661 года, и можно считать началом фактического царствования Людовика XIV, которого уже современники назовут великим и даже «королем-солнцем».

Будущий «король-солнце» родился 5 сентября 1638 года в Сен-Жермен-ан-Лэ, загородной королевской резиденции, расположенной в нескольких лье к западу от Парижа. К тому времени Франция уже перестала надеяться на появление наследника престола. В самом деле, с тех пор как 24 ноября 1615 года король Франции и Наварры Людовик XIII был обвенчан со своей сверстницей Анной Австрийской, дочерью короля Испании Филиппа III, прошли долгие двадцать два года, но детей в королевском семействе все не было. Французы строили самые фантастические предположения на этот счет — бесплодность королевы, предающейся безнаказанному разврату, противоестественные наклонности короля, предпочитавшего красавице-жене смазливых юношей, и т. д. и т. п. Лишь немногие лица из числа доверенных придворных достоверно знали о ледяной отчужденности, существовавшей между венценосными супругами с первых дней их не задавшегося брака. Каждый из них жил своей жизнью.

Данное обстоятельство не на шутку тревожило первого министра кардинала Ришелье, которому досужая молва приписывала связь с забытой мужем королевой. Кардинал, более всего радевший о государственных интересах, приложил немалые старания, чтобы побудить короля не пренебрегать спальней своей супруги. В конце концов, настаивал министр, речь идет о судьбе династии Бурбонов, о будущем Франции.

По всей видимости, именно настойчивости Ришелье Франция была обязана долгожданым рождением дофина. Для подданных христианнейшего короля это событие поистине было даром небес! Поэтому новорожденный наследник престола получил лестное добавление к своему имени — Луи Богоданный (Louis-Dieudonné). В скором времени, 21 сен-

тября 1640 года, в королевской семье на свет появится еще один мальчик — Филипп, герцог Анжуйский. Спустя двадцать лет, в 1660 году, когда умрет его дядя Гастон, Филипп Анжуйский унаследует его титул и станет именоваться герцогом Орлеанским.

Сочтя свою миссию исполненной, Людовик XIII вновь отдалился от королевы и мало интересовался воспитанием наследника. Он так редко виделся с ним, что ребенок воспринимал его как чужого человека и соответственно реагировал на появление отца. «С глубоким сожалением должен сообщить Вам, — жаловался король 10 сентября 1640 года в письме к Ришелье, — о том глубоком отвращении, которое мой сын питает ко мне... Едва увидев меня, он кричит так, будто его режут. При одном упоминании моего имени он становится пунцовым и заходится в плаче».

Король был убежден, что все дело здесь в происках Анны Австрийской, а не в том, что он видится с сыном от случая к случаю. «Я не могу видеть, — продолжает он жаловаться Ришелье, — как этот дегенеративный ребенок изводит ее своими ласками, все время повторяет ее имя, испытывая отвращение к моему. Я не могу все это выносить и потому прошу Вас, моего лучшего друга в этом мире, дать мне совет, как я должен поступить».

Ришелье настоятельно рекомендует королю чаще видеться с сыном и проводить больше времени с ним и с его матерью. Это должно успокоить двухлетнего малыша и сблизить его с отцом. Людовик XIII прислушался к совету своего министра. Во всяком случае, детские истерики при его появлении прекратились, сменившись обычным задушевно-снисходительным общением отца с сыном. За несколько дней до смерти больной король попросил привести к нему четырехлетнего дофина. Слабеющей рукой погладив сына по голове, отец спросил его:

— Как вас зовут?

— Меня зовут Людовик XIV, папá, — удивленно ответил мальчик.

— Нет, пока еще не так, сын мой, не спешите...

Четырнадцатым Людовиком дофин стал 14 мая 1643 года, в день смерти своего отца.

«Le Roi est mort, vive le Roi!» — привычно подумали французы...

За восемнадцать лет, отделявших восшествие на престол Людовика XIV и начало его самостоятельного правления, Франция прошла через полосу серьезных внутренних потрясений, известных под названием Фронда (от *фр.* *fronde* — праща). Эти потрясения оставили неизгладимый след в сознании юного Луи, во многом определив будущую политику «короля-солнца», железной рукой искоренявшего всякое неповиновение и властно насаждавшего свою абсолютную власть.

Кардинал Мазарини, пытавшийся продолжать политику Ришелье по укреплению королевской власти, навлек на себя неудовольствие аристократии и Парижского парламента, поддержанного провинциальными парламентами. Страна была разорена дорогостоящим участием в Тридцатилетней войне (1618—1648), и попытка Мазарини ввести новые налоги, в том числе на наследование судейскими чиновниками их должностей, встретила жесткое сопротивление столичного парламента, отказавшегося зарегистрировать эти правительственные распоряжения.

10 августа 1648 года Мазарини распорядился арестовать лидеров Парижского парламента. Реакция на это распоряжение последовала незамедлительно. Париж восстал и впервые в своей истории покрылся баррикадами — за одну только ночь их было воздвигнуто около 1200. Вслед за этим начались вооруженные столкновения с правительственными войсками. Уличные бои в столице продолжались в течение нескольких недель, вынудив королеву-регентшу с десятилетним сыном-королем в ночь с 5 на 6 января 1649 года тайно бежать из Парижа. Они смогут вернуться туда лишь 21 октября 1652 года.

Напуганный неожиданным размахом протестного движения Мазарини вынужден был отступить и пойти на компромисс с парламентом. Но это была лишь временная пере-

дышка в остром политическом кризисе, который продолжал сотрясать Францию. Год спустя, в 1650 году, вспыхнул «мятеж принцев». Вождями нового антиправительственного выступления стали принцы Конде и Конти, представители младшей ветви Бурбонов, оспаривавшие власть у королевы-регентши и ее сына, Людовика XIV. Опасаясь за свою жизнь, Мазарини на какое-то время бежал за пределы Франции. Мятежники назначили за его голову награду в 50 тыс. ливров. Волнения Фронды, усугубившие экономическое положение Франции, продолжались более пяти лет, прежде чем королевским войскам под командованием маршала Анри де Тюренна к началу 1653 года удалось погасить последние очаги мятежа и целиком сосредоточиться на возобновившейся войне с Испанией.

Все это происходило на глазах короля-подростка. В отличие от вернувшегося к власти Мазарини, осознавшего необходимость компромисса и даже диалога с оппозицией, юный Людовик XIV из потрясений Фронды извлек для себя совсем другой урок. Нет для короля большего унижения, чем ограничение его власти его же подданными. Королевская власть, имеющая исключительно божественное происхождение, может быть только абсолютной, безраздельной. Никакой оппозиции и никакому инакомыслию во Франции нет и не может быть места. Один только Божьей милостью христианнейший король способен понимать, в чем состоит благо государства и его подданных, и лишь перед Богом он вправе держать ответ за свои действия. «Государство — это я!» Эту фразу приписывают Людовику XIV, хотя никому не удалось доказать ее подлинность. Тем не менее эта формула предельно четко отражает суть политического режима, построенного Людовиком XIV.

Пройдут долгие восемь лет после усмирения Фронды, прежде чем Людовик XIV, утвердившись на троне, приступит к воплощению собственных представлений о правильно устроенной монархии.

Свои решительные намерения молодой король впервые продемонстрировал 5 сентября 1661 года, когда приказал аресто-

вать и отдать под суд сюринтенданта финансов Николя Фуке, одного из самых влиятельных членов Королевского совета, которого побаивался даже неосмотрительно выдвинувший его Мазарини. Фуке пользовался в королевстве репутацией главного мздоимца и вора, постоянно путавшего государственную казну с собственным кошельком, благодаря чему он сумел стать самым богатым человеком Франции. Разумеется, Фуке не мог не нажить себе множество недругов, первым из которых считался Жан-Батист Кольбер, другой выдвигенец Мазарини. Именно он и стал преемником Фуке, который проведет остаток жизни в заключении в отдаленной от столицы крепости Пиньероль.

О подготовленности будущего «короля-солнца» к его высокой миссии существуют противоположные свидетельства и мнения*. По одним, уровень его подготовки не был вполне удовлетворительным. Юный Луи якобы не блистал талантами, не был и усидчив, предпочитая игры и удовольствия серьезным систематическим занятиям. Ему не было еще и пятнадцати лет, когда Анна Австрийская решила, что сына пора сделать мужчиной. Эту деликатную миссию она доверила своей ближайшей компаньонке Като, сорокалетней баронессе Катрин де Бове. Многоопытная Като разожгла у подростка столь сильную страсть к любовным утехам, что он забросил все остальные занятия. Возмездие за сексуальную неводержанность не замедлило свершиться. В семнадцать лет юноша успел подхватить «французский насморк». Разбуженная у юного короля стараниями мадам де Бове чувственность, постоянно толкавшая его и на серьезные романы, и на мимолетные связи, будет сопровождать Луи до глубокой старости и станет важнейшей составляющей его личности.

Другие свидетели и историки рисуют не похожий на предыдущий психологический портрет короля. Они говорят о его природном уме, хорошей памяти и редком для ребенка и подростка трудолюбии, о настойчивости в достижении це-

* Удивительно, но современники расходились даже в оценках физического роста короля — 1 метр 65 сантиметров или 1 метр 84 сантиметра?

ли, о рассудительности, тактичности и доброжелательности, о способности прислушиваться к иному мнению. Будущий «король-солнце» умел и любил располагать к себе окружающих. При этом его отличало предельно обостренное чувство собственного достоинства. Никто не подвергал сомнению тот факт, что это был мужественный и решительный человек. Одновременно все единодушно отмечали и слабые стороны личности молодого короля — его безграничное властолюбие и тщеславие.

Так или иначе, но из детства и отрочества Людовик XIV вынес достаточно прочные познания в математике, истории, латыни и итальянском языке. Он научился хорошо разбираться в живописи, архитектуре и музыке, играл на клавесине, лютне и гитаре, обожал танцы, которым почти до тридцати лет уделял до двух часов своих ежедневных занятий.

С танцами, точнее — с балетом, связано и закрепившееся за Людовиком прозвище «король-солнце». Дело в том, что с двенадцати лет юный король постоянно участвовал в дворцовых балетных представлениях и ежегодных карнавалах, на которых часто выступал в образе Солнца. Окончательно это прозвище закрепилось за ним после костюмированного конного праздника 1662 года, где 23-летний король был одет в тогу римского императора. Он гарцевал на коне, держа в руке щит с изображением Солнца.

Взгляды же его на государство и миссию правителя во многом, если не в решающей степени, сформировались под воздействием той душевной травмы, которую он, совсем еще ребенок, получил в годы Фронды. Здесь невольно прослеживаются определенные параллели с двумя русскими правителями — Иваном Грозным и Петром I, которым в юности тоже довелось столкнуться с заговорами аристократии и унижением царской власти. Именно в потрясениях Фронды следует искать истоки внутренней политики Людовика XIV, направленной на уничтожение самостоятельного значения аристократии, со времен религиозных войн второй половины XVI века постоянно пытавшейся оспорить монополию короны на власть. Искоренить фрондерство и любые прояв-

ления оппозиционности — таков был важнейший императив внутренней политики молодого короля.

Вершиной пирамиды власти он считал себя и только себя. Далеко не случаен выбранный Людовиком девиз: «*Nes plusibus impar*» («Выше всех людей на свете»). Эти слова противоречили нормам христианской морали, причисляющей гордыню наряду с унынием к смертным грехам. Но короля, видимо, не смущало столь очевидное расхождение с исповедуемой им религией. То были нормы для простых смертных, но не для него, заступника Господа Бога на благословенной земле Франции.

Короля, как известно, «играет свита». Людовик XIV дал самое убедительное доказательство справедливости этого утверждения, если под свитой иметь в виду не только (и не столько) пышную процессию титулованных куртизанов и прекрасных дам, но прежде всего выдающихся сподвижников.

Очень рано у молодого короля обнаружилась способность умело подбирать талантливых и энергичных исполнителей своих замыслов. Он не опасался оказаться в их тени, не ревновал к их популярности, что обычно свойственно правителям слабым, не терпящим неблагоприятного для себя сравнения и по этой причине старающимся избавиться от наиболее способных министров. Напротив, Людовик XIV настойчиво искал людей способных и энергичных, выдвигал их и доверял им самые ответственные миссии. При этом для него не имело принципиального значения социальное происхождение выдвиженца.

Первым, на кого пал его выбор, стал упоминавшийся уже Жан-Батист Кольбер, сын торговца из Реймса. Именно его король назначил руководить своими финансами взамен проворовавшегося Фуке. Талантливый экономист сумеет оздоровить расстроенную финансовую систему Франции, урегулюет распределение налогов. Будучи убежденным приверженцем политики меркантилизма, Кольбер настойчиво и последовательно добивался роста промышленности и расширения торговли; он дал мощный толчок развитию мореходства и колониальной экспансии; благодаря его на-

стойчивости в 1667–1681 годах был прорыт Лангедокский (Южный) канал, соединивший Средиземное море через реку Гаронну с Атлантическим океаном. Правда, широкий круг интересов Кольбера, по непонятным причинам, не включал в себя сельское хозяйство, которое при нем не только не развивалось, но даже пришло в упадок.

Другим ближайшим сподвижником молодого короля стал Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн, маршал Франции, прославившийся в сражениях Тридцатилетней войны. Апологета римско-католической церкви, каким всегда был Людовик XIV, нисколько не смущала принадлежность Тюренна к протестантской религии (маршал перешел в католичество лишь в 1668 году). Короля не волновало и то, что прежде Тюренн был одним из военных вождей Фронды, с которой порвал в 1651 году и даже содействовал ее разгрому, за что в 1660 году был удостоен высшего воинского звания главного маршала Франции. Большинство побед французского оружия в войнах Людовика XIV будут связаны с именем Тюренна, который погибнет в 1675 году.

Еще одним военным соратником Людовика XIV станет Себастьян Ле Престр, маркиз де Вобан (кстати, тоже бывший фрондер, как и Тюренн) — талантливый полководец и военный инженер, построивший более тридцати новых крепостей и перестроивший около трехсот старых. В его послужном списке значились сорок девять взятых городов. Тем не менее свой давно заслуженный маршальский жезл он почему-то получит с большим опозданием — только в 1703 году. Таланты Вобана не ограничивались военным делом. Он был известным литератором и в 1699 году удостоился избрания во Французскую академию.

Общей организацией королевской армии ведал Франсуа-Мишель Ле Теллье, маркиз де Лувуа, военный министр Людовика XIV. Постепенно он приобретет весомое влияние на короля, подталкивая его к активной завоевательной политике, против которой тщетно будет возражать расчетливый Кольбер, справедливо усматривавший в непрерывных войнах угрозу финансовому благополучию Франции.

Главой своей дипломатии, государственным секретарем по иностранным делам, король назначил искусственного в тонкостях дипломатических интриг Юга де Лионна, маркиза де Френа, который будет оставаться на этом посту до самой смерти в 1771 году. Его преемником на девять лет станет Симон Арно де Помпонн, а затем Шарль Кольбер, младший брат сюринтенданта финансов. В 1676 году за выдающиеся заслуги король дарует этому потомственному мещанину титул маркиза де Круасси.

Но самой яркой звездой дипломатии Людовика XIV, безусловно, был сын Круасси — Жан-Батист Кольбер, маркиз де Торси. В течение двадцати последних лет царствования «короля-солнца» он бессменно возглавлял министерство иностранных дел Франции. Именно ему в 1713—1714 годах доведется поставить точку в войне за Испанское наследство, когда будут подписаны Утрехтский и Раштадтский мирные договоры. Торси суждена будет долгая жизнь. Он переживет своего короля на тридцать один год и умрет в возрасте восьмидесяти лет.

Руководство делами гражданской администрации Людовик XIV сохранил в руках семидесятилетнего Пьера Сегье, хранителя печатей и канцлера Франции. Король даст ему редкую привилегию просидеть в министерском кресле до самой смерти, последовавшей в 1672 году.

Таков был ближний круг помощников Людовика XIV в делах государственного управления.

С самого начала самостоятельного царствования молодой король четко дал понять, что намерен следовать тем принципам, которые в свое время заложил кардинал Ришелье и с переменным успехом пытался применять Мазарини. Важнейший из них — вся власть в государстве должна концентрироваться в одном центре, точнее, в одних руках, в руках Божьей милостью короля Франции. Рабочим органом управления страной стал Королевский совет, которому подчинялись другие Советы — финансовый, торговый, почтовый, духовных дел и др. Никто, включая аристократические кланы и Парижский парламент, не вправе был вмешиваться

в принятие решений, обсуждаемых в Совете и утверждаемых королем. Все попытки заявлять о каких-то политических правах, кто бы ни выступал с подобными претензиями, в корне пресекались.

Подобное предупреждение адресовалось прежде всего парламентам. Своими ордонансами 1667 и 1673 годов король лишил парламенты, включая Парижский, традиционного политического значения, а их судебные функции существенно урезал и передал вновь созданным чрезвычайным судам. Тогда же были приняты гражданский, уголовный и ряд других административных кодексов, которые регулировали внутреннюю жизнь королевства и его экономическое развитие. Один из кодексов («Code noir» — Черный кодекс) законодательно утверждал работоторговлю в колониях.

В провинциях вся власть наряду с назначаемыми королем губернаторами сосредоточивалась у интендантов — правительственных чиновников, которые рекрутировались преимущественно из среды незнатного дворянства и представителей третьего сословия. Существовавшее с незапамятных времен муниципальное самоуправление Людовик XIV поставил под жесткую административную опеку. В отдельных городах, включая столицу, он даже упразднил органы самоуправления.

До конца жизни Людовик XIV испытывал неприязнь к Парижу и не скрывал этого. Слишком глубоко врезались в его память окрашенные кровью детские воспоминания о взбунтовавшейся столице и унижительном бегстве из нее. Он никогда не простит парижанам мятежа против верховной власти. По возможности Людовик будет избегать приездов в Париж, предпочитая проживать в загородных резиденциях, а с построением дворцового ансамбля в Версале окончательно обоснуется там. Неприязненное отношение короля к столице Франции распространилось и на Парижский парламент, который король постарался превратить в заурядную регистрационную палату, штамповавшую подписанные им эдикты. Вся реальную власть в полумиллионной столице эдиктом от 15 марта 1667 года он передал в руки специального наместника, который отчитывался только перед королем.

Эта дата — 15 марта 1667 года — с полным правом может считаться днем основания французской полиции, ранее не существовавшей в виде отдельного правоохранительного органа.

Как символы утверждения абсолютной власти короля над неверным Парижем в самом его центре, на площади Побед и на площади Людовика Великого (ныне — Вандомская площадь), были воздвигнуты два памятника, прославлявшие «короля-солнце» — один мраморный, работы Дежардена (1686), его украшала надпись «Viro immortalis»*; другой — бронзовый, работы Жирардона (1699). Парижские острошлювы, обыграв близость последнего монумента к памятникам Генриху IV у Нового моста и Людовику XIII на Королевской площади**, откликнулись на его открытие сатирическими стихами:

На Королевской площади среди людей известных
Родитель твой навеки водружен,
У Нового моста другой твой предок честный
Стоит любовью бедных окружен.
Тебе ж нашли местечко подхалимы
На площади Вандомской между ними.***

На исходе своего царствования король все же обратит внимание на плохо устроенную столицу, где в отсутствие уличных фонарей по вечерам и ночам хозяйничали преступные шайки. В 1702 году Париж разделят на двадцать кварталов (округов), в каждом из которых будут образованы полицейские участки и налажено постоянное патрулирование улиц. Тогда же столица получит наконец фонарное освещение.

Широкое применение в царствование Людовика XIV получили так называемые «lettres de cachet» (дословно — «письма с печатью») — тайные приказы за подписью короля об аресте и тюремном заключении без суда и следствия. Нередко такие ордера на арест выписывались без указания имени и фамилии задерживаемого. Уполномоченные чиновники могли

* Бессмертному человеку (*лат.*).

** Отцу и деду Людовика XIV.

*** Перевод Надежды Александровой.

внести любую фамилию в пустующую графу этого документа, что открывало широкий простор для административного произвола и сведения личных счетов. Как правило, *lettres de cachet* выписывались в отношении тех лиц, которых по тем или иным причинам трудно было привлечь к обычному суду. Разумеется, подобные внесудебные преследования затрагивали прежде всего критиков и оппонентов власти. За первые тридцать лет правления Людовика XIV, включая время регентства королевы-матери, было выписано около 20 тыс. таких ордеров. Практика *lettres de cachet* продержалась до конца существования Старого порядка и была признана незаконной после его падения в 1789 году. Тогда же был положен конец и пыткам арестованных, которые существовали еще в Средние века, но официально были узаконены только при Людовике XIV.

Воспитанный своим крестным отцом кардиналом Мазарини в духе преданности католицизму, Людовик XIV, безусловно, был человеком глубоко верующим, хотя еще в молодости растерял многие христианские добродетели. Как «помазанник Божий», он всегда выступал в роли апологета римско-католической церкви, которую одновременно старательно встраивал в возводимое им величественное здание абсолютной монархии. Сохраняя за духовенством все привилегии, король пытался превратить его в орудие своей политики, что вызывало недовольство Святого престола, претендовавшего на абсолютный контроль над клиром римско-католической церкви по всей Европе.

Здесь Людовик XIV строго следовал старинной галликанской традиции, уходящей корнями еще в IV век, признававшей авторитет папы, но выше ставившей церковные соборы. Отстаивая независимость французской церкви, которую Людовик старался сделать государственной, он даже вступил в конфликт с папой Иннокентием XI. Ему удалось добиться принятия на церковном соборе 1682 года «Заявления галликанского духовенства», официально провозгласившего независимость французской национальной церкви от римской курии. Эта декларация, по распоряжению короля, немедленно была внесена в парламентские регистры и приобрела

силу закона. Однако обретенная самостоятельность от Святого престола не спасла галликанскую церковь от попадания в другую зависимость — от абсолютной власти короля.

Подчинив церковь, Людовик XIV пойдет навстречу ее давнему заветному желанию — подорвать и даже вовсе уничтожить влияние протестантизма во Франции. В этом отношении король действовал вопреки политике почитаемого им Генриха IV, признавшего Нантским эдиктом 1598 года религиозные свободы за сотнями тысяч гугенотов. Он был глубоко убежден, что в едином государстве может существовать только одна государственная церковь — римско-католическая. За всеми другими конфессиями, и прежде всего протестантизмом, Людовик XIV не признавал права на существование в своей монархии.

С самого начала его самостоятельного царствования гугеноты станут подвергаться систематическим притеснениям, а в 1685 году король вообще отменит Нантский эдикт, лишив значительную часть своих подданных религиозных и гражданских свобод. Это вынудит по крайней мере 200 тыс. французских протестантов, в подавляющем большинстве людей энергичных и экономически благополучных, навсегда покинуть родину и рассеяться по Европе и Новому Свету, чем был нанесен ощутимый ущерб экономике Франции.

Преследованиям подвергались и другие инаковерующие, в частности янсенисты, приверженцы голландского богослова Янсения (1585—1638), по-своему трактовавшего свободу воли и божественную благодать. В борьбе с религиозным инакомыслием Людовик XIV опирался на активную поддержку иезуитов, которые приобрели при нем невиданное прежде влияние.

Считая себя «первым дворянином королевства», Людовик всячески оберегал социальные привилегии дворянства и показывал ему свое расположение. Но дело было не только и не столько в «классовой солидарности». Слишком свежи были воспоминания о мятежном духе провинциального дворянства, его зависимости от соперничавших с центральной властью влиятельных аристократических кланов, нередко побуждавшей дворян к участию в антиправительственных

выступлениях. Людовик XIV старательно и последовательно, можно сказать, перевоспитывал дворянство, внушал ему преданность королю. Предоставляя дворянам многочисленные должности и пенсии (пансионеры), привлекая их к своему двору, он умело превращал потенциальных мятежников в послушную своей воле придворно-чиновную знать.

Продолжая дело Ришелье, «отца» французской бюрократии, по централизации государственного управления, Людовик XIV предоставил самые широкие полномочия чиновникам, число которых при нем многократно возросло. Без их участия не решался ни один вопрос.

Старательно конструируя идеально устроенную, как он полагал, абсолютную монархию, Людовик XIV заботился не только о государственных институтах, армии и флоте. Не меньшее внимание он уделял вопросам культуры, развитие которой при нем стало делом первостепенной государственной важности. В понимании Людовика XIV достижения национальной культуры столь же важны, как военные или дипломатические победы. Они даже в большей степени свидетельствуют о международном значении государства и величии монарха.

В царствование Людовика XIV возникают несколько академий, превратившихся в авторитетные европейские центры наук и искусств, — Академия живописи и скульптуры (1648) во главе с Шарлем Ле Бреном, знаменитым художником-декоратором, Академия надписей и изящной словесности (1663), Академия наук (1666), Академия музыки (1669) во главе с композитором Жан-Батистом Люлли, Академия архитектуры (1671). В 1682 году в Париже был основан Коллеж (в настоящее время лицей) Людовика Великого под патронажем самого короля. В нем получали среднее образование отпрыски аристократических и дворянских семей.

Следуя примеру кардинала Ришелье, «король-солнце» покровительствовал людям из мира искусства, литературы и науки. Он делал это не только из искреннего интереса к культуре, но и из прагматичных государственных соображений. Приручая мастеров культуры, приближая ко двору, король стремился поставить их таланты на службу своей

«идеальной монархии». При этом он выступал не только в роли благодетеля, но и строгого критика, а то и цензора. Самым ярким примером такого рода могут служить сложные отношения Людовика XIV с «королем французской драматургии», как называл Жана Батиста Мольера Михаил Булгаков.

«Король-солнце» высоко ценил Мольера, оказывал ему всевозможные знаки внимания (он даже стал крестным отцом его первенца), но одновременно пытался жестко контролировать творчество драматурга. Рассказывают, что, когда принц Конде принес королю известие о смерти Мольера, Людовик XIV, сняв шляпу, произнес: «Мольер бессмертен». Скорее всего этой сцены не было в действительности. Бессмертным (в переносном, конечно, смысле) «король-солнце» считал только одного человека на свете — себя, а шляпу снимал разве что перед дамами. Бесспорно, впрочем, что он понимал все значение Мольера и его творчества.

Другой выдающийся драматург эпохи Людовика XIV — Жан Расин удостоился в Версале личных апартаментов, призывавших к королевской спальне, где он читал королю на сон грядущий свои новые пьесы.

Королевским историографом стал знаменитый поэт Никола Буало, один из теоретиков литературного классицизма.

Главным советником Людовика XIV в вопросах культуры стал Шарль Перро, писатель-сказочник, избранный в 1671 году в члены Французской академии.

И только Пьер Корнель, старший представитель блестящей когорты французских драматургов этого времени, позволял себе дистанцироваться от версальского двора. Если в своих ранних трагедиях он еще превозносил абсолютную власть, то в позднейших пьесах уже представлял ее в невыгодном свете, что, разумеется, навлекло на него нерасположение «короля-солнца».

Большое влияние на культурную жизнь оказывали появившиеся в столице Франции литературные салоны, где задавали тон известные писатели — герцог де Ларошфуко, маркиза де Севинье и графиня де Лафайет, прославившаяся своим психологическим романом «Принцесса Клевская».

Страстный любитель сценического искусства Людовик XIV в октябре 1680 года на основе труппы Мольера и соперничавшей с ней труппы «Бургундский отель» основал первый во Франции национальный драматический театр — «Комеди Франсез», взяв его на государственное содержание и лично отобрав первый состав актеров.

Созданную им жестко централизованную монархию Людовик XIV, можно сказать, украсил невиданным прежде роскошным декором, который станет образцом для подражания по всей Европе — от Мадрида до далекого Санкт-Петербурга. Он начал с реставрации парижского дворца и парка Тюильри (король не любил мрачный Лувр), но вскоре сосредоточился на строительстве новой грандиозной резиденции рядом со скромным охотничьим замком, возведенным в Версале его отцом. Реализация этого проекта потребовала колоссальных расходов (свыше 82 млн ливров — 3 процента ежегодного госбюджета) и заняла двадцать лет, прежде чем 6 мая 1682 года Людовик XIV навсегда обосновался в Версале, куда перебрался и его двор, что превратило пригород Парижа во вторую столицу Франции. Создателями этого шедевра дворцово-паркового ансамбля были обесмертившие свои имена архитекторы, дворцовые и парковые дизайнеры — Луи Ле Во, Жюль Ардуэн-Мансар, Робер Ле Котт, Жак и Анж-Жак Габриэль, Андре Ле Нотр и другие выдающиеся мастера.

Версальский архитектурный ансамбль станет моделью для Сан-Суси в Потсдаме, Петергофа в окрестностях Петербурга и многих других загородных резиденций европейских монархов.

При версальском дворе был введен строжайший этикет, подчиненный служению культу христианнейшего короля. Здесь решались важнейшие государственные дела, плелись бесконечные интриги, устраивались великосветские праздники и всевозможные развлечения. Характерной чертой двора Людовика XIV был официально процветавший фаворитизм. Способный ученик мадам де Бове всю жизнь, до глубокой старости, был окружен многочисленными метрессами. Фавор одних был мимолетным, у других он продолжался го-

дами. Число королевских любовниц не поддается даже приблизительному подсчету, как и число побочных детей короля. Достоверно известно, что первой официальной фавориткой короля, имевшей при дворе соответствующий статус, была Луиза де Ла Вальер, последней — маркиза де Ментенон. Всего же у Людовика XIV было, по одним подсчетам, пятнадцать, а по другим — шестнадцать официальных фавориток и более десяти признанных им внебрачных детей.

Некоторые из фавориток имели серьезное политическое влияние на короля. К ним в первую очередь следует отнести мадам де Монтеспан (их связь продолжалась четырнадцать лет, и она родила от короля шестерых детей). Другой такой фавориткой стала вдова литератора и драматурга Поля Скаррона, мадам де Ментенон, которая была на три года старше короля. Это не могло не удивлять, учитывая, что Людовик XIV находился в постоянном окружении молодых и совсем юных красавиц. Тем не менее мадам де Ментенон сохраняла свое исключительное положение на протяжении четверти века, вплоть до смерти короля. Более того, когда в 1683 году умерла королева Мария-Терезия, 48-летняя фаворитка уже через три месяца стала морганатической супругой Людовика XIV*.

Уже в самом начале своего самостоятельного правления молодой король занялся реорганизацией армии, направив на ее содержание до 50 процентов государственного бюджета. Он ввел четкий порядок в системе командования во всех звеньях, установил в войсках жесткую дисциплину, передел солдат и офицеров в новую форму, а главное — перевооружил армию современным оружием. Важным делом оснащения и снабжения войск отныне занималось учрежденное королем Интендантское управление. В местах нахождения гарнизо-

* После смерти Людовика XIV мадам де Ментенон по собственной воле удалилась в аббатство Сен-Сир, в шестнадцати километрах к юго-западу от Парижа. В 1686 году по ее инициативе там был основан пансионат, в котором воспитывались девочки из обедневших дворянских семей и сироты. Здесь она провела свои последние годы и здесь же была похоронена 17 апреля 1719 года.

нов повсеместно строились солдатские казармы — дело по тем временам необычное. До тех пор солдаты, как и офицеры, квартировали в домах местных жителей. Король позаботился и о ветеранах. Первым из европейских государей он начал создавать хорошо оборудованные дома призрения для одиноких инвалидов и престарелых ветеранов войн. Самый известный из них — Дом Инвалидов в Париже.

Людовик непрерывно наращивал численность армии: 40 тыс. штыков в 1660-м, 72 тыс. — в 1667-м, 200 тыс. — в 1678-м, 380 тыс. — в 1710 году. Подобная динамика свидетельствовала и о демографическом росте во Франции, превратившейся к началу XVIII века в самое населенное государство Европы: 18 млн человек в 1670-м, 21 млн — в 1680 году. Дальнейший прирост населения приостановился во время разорительной войны за Испанское наследство (1701—1714). Для сравнения можно вспомнить, что в России, самом обширном европейском государстве, не сопоставимом по территории с Францией, в 1678 году проживало чуть более 11 млн человек.

Настойчивыми стараниями Кольбера, начиная с 1660-х годов, по всей территории Франции возникли многочисленные мануфактуры, которые стали успешно завоевывать европейский рынок. Наибольшую известность получили мануфактуры Сен-Гобена*, где с помощью венецианских мастеров стали производиться лучшие в Европе зеркала**, и суконные мануфактуры приглашенного Кольбером из Голландии мастера Жосса Ван Робе, который наладил производство в городке Аббевилль в Пикардии. Высокое качество французского мануфактурного производства было признано повсеместно. Посол Венецианской республики в Париже однажды не удержался от восхищенного признания: «Все лучшее, что изготавливается сейчас в мире, производится во Франции».

* Компания «Сен-Гобен» дожила до наших дней, превратившись в крупнейшее многопрофильное предприятие по производству строительных материалов.

** Именно мануфактуре Сен-Гобена Людовик XIV доверил создание знаменитой Зеркальной галереи в Версальском дворце.

Считая торговлю обязательной спутницей производства, Кольбер изыскивал любые возможности для расширения французского экспорта как по суше, так и по морю. Поддержанный королем, он провел модернизацию всех основных портов, которыми располагала Франция, — Дюнкерка, Гавра, Бреста и Рошфора на Атлантическом побережье, Марселя и Тулона — на Средиземном море.

Одновременно развернулось энергичное морское строительство и последовавшая за этим колониальная экспансия. В отличие от Людовика XIV, видевшего в колониях один из символов величия Франции, Кольбер смотрел на них исключительно с экономической точки зрения, рассматривая их как важный хозяйственный придаток метрополии, источник сырья для мануфактур. Но в главном король и его министр были едины. Франция обязана иметь сильный военный и торговый флот. К 1661 году в строю оставалось всего 20 боеспособных кораблей, что было результатом Тридцатилетней войны и междоусобиц, раздиравших Францию.

Усилиями Кольбера уже в 1683 году королевский флот располагал 112 крейсерами, 25 фрегатами, 6 брандерами, 16 корветами, 40 боевыми галерами и 20 баржами. Личный состав флота насчитывал 1200 офицеров и 53 тыс. матросов. Еще через десять лет число крейсеров и фрегатов возросло соответственно до 135 и 38 единиц. Французский флот стал самым мощным в Европе, оставив позади флоты Нидерландов и Англии — ведущих морских держав.

Дальние морские плавания стали более безопасными благодаря научным трудам основанной Людовиком XIV Академии наук, Парижской обсерватории во главе с Жан-Домиником Кассини и Морской гидрографической службе. Ими был создан первый официальный морской атлас «Французский Нептун», который немедленно был переведен в Нидерландах, что само по себе являлось наивысшей оценкой труда французских ученых.

Король одобрил инициативу Кольбера по созданию новых заморских компаний: Вест-Индской и Ост-Индской, Северной, Левантской, Сенегальской, Гвинейской и других, призванных развивать колониальную торговлю.

Людовик XIV передал колонии в ведение Морского министерства, а во главе каждой из них поставил губернаторов или наместников (генерал-лейтенантов), что превращало колонии в заморские провинции Франции.

Кольбер дал столь мощный толчок французской колониальной экспансии, что она активно продолжалась и после его смерти в 1683 году. Осуществлялась колонизация Гвианы, Антильских островов, острова Сан-Доминго (Гаити). Французы закрепились на побережье Сенегала. Предпринимались попытки захватить острова в Индийском океане (прежде всего Мадагаскар). В 1712 году Франция оккупировала оставленные голландцами острова Бурбон (Реюньон) и Морис (Маврикий). Желанная цель в этом районе — сказочная Индия. Французская Ост-Индская компания приобрела у индийских раджей территории Пондишери и Карикал, а затем — Махе, Янаон и Чандернагор.

Король поощрял проникновение и в Новый Свет, где французы распространили свое влияние до Гудзонова залива. Французские землепроходцы достигли реки Миссисипи, спустились до ее устья и остановились на берегу Мексиканского залива. Важную роль в исследовании и освоении американского континента сыграл Робер Кавелье де ла Салль, торговец из Руана, попытавшийся основать французские поселения вдоль берегов рек Св. Лаврентия, Миссисипи и Огайо. Дойдя до моря, де ла Салль и его спутники по обычаю тех времен под пение «Te Deum» воздвигли на берегу деревянный крест и столб, на котором руководитель экспедиции начертал: «В этот день, 9 апреля 1682 года, именем Его Величества короля Франции и Наварры, я беру под свое управление эту страну, отныне называющуюся Луизиана...».

По возвращении де ла Салль был с триумфом встречен в Версале и получил от короля пост губернатора новой колонии. Предприимчивый руанец поспешил в 1684 году основать «Компанию Луизианы и Запада» и уже на следующий год на четырех кораблях отправился со второй экспедицией в Мексиканский залив. Высадившись на суше, де ла Салль двинулся в глубь территории нынешнего штата Техас. Однако на этот раз экспедиция потерпела неудачу, а сам гу-

бернатор в 1687 году был убит своими взбунтовавшимися компаньонами.

Активность колониальной экспансии стала снижаться по мере вовлечения Франции в войну за Испанское наследство.

Самым любимым из государственных занятий повзрослевшего Людовика XIV, несомненно, была внешняя политика. Здесь «король-солнце» поставил перед собой две главные задачи — расширить территорию Франции до ее «естественных границ» и добиться французского доминирования в Старом Свете. В этом отношении он пошел дальше своих предшественников — Франциска I, Генриха IV и Людовика XIII, мечтавших лишь о том, чтобы сокрушить существовавшую с XVI века гегемонию австрийских и испанских Габсбургов и установить равновесие сил в Европе.

Непомерные амбиции молодого короля заведомо обрекали его на конфликт с управляемыми Габсбургами Испанией и Германской империей, а также с их многочисленными союзниками. Конфликт оказался затяжным; он развивался на протяжении почти полувека, до предела истощив ресурсы Франции.

Так или иначе, но после 1661 года французская дипломатия заговорила с иностранными державами непривычно решительным тоном.

Как только в 1665 году умер король Испании Филипп IV, Людовик XIV поспешил предъявить права на Брабант, часть Фландрии, Франш-Конте и Люксембург, входившие в Испанские Нидерланды. При этом он сослался на так называемое «деволюционное право», согласно которому его супруге Марии-Терезии, дочери умершего Филиппа, должны были перейти права на часть Испанских Нидерландов.

Регентша Марианна Австрийская, вторая супруга Филиппа IV, мать четырехлетнего короля Карла II, отвергла территориальные притязания Людовика XIV, который, со своей стороны, не стал с ней церемониться.

В мае 1667 года без объявления войны армия маршала Тюренна вторглась во Фландрию и в течение нескольких недель оккупировала ее. Взяв Лилль, французы двинулись

на Брюссель, но потерпели здесь неудачу. В ходе следующей кампании армии принца Конде удалось овладеть примыкавшей к Швейцарии провинцией Франш-Конте.

Голландия, Англия и Швеция, обеспокоенные военными успехами Франции, заключили трехсторонний оборонительный союз, вынудив Людовика XIV согласиться на компромисс с Испанией. По мирному договору, подписанному 2 мая 1668 года в Экс-ля-Шапеле (Ахене), Франция вернула Испании Франш-Конте, но сумела удержать за собой одиннадцать завоеванных городов и крепостей во Фландрии. Ахенский мир не только не ликвидировал франко-испанского соперничества в этом районе, но и предопределил новое военное столкновение — на этот раз между Францией и Республикой Соединенных провинций (Голландией).

Поводом к войне, затянувшейся на несколько лет (1672—1678), стало вероломное вторжение Людовика XIV во владения герцога Лотарингского, союзника Голландии. На этот раз король решил лично возглавить одну из трех армий. Двумя другими командовали Тюренн и Конде. В течение полутора месяцев французам удалось занять почти половину голландской территории, включая сорок городов, после чего король с триумфом вернулся в Париж, где к его приезду в предместье Сен-Дени были возведены Триумфальные ворота, сохранившиеся до наших дней. Именно в этот момент славы к имени короля и был добавлен лестный эпитет — Людовик Великий.

В разгар военных действий, 27 июля 1675 года, под Зальцбахом, на правом берегу Рейна, от разрыва пушечного ядра погиб маршал Тюренн. «Мы потеряли отца отечества», — отозвался Людовик XIV на смерть своего выдающегося полководца.

Тем не менее французы одержали ряд новых побед в Германии, в частности под Касселем (1677), а также на западе Фландрии, где им удалось взять богатый торгово-мануфактурный город Ипр. Успехам на сухопутном театре военных действий сопутствовала победа в Средиземном море, где французский флот разгромил голландский.

На пике французских побед произошло событие, изменившее весь ход войны. В 1677 году штатгальтер Вильгельм III Оранский, непримиримый противник Людовика XIV, вступил в брак с Марией Стюарт, дочерью герцога Йоркского, будущего короля Англии Якова II. Ему удалось убедить тогдашнего короля Карла II не только отказаться от поддержки Франции, но и перейти на сторону Голландии. Этот неожиданный маневр побудил Людовика XIV пойти на примирение с Вильгельмом Оранским. 10 августа 1678 года в Нивменгене был подписан мирный договор между Францией и Соединенными провинциями. По условиям мира, Франция удержала за собой Франш-Конте, несколько пограничных городов в Бельгии и часть австрийского Эльзаса, обязавшись вернуть захваченные в ходе военных действий Маастрихт, Шарлеруа, Куртре (Кортрейк) и другие города и прилегающие к ним территории.

Начало 1680-х годов биографы Людовика XIV единодушно считают апогеем могущества Франции и величия ее короля. Если бы только Людовик XIV остановился на достигнутом, полагают они, история Франции, а во многом и всей Европы, могла бы развиваться как-то иначе. Но к тому времени Людовик уже утратил чувство меры и адекватного восприятия реальности, которую он сам начал создавать в своем воображении. Смерть Кольбера (6 сентября 1683 года), одного из последних трезвомыслящих советников, окончательно освободила короля от необходимости сопоставлять свои притязания с материальными возможностями страны. Поощряемый непомерным честолюбием, окруженный лестью и переставший слышать даже предостережения, не говоря уже о возражениях, Людовик XIV неотвратимо повел Францию в сторону заката только обретенного ею процветания и могущества. Авантюризм короля всячески поощряла мадам де Ментенон, последняя из его официальных фавориток. На мадам де Ментенон, слывшей ревностной католичкой, лежит немалая доля ответственности и за отмену в 1685 году Нантского эдикта о свободах для гугенотов.

Годы, последовавшие за подписанием Нимвенгенского мира, Людовик XIV и его дипломаты употребили на поиски доказательств исторической принадлежности к Франции окружающих ее территорий. Для этого в Меце, Брейзахе и Безансоне были созданы так называемые «палаты присоединения» (*chambres de réunions*). Основываясь на собранных палатами сведениях, зачастую недостоверных, король приказал войскам занять ряд восточных пограничных территорий за пределами Франции.

Взрыв возмущения в соседних германских государствах вызвала французская оккупация имперского города Страсбург (1681) и захват французами после продолжительной осады Люксембурга (1683—1684). Перед угрозой нового военного союза Австрии, Испании и Голландии Людовик XIV вынужден был временно отказаться от дальнейшей ползучей аннексии, но сумел отстоять свои права на Страсбург, заставив горожан присягнуть на верность французской короне.

Его сдержанности хватило ненадолго. Уже в 1685 году одержимый амбициями Людовик возобновляет агрессивную внешнюю политику. Его очередной мишенью становится соседний Пфальц. Здесь король действовал от имени своей снохи, жены брата, урожденной принцессы Елизаветы-Шарлотты Пфальцской, по указке деверя предьявившей наследственные права на свою историческую родину.

Реакции противников Людовика XIV долго ждать не пришлось. 9 июля 1686 года в баварском городе Аугсбург было заключено соглашение о военном союзе Германской империи, Испании, Швеции, Бранденбурга, Баварии и Саксонии против Франции. Несколько позднее к союзу, получившему название Аугсбургской лиги, присоединилась Голландия. Начало новой войны спровоцировала оккупация французскими войсками в июне 1688 года Кельна после того, как папа отказался утвердить назначение французского ставленника-архиепископа на кельнскую кафедру.

Поначалу успех сопутствовал французам, которые сумели захватить Савойю, а также углубиться на территорию Голландии. Французский флот разбил голландско-британский в морском сражении в Ла-Манше, напротив Дьеппа. Однако

с 1693 года удача изменила Франции. Против нее все активнее действовала Англия, где на троне в 1689 году оказался Вильгельм Оранский, давний недруг Людовика XIV. Да и совокупные материальные ресурсы Аугсбургской лиги явно превосходили возможности оскудевающей французской казны. Французы стали терпеть одну неудачу за другой. Вырисовывалась перспектива поражения в войне, что побудило Людовика, опасавшегося полной изоляции страны, заняться поисками мира, который не выглядел бы унижительным для его достоинства.

21 сентября 1697 года в городке Рисвик, пригороде Гааги, был положен конец затянувшейся войне. По Рисвикскому мирному договору, Людовик XIV сумел удержать за собой Страсбург и часть Эльзаса, но вернул другие территории, которые он в одностороннем порядке присоединил к Франции после Нивменгенского мира 1678 года. Так или иначе, но «королю-солнцу» удалось создать впечатление, что он поражения не потерпел.

Поспешность Людовика XIV в заключении мира объяснялась не только последними военными неудачами и истощением казны. Его мысленному взору в то время открылась захватывающая перспектива, о которой не могли и мечтать его предшественники, — установить контроль над Испанией, историческим противником Франции.

В это время Европа жила ожиданием смерти больного и бездетного короля Испании Карла II Габсбурга. Браки, заключавшиеся на протяжении нескольких поколений между Габсбургами, неизбежно привели к вырождению их испанской ветви. Карл II родился в брачном союзе Филиппа IV с его племянницей Марией-Анной Австрийской. С самого рождения будущий король отличался немощью и был подвержен многочисленным физическим и нервным болезням, вызванным генетической аномалией («синдром Кинефельда»). Ему достались наследственный сифилис, эпилепсия, подверженность галлюцинациям, частые потери сознания, глубокие депрессии и общая задержка развития (в десять лет он еще не умел читать). В довершение своих несчастий король, будучи дважды женат, не мог иметь детей.

Ссылаясь на родственные связи между Бурбонами и испанскими Габсбургами*, Людовик XIV сумел убедить безнадёжно больного короля незадолго до смерти составить завещание в пользу своего внука Филиппа, герцога Анжуйского.

Когда 1 ноября 1700 года, не дожив до сорока лет, Карл II скончался, его завещание немедленно было оспорено австрийскими Габсбургами, которых поддержали Англия и Голландия. Их пугала перспектива объединения двух корон — французской и испанской. Стоило герцогу Анжуйскому 15 ноября 1700 года взойти на мадридский престол под именем Филиппа V, как началось создание антифранцузской коалиции, окончательно оформившейся осенью 1701 года. В ее состав вошли Австрия, Англия, Голландия, Дания, Португалия, Бранденбург и ряд других германских государств. Позднее к коалиции присоединилась Савойя. На стороне Людовика XIV выступили лишь король Испании Филипп V, баварский и кельнский курфюрсты. Не оправдались надежды Франции и на помощь короля Швеции Карла XII, занятого войной с Россией. Война за Испанское наследство стала последней для 63-летнего Людовика XIV.

Франция оказалась плохо подготовлена к войне, где ей противостояла широкая европейская коалиция. Экономика и финансы были подорваны предшествовавшими войнами, которые Людовик XIV вел на протяжении тридцати лет.

Военные действия разворачивались одновременно на нескольких театрах — в Нидерландах, на Рейне, в Италии, в Испании и на морях. Поначалу они шли с переменным успехом, но с 1704 года обозначилось явное преимущество коалиции. Французские войска под командованием маршалов Виллара, Вандома и Катина потерпели ряд поражений. В 1704 году англичанам удалось захватить Гибралтар, а в 1708 — остров

* Первой супругой Филиппа IV Испанского, отца Карла II, была Елизавета Французская, дочь Генриха IV и Марии Медичи. Карл II в первом браке был женат на герцогине Марии-Луизе Орлеанской, принадлежавшей к младшей ветви Бурбонов. Наконец, мать самого Людовика XIV — Анна Австрийская, приходилась теткой Карлу II и родной сестрой Филиппу IV. По мнению Людовика XIV, все это делало бесспорными его притязания на испанский трон.

Менорку. Австрийские войска заняли Милан, вытеснили французов из Северной Италии и завоевали Неаполь. Эрцгерцог Карл, претендовавший на испанскую корону, при поддержке английского флота захватил Каталонию и Арагон, провозгласив себя королем под именем Карла III.

В самой Франции, где военные тяготы вызвали голод, в течение нескольких лет не утихали волнения, на подавление которых король был вынужден отвлекать с фронтов значительные силы. После серьезного поражения французов у Мальплаке (сентябрь 1709 года) Людовик XIV стал сомневаться в возможности одержать победу и начал задумываться о мире.

Франция была спасена неожиданными переменами в европейской политике. В Англии вигов, сторонников продолжения войны, сменили у власти тори. В начале 1711 года кабинет тори инициировал секретные англо-французские переговоры о заключении сепаратного мира. Это совпало с другим важным событием — в апреле 1711 года самопровозглашенный король Испании Карл III занял (под именем Карла VI) ставший вакантным римско-германский престол. Это неизбежно отвлекло его от испанских дел, что было на руку Людовику XIV и его ставленнику в Мадриде Филиппу V, которому удалось вытеснить австрийцев из Испании. Одновременно маршал Виллар в июле 1712 года нанес серьезное поражение австро-голландским войскам принца Евгения Савойского в битве при Денене, под Валансьеном.

Усталость от затянувшейся войны побудила большинство участников антифранцузской коалиции пойти навстречу примирительным настроениям Людовика XIV, которому и на этот раз удалось сохранить лицо.

В апреле 1712 года в Утрехте открылся мирный конгресс с участием представителей Франции, Англии, Голландии, Савойи, Испании и Португалии. Через год, 11 апреля 1713 года, был подписан Утрехтский мирный договор. Австрия и ряд ее германских союзников пытались продолжать войну, но вскоре и они вынуждены были начать переговоры, завершившиеся подписанием 6 марта 1714 года Раштадтского мирного договора с Францией.

По условиям этих двух договоров, завершивших войну за Испанское наследство, Людовик XIV добился официального признания своего внука королем Испании и всех испанских колоний в Новом Свете (в обмен на отказ Филиппа V и его наследников от прав на французскую корону). Взамен Людовик возвращал императору Карлу VI испанские владения в Нидерландах (Бельгию) и Италии (Милан, Неаполь, Сардинию и крепости в Тоскане). В результате Франция не потеряла ни пяди своей национальной территории, которая при Людовике XIV даже значительно расширилась, включив в себя Верхний и Нижний Эльзас, города Мец, Туль и Верден, провинции Руссильон, Артуа и Франш-Конте, Французскую Фландрию с Дюнкерком, Камбре и Саар. Более того, с тех пор и вплоть до революции 1789 года территория Франции ни разу не подвергалась иностранным вторжениям. Людовик XIV надолго, почти на сто лет, отбил у соседей желание попытаться счастья во Франции.

Таким образом, одна из внешнеполитических задач, стоявших перед Людовиком XIV, была решена. Но какой ценой?..

Непрерывные войны «короля-солнца» свергли Францию в состояние разрухи. Финансовые ресурсы были исчерпаны, налоговые сборы с обнищавшего населения уменьшились. По всей стране нарастал гул недовольства, затронувшего даже окружение короля. Отдельные сподвижники Людовика XIV, уличенные в оппозиционных настроениях, оказались в опале. Среди них — маршал Вобан, осмелившийся критиковать налоговую политику короля, маркиз де Ламотт-Фенелон, наставник герцога Бургундского, королевского внука, близкий к Великому Дофину герцог де Сен-Симон, Пьер де Буагильбер, известный экономист, выступивший с критикой финансовой политики правительства, и другие.

Вторая внешнеполитическая задача — установление французской гегемонии в Европе — оказалась невыполнимой. Агрессивная внешняя политика Людовика XIV привела к обратному результату — изоляции Франции и утрате ею прежнего международного влияния. На лидирующее положение среди европейских держав в начале XVIII века все более решительно стала претендовать Англия.

Ко времени окончания войны за Испанское наследство Людовику шел семьдесят шестой год. Для столь почтенного возраста он был вполне здоров. Король часто прибегал к считавшимся тогда целительными кровопусканиям. Зная за собой грех чревоугодия, он регулярно промывал желудок и ставил клизмы. За свою долгую жизнь, если не считать перенесенной в детстве ветряной оспы и полученной в юности гонореи, король ничем серьезным не болел. Лишь однажды в 1686 году он подвергся хирургической операции по удалению анальной фистулы.

Наверное, король мог прожить еще долго, если бы 9 августа 1715 года, возвращаясь из Марли, где он охотился, в Версаль, не упал с лошади и не повредил левую ногу. Поначалу король не счел травму серьезной, да и Фагон, первый лейб-медик, «изрядно уже сдавший и телом, и разумом», как свидетельствует Сен-Симон, успокаивал его, прописав принимать хину с водой и молоко ослицы. И лишь некоторое время спустя приглашенные Фагоном доктора с ужасом констатировали начавшуюся гангрену. Короля могла спасти только немедленная ампутация ноги, но Людовик XIV посчитал, что инвалидность несовместима с его королевским достоинством. Он осознанно выбрал смерть. Невыносимые страдания последних дней «король-солнце» переносил с редким мужеством, а стремительно надвигавшуюся смерть — с истинно христианским смирением.

Беспокоясь, что может впасть в беспамятство и не успеть исповедоваться, прикованный к постели Людовик XIV потребовал предсмертного причастия и соборования, что и было исполнено 25 августа.

В полдень 26 августа король приказал привести к нему пятилетнего правнука, наследника престола. Поцеловав оробевшего мальчика, он обратился к нему с короткой речью, совместившей в себе и горькую исповедь, и завещание: «Мой дорогой малыш, вы станете великим королем, но счастье ваше будет зависеть от того, как вы будете повиноваться воле Господа и как вы будете стараться облегчить участь ваших подданных. Для этого нужно, чтобы вы избегали как могли войну: войны — это разорение народов. Не следуйте

моим плохим примерам; я часто начинал войны слишком легкомысленно и продолжал их вести из тщеславия. Не подражайте мне и будьте миролюбивым королем, и пусть облегчение участи ваших подданных будет вашей главной заботой».

Вряд ли малолетний дофин мог тогда что-нибудь понять из услышанных слов, но эти слова впоследствии многократно будут ему повторяться его наставниками, членами Регентского совета.

У умиравшего короля нашлись слова и для тех, кто верой и правдой служил ему долгие годы. «Мне жаль расставаться с вами, — обратился он к собравшимся в спальне. — Служите моему наследнику с таким же рвением, с каким вы служили мне... Я ухожу, но государство будет жить всегда; будьте верны ему, и пусть ваш пример будет примером для всех остальных моих подданных. Будьте едины и живите в согласии, в этом залог единства и силы государства...»

Утром 1 сентября 1715 года, после продолжительной агонии, король скончался в окружении придворных, которых пригласили быть очевидцами этого исторического события. По засвидетельствовании докторами факта смерти на балкон королевской спальни, согласно древней традиции, вышел обер-камергер двора в шляпе с черными перьями. Обращаясь к собравшейся на площади толпе, он произнес громким голосом: «Господа, умер король Людовик XIV». Произнеся эту фразу, обер-камергер удалился, а затем вернулся на балкон уже в шляпе с белыми перьями. «Да здравствует король Людовик XV!» — еще громче воскликнул он.

Известие о смерти «короля-солнца» волной прокатилось по европейским столицам. Даже противники Людовика XIV за пределами Франции воздали должное его величию. Курфюрст Саксонии получил сообщение из Версаля, когда совещался с министрами. Прервав обсуждение, Фридрих-Август произнес: «Господа, умер король!» Хотя имя умершего короля не прозвучало, саксонские министры сразу же поняли, о ком идет речь. Подлинный король в тогдашней Европе был один, и звали его Людовик XIV Великий.

По-разному восприняли смерть своего короля его соотечественники. Пока одни искренне оплакивали уход, другие вополголоса распевали циничные куплеты:

Тот, кто народ свой обобрал,
Лежит спокойно в храме Божьем.
А если б он прожил подольше,
То сам бы зад нам показал.

Прощай, Людовик Богоданный,
Поет народ твой благодарный.

Лежит король, всех побеждавший,
За веру жизнь свою отдавший,
Взметнется к Господу душа,
Народ оставив без гроша.

Лежит король людей бесчестных,
Заимодавцев друг известный,
Презренной женщины вассал
И мирной жизни враг бездушный.
Молиться за него не нужно,
Таких мерзавцев свет не знал.

Его зловердные декреты
Народ оставили без хлеба,
Пусть отправляется на небо,
Но к дьяволу его советы!*

Личная драма последних лет царствования Людовика XIV состояла в том, что он пережил всех своих сыновей, внуков и большинство правнуков. К 1715 году единственным наследником престола по прямой линии оставался пятилетний герцог Анжуйский**, младший правнук «короля-солнца». Не будучи уверен в его будущем, желая упрочить трон, за год до смерти Людовик XIV узаконил двух своих сыновей от связи

* Перевод Надежды Александровой.

** До него этот титул был вакантным, так как бывший прежде герцогом Анжуйским внук Людовика XIV Филипп в ноябре 1701 года стал королем Испании.

с маркизой де Монтеспан — 44-летнего Луи-Огюста, графа Мэнского, и 36-летнего Луи-Александра, графа Тулузского. Вчерашние бастарды получили права наследования престола в случае пресечения прямой линии королевского дома. Они были также введены в Регентский совет, который возглавил герцог Филипп Орлеанский, племянник Людовика XIV.

Вольтер однажды заметил: «Надо признать, что у Людовика всегда была возвышенная душа, которая его подвигала на великие дела». Если с эпитетом «Великий» применительно к Людовику XIV согласны далеко не все историки, то семьдесят лет его царствования они единодушно называют веком Людовика XIV или даже Великим веком. «Королю-солнцу» не удалось утвердить политическую гегемонию Франции в Европе, но ему удалось большее — распространить на весь континент исключительное влияние французской культуры, переживавшей при нем невиданный подъем, который достигнет апогея в век Просвещения. На двести лет вперед французский язык, литература и искусство, французские нравы и моды станут образцом, которому будут подражать в Старом и Новом Свете.

Регент Филипп Орлеанский

По установившейся с середины XIV века традиции герцогство Орлеанское передавалось во владение младшим из королевских сыновей, получавшим и соответствующий титул. В XVI веке этот титул до вступления на престол последовательно носили Генрих II, Карл IX и Генрих III. В 1626 году король Людовик XIII подарил Орлеанское герцогство своему брату Гастону, который серьезно скомпрометировал себя участием в многочисленных заговорах и мятежах против старшего брата и его первого министра кардинала Ришелье. Когда в 1660 году Гастон умер, не оставив мужского потомства, Людовик XIV передал титул герцога Орлеанского своему младшему брату Филиппу, ставшему родоначальником младшей ветви династии Бурбонов — Орлеанского дома.

Одержимый непомерным честолюбием, Филипп Орлеанский, носивший титулы «Единственный брат короля» и «Месье», тщетно домогался испанской короны после смерти в 1700 году бездетного Карла II. Однако Людовик XIV этому решительно воспротивился и посадил на мадридский престол своего внука Филиппа Анжуйского.

9 июня 1701 года 58-летний Филипп Орлеанский скоропостижно скончался от апоплексического удара, которому предшествовала ссора с королем. После этого титул перешел к его сыну Филиппу II Орлеанскому, которому будет суждено семь с половиной лет управлять Францией.

Будущий регент Франции родился 2 августа 1674 года в королевском замке Сен-Клу, ставшем с 1658 года резиденцией его отца. При рождении племянник короля получил почетное именование «Внук Франции» и титул герцога Шартрского. Матерью малыша была 22-летняя Елизавета-Шарлотта Баварская, принцесса Пфальцская — вторая супруга Филиппа Орлеанского. Его первой женой была Генриетта Английская. Она родила мужу четверых детей, двое из которых, в том числе единственный сын, умерли в младенчестве.

Месье был известен своими гомосексуальными предпочтениями, но не забывал и о своем долге перед Орлеанским домом. Во втором браке у него родились трое детей. Старший сын умер в возрасте трех лет, и единственным наследником по мужской линии стал Филипп, герцог Шартрский. В 1676 году в семье Месье родилась дочь — Елизавета-Шарлотта Орлеанская, которая в 1698 году станет супругой Леопольда I, владетельного герцога Лотарингского и Барского.

Сочтя, что он сполна исполнил долг перед семьей, Месье целиком погрузился в страстный роман с шевалье де Лорреном, переложив на жену ответственность за воспитание наследника, который стал смыслом жизни для бедной Лизелотт, как называли в узком кругу герцогиню Орлеанскую. Она окружила сына трогательной заботой, посвящая ему все свое время.

В шесть лет Филипп перешел из рук окружавших его бонн и гувернанток в попечение гувернеров. За пять лет у него сменились три воспитателя с герцогскими титулами — де Навай, д'Эстрад и де Ла Вьевиль, которые, словно сговорившись, умирали один за другим. Непосредственно же воспитанием мальчика занимались два человека — почтенный ученый муж де Сен-Лоран и тридцатилетний сын аптекаря Гийом Дюбуа, сумевший получить хорошее образование.

В будущем он достигнет вершин власти — станет кардиналом и даже первым министром.

Характер юного герцога формировался под влиянием как врожденных особенностей, так и прочно усвоенных уроков наставников. С детства ему были свойственны храбрость, трудолюбие, доброжелательность, великодушие, терпимость и терпеливость. От природы он был наделен редкой памятью, которую в дальнейшем постоянно укреплял и расширял. Никто лучше него при версальском дворе не разбирался в сложных генеалогических переплетениях знатных фамилий, что вызывало уважение у самого «короля-солнца».

В вопросах веры Филипп придерживался широких взглядов и никогда не был замечен в ханжестве. По-видимому, здесь сыграли свою роль присущие ему рационализм и скептицизм, считавшиеся природными качествами истинных французов. Из изучаемых предметов герцог Шартрский отдавал предпочтение точным и естественным наукам — математике и химии, но одновременно он любил историю, особенно военную, а также философию, географию и рисование. Еще в юности герцог в совершенстве овладел мастерством художника-гравера. Позднее, уже став регентом, он самостоятельно подготовит иллюстрации к переизданию греческого романа античных времен «Дафнис и Хлоя». Кстати, моделью Хлои станет герцогиня Беррийская, его старшая дочь, позировавшая отцу-художнику полностью обнаженной.

Другим его увлечением была музыка. Он даже пытался ее сочинять: в соавторстве с композитором Шарлем-Юбером Жерве были написаны две оперы на античные сюжеты.

Удивительно, но при этом Филипп был совершенно равнодушен к танцам, которым обучался по принуждению, что отличало его от большинства сверстников из среды «золотой» версальской молодежи. Несмотря на все старания отца и дяди-короля, обожавших охоту, юный Филипп Шартрский по каким-то причинам не полюбил и это всегда считавшееся истинно королевским занятием.

В четырнадцать лет, видимо, по воле одного из родителей, Филипп получил практические уроки сексуального образования. Его наставницей в этом деликатном деле ста-

ла пятидесятилетняя (!) графиня из окружения герцогини Орлеанской.

К концу 1680-х годов пятнадцатилетний Филипп Шартрский считался шестым по очередности кандидатом на наследование французского престола. Запас прочности старшей линии Бурбонов казался более чем внушительным. Тем не менее Людовик XIV, не желая усиливать младшую Орлеанскую ветвь династии, озаботился устройством подходящего брака для своего племянника. Обстановка войны, в которой Франция в то время оказалась перед лицом чуть ли не всей Европы, затрудняла поиски достойной невесты среди царствующих европейских домов. Для «короля-солнца» данное обстоятельство послужило удобным предлогом, чтобы предложить в невесты герцогу Шартрскому свою дочь от внебрачной связи с замужней маркизой де Монтеспан. К тому времени он уже узаконил пятнадцатилетнюю мадемуазель де Блуа, которая стала именоваться Франсуаз-Мари де Бурбон.

Когда король посвятил в этот план герцога Орлеанского и его супругу, те испытали глубокий шок, сочтя подобный брак не только скандальным, но и унижительным для сына и всего Орлеанского дома. Но Людовик XIV был непреклонен в своем решении. Он пригласил к себе семнадцатилетнего племянника и сообщил опешившему «жениху», что в знак особого к нему расположения он отдает ему в жены свою дочь Франсуаз-Мари. Смущенный юноша невнятно пробормотал что-то вроде благодарности, и вопрос был решен. Когда Филипп явился к матери и сообщил о согласии, данном им королю, герцогиня Орлеанская отвесила любимому сыну пощечину. Так, во всяком случае, утверждал знаменитый мемуарист Луи де Сен-Симон, друг Филиппа.

Воля короля была исполнена 18 февраля 1692 года, когда состоялось бракосочетание молодых. Но, разумеется, заключенный таким образом брак имел мало шансов на счастливое будущее, хотя в нем и родились восемь детей — семь девочек и один мальчик, продолжатель Орлеанской ветви династии Бурбонов. Выполняя свой не столько супружеский, сколько династический долг, Филипп так и не проникся чувствами

к супруге, которую в кругу друзей называл не иначе, как «мадам Люцифер». Он открыто вел рассеянный, как тогда говорили, образ жизни и имел множество внебрачных детей, из которых троих признал официально.

Неожиданной женитьбе герцога Шартрского предшествовало начало его военной карьеры в рядах действующей во Фландрии королевской армии. Очень скоро Филипп проявил себя как храбрый, способный и энергичный офицер. Его доброжелательность снискала ему уважение товарищей и любовь солдат. Вырвавшись из душной придворной среды, юный герцог впервые окунулся в настоящую жизнь, свободную от дворцовых условностей и строгого этикета, где в откровенных разговорах можно было услышать резкие высказывания не только по адресу королевских министров, но и всемогущей фаворитки мадам де Ментенон.

Свое первое боевое крещение Филипп Орлеанский получил в августе 1692 года под Стейнкерком, где командовал отрядом. По окончании кровопролитной схватки он приказал солдатам подобрать всех раненых — своих и противника, оказать им первую медицинскую помощь и поместить в лазарет. Все сопутствующие расходы на лечение раненых герцог взял на себя, что было тогда не принято. Его поведение было отмечено маршалом Люксембургским. В письме королю он писал: «У его высочества герцога Шартрского доброе сердце». А мать Филиппа, герцогиня Орлеанская, с удовлетворением сообщала сыну из Парижа: «Здесь все — от короля до базарных торговков — говорят о Вас».

В кампании 1693 года герцог Шартрский подтвердил свою храбрость и качества умелого командира в сражениях под Монсом и Неервиндене, где французы разбили англо-голландскую армию Вильгельма Оранского. Тогда же он впервые позволил себе выступить с критикой общего плана военных действий, который показался ему недостаточно продуманным. Сформулированные им предложения были поддержаны королем и успешно реализованы в деле. Придворные льстецы наперебой хвалили молодого герцога Шартрского, и это вызывало зависть у других принцев крови, ничем себя не проявивших.

После заключения Рисвикского мирного договора 23-летний герцог Шартрский надеялся на получение какого-либо командного поста в армии или губернаторства в одной из провинций. Однако совершенно неожиданно он оказался не у дел. По каким-то причинам король охладил к племяннику. Возможно, ему донесли о недовольстве принца незаслуженным, на его взгляд, возвышением бастардов, сыновей маркизы де Монтеспан, — герцога Мэнского и графа Тулузского. Нельзя исключать и неосторожных критических высказываний Филиппа Шартрского в отношении политики «короля-солнца». Так или иначе, но на несколько лет он оказался в опале, что обострило отношения его отца, герцога Орлеанского, со старшим братом-королем.

Людовик XIV востребовал Филиппа лишь в 1701 году. Неожиданное снятие опалы было связано с двумя событиями — внезапной смертью герцога Орлеанского и началом войны за Испанское наследство, когда Франция оказалась перед лицом чуть ли не всей враждебной Европы.

После смерти отца Филипп Шартрский унаследовал его титул и стал именоваться герцогом Орлеанским. Король заверил его, что отныне будет относиться к нему как к сыну. Одновременно он предложил ему вернуться в армию, которой предстояли большие дела. Филипп II Орлеанский принял назначение и попросил короля разрешить ему взять с собой в качестве секретаря Гийома Дюбуа, своего бывшего наставника. Однако Людовик XIV неожиданно отказал в этой просьбе. Он не любил Дюбуа, считая этого парвеню чересчур амбициозным. К тому же король подозревал Дюбуа в политической нелояльности по отношению к себе и своей политике. Такой человек мог, по мнению короля, влиять на его племянника в неправильном направлении.

В армии герцог Орлеанский долгое время оставался в тени. Проявить себя он смог лишь в сентябре 1706 году, в сражении под Турином, где французы потерпели поражение от австрийцев во главе с принцем Евгением Савойским и вынуждены были в беспорядке отступить. И только Филиппу Орлеанскому удалось организованно вывести свою колонну, не потеряв ни знамен, ни вооружения.

В марте 1707 года король доверил герцогу Орлеанскому командование армией, действовавшей в Испании на стороне Филиппа V, своего внука. Герцогу удалось взять Сарагосу (Арагон) и Лериду (Каталония), а год спустя, после продолжительной осады, добиться капитуляции Тортосы. Эти победы стали единственными в то время успехами Франции в войне за Испанское наследство. На других фронтах — в Италии, Нидерландах и Рейнской области — французские войска терпели поражения. Вернувшийся во Францию Филипп Орлеанский был тепло принят королем.

Возвышение герцога вызвало всплеск зависти у его недоброжелателей в ближайшем окружении короля. Сначала поползли слухи о претензиях Филиппа на испанский престол, но Людовик XIV не поверил в их достоверность, тем более что герцог вернулся в Париж, а не остался в Испании, где имел в своем распоряжении боеспособную армию.

Когда в 1711 году без видимых причин в возрасте пятидесяти лет умер Великий Дофин, а год спустя и внук, герцог Бургундский, враги Филиппа Орлеанского стали намекать на то, будто эти две смерти не случайны — дескать, они могли быть делом рук герцога, имевшего у себя в Пале-Рояле личную химическую лабораторию. О давнем увлечении Филиппа химией и алхимией было широко известно при дворе.

На этот раз Людовик XIV был склонен поверить злословным слухам, но проведенное тайное расследование не установило причастности герцога к смерти сына и внука. Тем не менее «король-солнце», сознавая, что его жизнь не бесконечна, посчитал нужным гарантировать права малолетнего дофина герцога Анжуйского, своего правнука. К этому его подтолкнула неожиданная смерть герцога Беррийского, последнего из внуков, который неудачно упал с лошади и 4 мая 1714 года умер от полученных травм. Король поспешил учредить Регентский совет. Введенные в его состав узаконенные бастарды герцог Мэнский и граф Тулузский, получившие право на престол в случае пресечения прямой мужской линии Бурбонов, должны были уравновесить влияние герцога Орлеанского, назначенного в качестве старшего члена поредевшей королевской семьи главой Регентского совета.

В душе Людовик XIV предпочел бы видеть регентом своего внука, короля Испании Филиппа V, но условия Утрехтского и Раштадтского мирных договоров, положивших конец войне за Испанское наследство, исключали такую возможность. Никто в Европе не остался бы равнодушным к любой попытке в той или иной форме объединить короны Франции и Испании, и «король-солнце» не стал рисковать.

Дальнейший ход событий показал, что Людовик XIV не напрасно спешил с устройством столь важного для династии и Франции дела. 9 августа 1715 года в результате падения с лошади король получил травму левой ноги, следствием чего стало стремительное развитие гангрены. Понимая свою обреченность, он торопился сделать последние распоряжения. В эти дни угасавший «король-солнце» несколько раз вызывал к себе герцога Орлеанского. Их последняя встреча произошла 25 августа, в день св. Людовика, небесного покровителя короля.

«Вы не найдете в моем завещании ничего, что могло бы вызвать ваше неудовольствие, — сказал умиравший Людовик. — Поручаю вам дофина, служите ему так же верно, как вы служили мне. Помогите ему сохранить королевство...

Я знаю ваше доброе сердце, вашу мудрость, ваше мужество и широту вашего ума. Я нисколько не сомневаюсь в вашей способности дать дофину должное воспитание и образование, как и в том, что вы сделаете все для облегчения участи народов моего королевства... Очень скоро вы увидите одного короля в могиле, а другого — в детской кроватке. Не забывайте о первом и охраняйте интересы второго», — завершил свое напутствие Людовик XIV. «Сир, — ответил взволнованный Филипп, — умоляю Ваше Величество верить, что я предельно скрупулезно исполню все, что вы мне поручили».

Затем он покинул королевскую спальню, за дверями которой встретил двух внебрачных сыновей короля — герцога Мэнского и графа Тулузского, нетерпеливо дожидавшихся аудиенции. Наверное, при виде этих бастардов в душе Филиппа Орлеанского шевельнулось сомнение относительно полученных им от короля заверений. И в самом деле, Людо-

вик XIV, испытывавший перед смертью мучительные колебания, в последний момент разделил права регентства между племянником и сыном, герцогом Мэнским.

Утром 1 сентября 1715 года «король-солнце» умер, не дожив четырех дней до семидесяти семи лет, и 41-летний герцог Орлеанский почувствовал, что настает его звездный час.

Ранним утром следующего дня было созвано заседание Парижского парламента с участием магистратов, государственных советников, принцев крови, герцогов и пэров. Подавляющее большинство собравшихся не могли знать содержания завещания покойного короля и потому дружно приветствовали герцога Мэнского, полагая, что именно он станет фактическим правителем страны до совершеннолетия Людовика XV. Правда, каким-то путем все же просочились слухи, будто покойный король разделил регентство между своим побочным сыном герцогом Мэнским и Филиппом Орлеанским, причем собственно регентом был назначен первый, а второй получил лишь неопределенную должность «председателя Регентского совета». Подобная двусмысленность, действительно зафиксированная в завещании короля, была с успехом использована герцогом Орлеанским в свою пользу.

Он явился во Дворец юстиции последним, что само по себе было символично, и немедленно взял инициативу в свои руки, поставив на место пытавшегося ему возражать герцога Мэнского. «Вы, месье, получите слово, когда настанет ваш черед», — бросил ему в лицо Филипп Орлеанский.

После оглашения королевского завещания Филипп выступил с речью, в которой прозрачно намекнул участникам заседания на предстоящее возвращение парламентам прежних полномочий, урезанных Людовиком XIV, а также высказался за приобщение к принятию важных решений униженной покойным королем в правах аристократии. Эти заявления сразу же расположили участников заседания в пользу председателя Регентского совета, и завещание короля было интерпретировано в нужном для Филиппа смысле.

Раздосадованный герцог Мэнский, в одночасье оказавшийся «блестящим вторым», сгоряча заявил, что просит

освободить его от командования королевской гвардией, во главе которой перед своей смертью его поставил Людовик XIV. «Очень даже охотно, месье», — удовлетворенно ответил Филипп Орлеанский и объявил, что сводный брат малолетнего короля сосредоточится теперь исключительно на воспитании и образовании Людовика XV. Спустя три года герцог Мэнский устроит антиправительственный заговор, будет арестован и заключен в тюрьму, где просидит до 1720 года, после чего полностью уйдет в частную жизнь.

2 сентября 1715 года регент вышел из Дворца юстиции уже подлинным хозяином Франции, каким ему предстояло быть на протяжении семи с половиной лет.

Туманные обещания Филиппа Орлеанского, данные им 2 сентября 1715 года парламентам и аристократии, очень скоро приобретут вполне конкретные очертания и начнут воплощаться в жизнь в политике так называемой «полисинодии». Этот «новый курс», официально провозглашенный 15 сентября, был подсказан регенту двумя его советниками — герцогом Луи де Сен-Симоном и аббатом де Сен-Пьером, публицистом, автором знаменитого «Проекта вечного мира».

Суть полисинодии сводилась к глубокой реформе государственного управления, то есть фактическому демонтажу «вертикали власти», которую создал Людовик XIV, и определенной децентрализации управления страной. Полисинодия предполагала участие нотаблей, дворянства и третьего сословия в государственном управлении. Так, например, вопрос объявления войны или заключения мира обсуждался сначала в Военном совете, состоявшем из представителей дворянской верхушки, а потом передавался на утверждение в Регентский совет. Наряду с военным были учреждены еще шесть специализированных советов — морской, иностранных, внутренних, духовных дел, финансовый и торговый. Таким образом, должности государственных секретарей, принимавших единоличные решения, были упразднены и заменены коллегиальными органами, где происходил свободный обмен мнениями и выработка согласованных рекомендаций для Регентского совета.

Париж немедленно отреагировал на нововведение остроумной песенкой, в которой были такие слова:

Француз, не бойся катаклизмов,
Наш мудрый Регент все предвидел,
Назначив семьдесят министров.*

Но задуманная реформа натолкнулась на препятствия, которых не предвидели ни регент, ни его советники. Обнаружилось, что процесс принятия решений с появлением советов недопустимо замедлился. Советы быстро превратились в дискуссионные клубы, где срочные вопросы обсуждались неделями. Неудовлетворенность системой полисинодии неизбежно привела Филиппа Орлеанского к необходимости ее отмены, что и случилось 24 сентября 1718 года, и возвращению к прежней системе персональной ответственности государственных секретарей с узким кругом их советников.

В то же время парламенты, и прежде всего Парижский, вернули себе обещанные регентом права, и главное из них — право утверждения или отклонения королевских эдиктов, если они, на взгляд парламента, противоречили «интересам народа и фундаментальным законам королевства». Одним только этим решением Филипп Орлеанский обрел в лице парламентов союзников. Он, конечно, не мог тогда предвидеть, что Парижский парламент с успехом будет использовать полученные права в противостоянии королевской власти и это приведет к событиям 1789 года.

Значительные перемены в период регентства произошли в области религиозной политики, которая при Людовике XIV отличалась крайней нетерпимостью и преследованием всех не католиков. Филипп Орлеанский, всегда достаточно равнодушный к религии, придя к власти, покончил с влиянием при дворе партии «святош», избавился от иезуитов и выказал демонстративное расположение к янсенистам, которых при Людовике XIV считали еретиками и опасными политическими оппозиционерами.

* Перевод Надежды Александровой.

«Король-солнце» оставил своему преемнику совершенно разрушенную в бесконечных войнах экономику и расстроенные финансы. Филипп Орлеанский искал и нашел, как ему показалось, эффективное средство быстро и безболезненно оздоровить финансовую систему Франции, избавить ее от громадного государственного долга и острого платежного дефицита. При посредничестве кого-то из советников регента на исходе 1715 года в его окружении появился шотландец Джон Лоу, обещавший не только восстановить, но и значительно пополнить французскую казну. В следующем году он создал банк, капитал которого составилась от продажи акций. Выпускаемые банком Лоу кредитные билеты обращались по твердому курсу и принимались в уплату налогов. В 1718 году банк получил статус королевского, после чего государственные долги стали оплачиваться банковскими билетами, то есть ассигнациями.

Лоу до такой степени вошел во вкус, что начал финансировать колониальную экспансию. Основанная при его участии «Западная компания» приступила к освоению Луизианы, где в 1718 году французские переселенцы заложили город Новый Орлеан, ставший ее столицей. Имя, которое получил город, было выбрано, конечно же, в расчете сделать приятное герцогу Орлеанскому.

Лоу постоянно наращивал выпуск бумажных денег.

Поначалу курс выпускаемых им акций непрерывно возрастал, что породило бешеную биржевую спекуляцию. Но в 1720 году вся эта бумажно-денежная вакханалия закончилась закономерным крахом, почувствовав приближение которого авантюрист успел сбежать за границу. Впрочем, правительство не только ничего не потеряло, но даже оказалось в выигрыше, расплатившись с кредиторами пустыми бумажками. Государственный долг был погашен. Другим результатом финансовой аферы Лоу стало массовое разорение держателей его «ценных бумаг», что подняло волну возмущения против регента, покровительствовавшего проходимцу.

Когда вслед за финансовым крахом началась эпидемия чумы в Провансе, особенно поразившая Марсель, ее сочли

Божьей карой за бесчисленные грехи регента и окружавшей его камарильи. А в Париже народ распевал песенку, где были такие слова:

Пускай чума Прованс сгубила,
Не это главная печаль,
Для всех куда бы лучше было,
Случись она в Пале-Рояль.*

Внешняя политика Филиппа Орлеанского, как и внутренняя, характеризовалась пересмотром наследия, оставленного Людовиком XIV, который фактически изолировал Францию, перессорив ее с большинством европейских стран. Сознвая слабость страны, обескровленной войнами предыдущего правления, регент старался избежать ее вовлечения в какие-либо конфликты и прилагал усилия по укреплению относительного равновесия в Европе, достигнутого с подписанием Утрехтского и Раштадтского договоров. Он правильно оценил возросшую роль Англии, становившейся арбитром в разрешении европейских споров, и, отбросив англофобские предубеждения «короля-солнце», взял курс на сближение с ней, чему способствовала и перемены на английском престоле, где в 1714 году утвердилась Ганноверская династия в лице Георга I.

К сближению с Англией регента подталкивали и не прекращавшиеся интриги Филиппа V Испанского и герцога Мэнского; оба не скрывали собственных притязаний на французский престол в случае смерти болезненного Людовика XV.

На этот счет у Филиппа Орлеанского были собственные планы: он намеревался посадить на трон Капетингов своего сына герцога Шартрского. Регент с появлением наследника прилагал немалые старания к его обучению, приглашая лучших учителей и воспитателей. Увы, многолетние усилия не увенчались успехом. Герцог Шартрский упорно не желал

* Перевод Надежды Александровой.

учиться; он до конца дней оставался человеком ограниченным и даже глупым, что вынужден был сокрушенно признать и сам Филипп Орлеанский*. Это, правда, не меняло его планов на случай смерти Людовика XV.

Намерения регента не составляли большой тайны для британской дипломатии. Более того, они полностью совпадали с интересами сент-джеймского двора, опасавшегося в случае объединения французской и испанской корон возрождения недавних амбиций Франции. Кроме того, Георг I с тревогой следил за активизацией Стюартов, своих противников, пытавшихся вновь овладеть тронном. В этом вопросе ему важно было заручиться хотя бы нейтральной позицией Франции, а в идеале — ее поддержкой. По всем этим причинам в Лондоне сразу же пошли навстречу пожеланию Филиппа Орлеанского улучшить франко-английские отношения.

Важную роль в примирении двух давних противников сыграл Гийом Дюбуа, доверенное лицо регента, опытный переговорщик в делах тайной дипломатии. Итогом его конфиденциальных переговоров стало подписание 10 октября 1716 года в Ганновере союзного договора между Францией и Англией. Спустя два с половиной месяца, 4 января 1717 года, к союзному договору присоединилась Голландия, другой бывший противник Франции.

2 августа 1718 года сформировался еще один блок, включивший в себя Великобританию, Францию, Австрию и Савойское герцогство. Этот четырехсторонний союз дополнил ранее заключенный трехсторонний. Оба союза были направлены против Испании, попытавшейся после внезапной оккупации Сардинии (лето 1717 года) распространить свое

* Надежды регента воплотятся не в сыне, а во внуке, правнучке и праправнучке — правда, по-разному. Внук станет одной из заметных политических фигур на закате Старого режима. Правнук выдвинется в первый ряд лидеров революции 1789 года, он возьмет себе имя Филипп-Эгалите (*égalité* — фр. равенство) и погибнет на гильотине в 1793 году. Праправнук наконец воплотит давнюю мечту Орлеанов — он взойдет в 1830 году на престол как «король французов» Луи-Филипп I. Что объединяло всех этих разных людей, так это приверженность либеральным идеям, ставшая наследственной чертой Орлеанов.

господство на все Западное Средиземноморье. Этим планам не суждено было сбыться. 11 августа 1718 года британская эскадра внезапно атаковала испанский флот и разбила его.

В это время в Париже был раскрыт инспирированный Испанией заговор герцога и герцогини Мэнских с целью свержения Филиппа Орлеанского. Супруги Мэнские были арестованы и заключены в тюрьму, а вдохновитель заговора, испанский посол в Париже принц Селламар, вынужден был покинуть Францию как персона нон грата.

В 1719 году французская армия вторглась в пределы Испании и одержала ряд побед, вынудив Филиппа V окончательно отказаться от притязаний на трон своих предков и искать пути примирения с регентом и его европейскими союзниками. Одновременно французская военная интервенция показала Европе, что родственные отношения между Бурбонами в Париже и Мадриде не могут служить гарантией их тесного взаимодействия в международных делах.

В начале 1720 года Филипп V выказал намерение мирно разрешить возникшие между двумя соседями противоречия. 20 мая 1720 года он присоединился к четырехстороннему союзу, а год спустя заключил трехсторонний союзный договор с Францией и Англией.

Желая упрочить примирение с Мадридом, герцог Орлеанский предложил Филиппу V династический союз через систему браков: Людовик XV женится на испанской инфанте, когда она подрастет, принц Астурийский возьмет в жены дочь регента Луиз-Элизабет Орлеанскую, а дон Карлос, другой сын Филиппа V, станет мужем предпоследней дочери регента Филиппин-Элизабет Орлеанской. Из всего этого сложного проекта, выдававшего устремления регента Франции пустить династические корни за пределами Франции, реализован будет только один. В 1722 году двенадцатилетняя Луиз-Элизабет Орлеанская (мадемуазель де Монпансье) выйдет замуж за четырнадцатилетнего принца Астурийского, а два года спустя станет, правда, ненадолго, королевой Испании. Заключение этого брака одновременно с подписанием 22 ноября 1722 года франко-испанского союзного договора подтвердило действенность «Фамильного пакта» («Pacte de

famille») между двумя ветвями Бурбонов, возникшего еще при Людовике XIV.

Важные изменения происходили и на восточном направлении внешней политики регента, пришедшего к власти в разгар Северной войны. Людовик XIV последовательно поддерживал давних союзников Франции — Швецию, Польшу и Турцию. Здесь французские интересы всегда входили в конфликт с интересами России, добивавшейся выхода к Балтийскому и Черному морям. Напряженность в отношениях России и Франции усилилась при Петре I, который сумел ослабить Польшу и распространить на нее свое влияние за счет ослабления там французских позиций.

Неприятнь Людовика XIV к молодому и амбициозному русскому царю выразилась даже в том, что он, едва ли не единственный из европейских правителей, отказал Петру во въезде во Францию в ходе его ознакомительной поездки по Европе в 1697—1698 годах. «Король-солнце» не согласился с доводами маркиза де Торси, руководителя своей дипломатии, в пользу сближения с Россией после победы, одержанной Петром под Полтавой, и продолжал поддерживать бежавшего в Турцию Карла XII. Незадолго до своей смерти Людовик XIV возобновил союзный договор с Швецией (апрель 1715 года).

Филипп Орлеанский, не разделявший многих взглядов «короля-солнце» на внешнюю политику Франции, почти сразу взял курс на сближение с Россией и оказывал активное содействие в прекращении Северной войны. Одновременно с октября 1716 года при посредничестве Пруссии велись секретные переговоры о возможном франко-русском союзе. Филипп Орлеанский надеялся тем самым предотвратить опасное для Франции сближение России с Австрией, а Петр добивался признания русских завоеваний в Прибалтике и прекращения французских субсидий Швеции.

Когда стало известно о намерении царя совершить новую поездку по Европе, регент немедленно согласился принять его у себя во Франции. В начале мая 1717 года Петр прибыл в Париж, где его ожидал пышный прием. Почти два месяца, проведенные царем во Франции, привели к устранению

прежних взаимных предубеждений и к полной нормализации отношений, что дало основание Петру поставить вопрос о закреплении намечавшегося политического союза между двумя странами союзом династическим. Царь дал понять, что его устроили бы два варианта такого династического союза. Первый вариант предусматривал свадьбу его младшей дочери Елизаветы с Людовиком XV. Второй предполагал, что Елизавета станет супругой герцога Шартрского, единственного сына регента.

Однако в Париже не обнаружили готовности обсуждать эту тему. Герцога и его окружение смущало сомнительное происхождение Елизаветы Петровны по материнской линии. Во всех отношениях, как для Бурбонов, как и для Орлеанов, это был бы очевидный мезальянс.

Что же касается политических переговоров, то они шли успешно, хотя регент, по наущению Дюбуа и вопреки настоятельному совету герцога Сен-Симона, уклонился от заключения четырехстороннего союзного договора Франции, России, Пруссии и Польши, опасаясь негативной реакции со стороны Англии и Голландии. Зато он легко соглашался на двустороннее торговое соглашение.

Компромисс был найден в рамках подписанного 15 августа 1717 года в Амстердаме франко-пруско-русского договора, содержавшего ряд взаимных обязательств, включая обещание Франции содействовать в примирении России и Пруссии, с одной стороны, и Швеции — с другой. Это обещание было выполнено: в августе 1721 года с заключением Ништадтского мира завершилась Северная война.

Горячим сторонником более тесного сближения с Россией наряду с Сен-Симоном, искренне симпатизировавшим царю Петру, был Жан де Кампредон, назначенный осенью 1721 года посланником в Санкт-Петербург. Французский дипломат стал самым почетным гостем на торжествах, устроенных по случаю заключенного мира со Швецией.

Тем не менее ожидаемого после Амстердама и Ништадта дальнейшего сближения Франции и России так и не произошло, чему активно противодействовал все тот же Дюбуа, имевший большое влияние на регента и считавший

куда более полезным для Франции тесное взаимодействие с Англией.

В целом же внешняя политика Филиппа Орлеанского способствовала умиротворению Европы после потрясений эпохи Людовика XIV.

Личность регента, особенности его характера, его привычки и пристрастия, достоинства и пороки наложили глубокий отпечаток на жизнь французского двора, во многом подготовив нравственную (точнее — безнравственную) атмосферу царствования Людовика XV.

Окружение регента представляло собой весьма пеструю картину. Великосветские дамы и блестящие кавалеры, женщины сомнительного происхождения и поведения, которых впоследствии с легкой руки Александра Дюма-сына станут называть «камелиями», литераторы и музыканты — в подавляющем большинстве вольнодумцы и безбожники. А пример всем им подавал сам Филипп Орлеанский, отличавшийся не только широкими взглядами, но и распушенностью.

30 декабря 1715 года он принял труднообъяснимое и поразившее всех решение о возвращении двора из Версаля в Париж. Это было воспринято как символический разрыв с предыдущим правлением. После поспешного отъезда двора Версаль на несколько лет опустел.

Столь же неожиданно в июне 1722 года, незадолго до своей смерти, регент вернет двор из столицы в резиденцию «короля-солнце». Многие усмотрят в этом символическое возвращение Филиппа Орлеанского к системе Людовика XIV, косвенное признание ошибочности некоторых своих неудачных начинаний.

Но тогда, в канун 1716 года, герцог Орлеанский поселил малолетнего Людовика XV во дворце Тюильри, а сам обосновался по соседству — в Пале-Рояле. Очень скоро Париж узнал о происходивших в резиденции Орлеанов шумных оргиях с участием регента, о его многочисленных любовницах, среди которых молва называла даже старшую из шести его дочерей, известную своим распутством Мари-Луиз-Элизабет, вдову герцога Беррийского.

Мадам Беррийской досталось больше чем кому-либо злых эпиграмм и памфлетов, распространявшихся по Парижу. Вот один из примеров этого устного народного творчества:

У Мессалины де Берри
Горящий взор и самомненье,
Она сгорает в нетерпенье
Быть самой первой, хоть умри,
Во весь опор готова мчаться,
Чтоб первой шлюхой оказаться.*

Когда стало известно о беременности давно вдовствующей герцогини Беррийской, Париж тут же облетела другая анонимная эпиграмма:

Наш регент с дочерью прекрасной
В грехе погрязли, это ясно,
Загадка видится в другом:
Она и мама, и сестренка,
А он стал делом и отцом
Того же самого ребенка.*

Французский двор никогда не был образцом добродетелей. Более чем свободные нравы существовали и при дворе «короля-солнце», но никогда прежде порок не был столь демонстративным, как в семь лет регентства Филиппа Орлеанского. О том, что происходило в Версале при Людовике XIV, знал ограниченный круг придворной знати, а шумная, беспорядочная жизнь Пале-Рояля происходила на глазах всего Парижа, можно сказать, напоказ. Лишь однажды парижанам довелось увидеть регента причащавшимся на Пасху в храме св. Евстафия, правда, этому акту предшествовали пьяные застолья в течение всей Страстной недели. По свидетельству Сен-Симона, не одобрявшего образ жизни регента, это было последнее в жизни причастие Филиппа Орлеанского, которому и умереть суждено будет без покаяния.

Он же, Сен-Симон, знаменитый мемуарист эпохи Людовика XIV и регентства, оставил подробное описание рас-

* Перевод Надежды Александровой.

порядка дня, образа жизни и правления, которых Филипп Орлеанский придерживался до конца дней:

«Поначалу он поднимался рано утром, но мало-помалу перестал принуждать себя, а после стал вставать, когда хотел и даже поздно, смотря по тому, когда лег, — свидетельствует Сен-Симон. — Заниматься делами он начинал в одиночестве, еще не одевшись, прежде чем впускали придворных к его одеванию... Затем лица, имевшие непосредственное касательство к делам, поочередно работали с ним до двух часов пополудни...

В два либо в половине третьего он в присутствии придворных пил шоколад и беседовал с обществом. Продолжительность беседы зависела от того, насколько ему нравилось общество; обыкновенно она затягивалась не более чем на полчаса. Затем герцог давал аудиенцию дамам и мужчинам, шел к герцогине Орлеанской, затем занимался с кем-нибудь делами или отправлялся на регентский совет; порой он делал визит королю... обсуждал с ним дела и уходил с поклонами и самым почтительным видом, что доставляло королю удовольствие и служило всем примером...

Ужинал он обычно в весьма пестрой компании. Ее составляли его любовницы, иной раз какая-нибудь актриса из оперы, герцогиня Беррийская и с десятков мужчин, которые постоянно сменялись и которых он без обиняков именовал не иначе как греховодниками... несколько молодых людей, какая-нибудь дама сомнительной добродетели, но из общества, и всякие люди без роду, без племени, замечательные своим умом либо распутством. Изысканные кушанья готовились в специальных помещениях, устроенных на том же этаже, вся сервировка была только из серебра...

На пиршествах этих все — министры, приближенные, как, впрочем, и остальные гости, — вели себя с полной свободой, смахивающей на разнузданность. Без всяких обиняков говорили про любовные приключения, случавшиеся при дворе или в городе в давние времена и теперь, рассказывали старинные истории, спорили, зубоскалили, насмешничали, короче, не щадили никого и ничего. Герцог Орлеанский, как и прочие, присутствовал при этом, но, сказать по правде,

разговоры эти редко производили на него впечатление. При этом пили и, распалившись от вина, орали непристойности и богохульства, стараясь превзойти друг друга; наоравшись и напившись допьяна, расходились спать, а назавтра все начиналось сначала...

Регент бездну времени терял со своим семейством, на развлечения и на оргии. Не меньше транжирил он времени и на совершенно пустячные, слишком долгие и многолюдные аудиенции, копаясь на них в тех же мелочах, за которые прежде мы вместе так часто критиковали покойного короля... Между тем он откладывал и затягивал тысячи дел частных лиц и множество — связанных с управлением государством, одни — по причине слабоволия, другие — из постыдного желания внести раздор, следуя исполненной отравы максиме «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»), которая, как иногда у него вырывалось, была его излюбленным правилом, а большинство — из-за обычного недоверия ко всем и ко всему...

Вольность его обращения и простота доступа к нему всем были весьма по нраву, зато и злоупотребляли этим безмерно....

Крайне поразительно, что ни его любовницам, ни герцогине Беррийской, ни его греховодникам не удавалось вытянуть из него, даже когда он бывал пьян, ни слова касательно самых маловажных дел, не то что государственных. Он совершенно открыто сожительствовал с г-жой де Парабери и одновременно с другими женщинами, потешаясь над их ревностью и терзаниями, и тем не менее был хорош со всеми; ни для кого не было тайной существование этого сераля, которое и не скрывалось, как непристойности и богохульства на его ежевечерних пиршествах, и это вызывало крайнее возмущение...

Беда заключалась в том, что его благие намерения редко осуществлялись из-за множества негодяев, что вились вокруг него и препятствовали исполнению подобных намерений либо из корысти, либо желая угодить ему, либо от нежелания выпустить его, а то и по куда более гнусным соображениям».

Столь невоздержанный, сопровождавшийся всевозможными излишествами образ жизни не мог не подорвать здоровье тучного гипертоника, каким на пятом десятке сделался Филипп Орлеанский.

Предупредительный звонок, к которому герцог отнесся со свойственным ему легкомыслием, прозвучал еще в начале регентства. Тогда его настиг первый апоплексический удар, от которого Филипп Орлеанский довольно быстро восстановился.

9 сентября 1718 года последовал второй звонок — настолько серьезный, что на несколько дней уложил регента в постель. Немедленно поползли слухи о его возможной смерти. Уже почти открыто называлось имя нового правителя — принца Луи Анри де Бурбон-Конде, представителя младшей ветви королевской семьи.

Однако Филипп Орлеанский сумел оправиться и от повторного удара. 24 сентября, едва встав на ноги, он распорядился ликвидировать полисинодию и восстановить прежнюю систему государственного управления. Тогда же Гийом Дюбуа был назначен министром иностранных дел.

Два года спустя, едва успев получить сан аббата, совсем не зная церковной службы и ни разу не служа мессы, Дюбуа станет архиепископом Камбре, затем кардиналом и первым министром. Видимо, желая наверстать все, чего ему, выросшему в бедности и трудах, так не хватало всю жизнь, Дюбуа на седьмом десятке лет стал жадно предаваться обогащению и безудержному распутству. Вскоре воследовала расплата за грехи — сифилис, осложнения от которого и свели его в могилу. Министр-кардинал умер 10 августа 1723 года от разрыва мочевого пузыря в возрасте шестидесяти шести лет. Регент отозвался на его смерть горьким признанием: «Я не вижу никого, кроме меня самого, кто мог бы его заменить».

Сам герцог переживает бывшего наставника и политического советника на неполные четыре месяца. 2 декабря 1723 года, во время беседы с герцогиней де Фалари, своей последней фавориткой, Филипп Орлеанский внезапно повалился прямо на нее, сраженный третьим апоплексическим

ударом. Он умер через несколько минут, не приходя в сознание. Ему было всего сорок девять лет.

С его смертью завершилось недолгое время регентства*. Занималась заря «галантного века», который назовут еще «эпохой рококо» и веком Просвещения, связав эту эпоху с именем Людовика XV. В 1723 году король уже достиг возраста совершеннолетия, правда, еще долгие двадцать лет ему придется пребывать под гнетущей опекой своих властолюбивых министров.

* Формально регентство Филиппа Орлеанского завершилось 15 февраля 1723 года, когда Людовик XV достиг тринадцати лет, но фактически регент продолжал управлять страной вплоть до своей смерти.

При рождении герцог Анжуйский имел мало шансов стать королем Франции и Наварры Людовиком XV. Тогда он был лишь четвертым по праву наследования престола Людовика XIV. Первым считался сын «короля-солнца» Великий Дофин. Вторым был старший внук Людовика Великого герцог Бургундский, именовавшийся Малым Дофином. Далее шли два старших правнука — герцог Бретанский и герцог Анжуйский. Список замыкал герцог Беррийский, младший внук короля. Казалось бы, династия Бурбонов имела надежный запас прочности.

Но... в последние годы жизни Людовика XIV его семья была вовлечена в цепь трагических событий. Начиная с 1711 года один за другим ушли из жизни все прямые наследники — сначала сын, потом оба внука и старший правнук. Все, кроме герцога Беррийского, погибшего в 1714 году в результате падения с лошади, стали жертвами острых инфекционных заболеваний (от детских краснухи и кори до оспы), против которых тогдашняя медицина была бессильна.

Пятилетний герцог Анжуйский тоже не подавал надежд на долгую жизнь — с момента рождения его преследовали болезни. Никто тогда и предположить не мог, что он доживет до 64 лет и процарствует без малого 59 лет.

Будущий король Франции родился 15 февраля 1710 года в Версальском дворце. Он был третьим сыном в семье внука Людовика XIV герцога Бургундского (Малого Дофина) и его супруги, урожденной Марии-Аделаиды Савойской. Их старший сын умер в младенчестве, средний постоянно болел. Да и новорожденный явился на свет настолько нежизнеспособным, что мать, еще не оправившись от родов, распорядилась немедленно крестить его, опасаясь, что малыш умрет не как христианин. Воля герцогини была исполнена прямо в комнате, где прошли роды.

Упрощенное таинство крещения проводилось церковью в исключительных случаях, когда не было уверенности, что новорожденный выживет. Кюре Клод Юшон, настоятель церкви Версальской Божьей Матери, взял малыша на руки, а великий капеллан Франции, кардинал Туссен де Форбен-Жансон окропил его голову святой водой со словами: «Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Теперь герцогиня Бургундская могла быть спокойна по крайней мере за душу новорожденного сына. Как и подобает правнуку великого короля, мальчик получил при крещении его имя — Луи, к которому затем добавится титул герцога Анжуйского, доставшийся ему от дяди, ставшего в 1700 году королем Испании Филиппом V. Повторное — официальное — крещение герцога Анжуйского будет проведено два года спустя, 8 марта 1712 года в Версале в присутствии двора.

Уход за маленьким принцем и его первоначальное воспитание были доверены 56-летней герцогине де Вантадур и ее помощнице, мадам де Ла Ланд, 38-летней вдове, отличавшейся строгой нравственностью. Главной их заботой стало поддержание хлипкого здоровья малыша. Герцогиня де Вантадур не доверяла докторам, считая их всех шарлатанами, и не подпускала близко к своему воспитаннику. Они с мадам де Ла Ланд обходились собственными лекарственными

средствами. Кто знает, быть может, поэтому Людовик XV и выжил — единственный из своих братьев и других близких родственников, умиравших один за другим под бдительным надзором лейб-медиков.

В два года он остался круглым сиротой, потеряв сразу отца, мать и старшего брата, ставших жертвами кори. Тогда же его объявили дофином. Самыми близкими для мальчика людьми стали обе гувернантки. Особенно он тяготел к старшей, называя ее «*maman Ventadour*» и даже просто — «*maman*».

1 сентября 1715 года, в день смерти своего прадеда, пятилетний герцог Анжуйский становится королем Франции и Наварры Людовиком XV. Тем не менее в течение двух последующих лет мальчик-король по-прежнему оставался под заботливым попечением гувернанток, окруженных командой нянь и бонн, обожавших и баловавших своего воспитанника. Единственное исключение здесь составлял аббат Перо, которого незадолго до своей смерти Людовик XIV назначил воспитателем малолетнего дофина. Аббат давал первоначальное религиозное воспитание будущему христианнейшему королю, учил его читать и писать. Однако вплоть до семи лет мальчик рос в исключительно женском окружении, что, по-видимому, наложило глубокий отпечаток на формирование его личности.

Первое приобщение будущего короля к предстоявшим ему обязанностям произошло еще при жизни прадеда. 19 февраля 1715 года он участвовал в торжественном приеме персидского посла, находясь по правую руку от Людовика XIV. 3 и 4 сентября того же года пятилетнему королю пришлось впервые стать главным участником мессы, предшествовавшей захоронению останков Людовика XIV. В последующие дни ему довелось участвовать в череде приемов и заседаний, в частности, в Сорбонне и Французской академии.

После завершения мероприятий, связанных с прощанием с Людовиком XIV, и тех, что сопровождали его собственное вступление на престол, пятилетний король вновь оказался в распоряжении Вантадур и Ла Ланд, продолживших свою воспитательную миссию. А государственные дела стал безраздельно вершить регент Филипп Орлеанский.

15 февраля 1717 года у семилетнего Людовика XV появились два новых воспитателя. Регент решил, что настало время передать важное дело воспитания короля в мужские руки. На эту роль были определены 72-летний герцог де Виллерау, маршал Франции, друг детства «короля-солнца», и 63-летний Андре Эркюль де Флери, епископ Фрежюса*.

Первый задержится при юном короле всего на пять лет, пока не будет удален регентом, заподозрившим старого маршала в нелояльности. Зато второй, пережив и регента, и его преемника, будет пользоваться безграничным влиянием на Людовика XV, безропотно подчинившегося его воле.

Старый маршал де Виллерау как старший наставник не обременял воспитанника излишними знаниями; в большей степени он был погружен в собственные дела. А вот епископ старался за двоих. Он подобрал королю хороших учителей, обучавших мальчика латыни, математике, географии с основами астрономии, истории, картографии и рисованию. В девять лет с ним стали проводить музыкальные уроки, которые, впрочем, оставляли его равнодушным. Более всего Луи увлекла охота, к которой он пристрастился очень рано. Столь же рано в нем обнаружилось равнодушие к религии. Флери так настойчиво и, видимо, неумело внедрял в сознание своего воспитанника религиозные каноны и прин-

* Сын сборщика податей, выбившегося в дворянство, Флери получил образование в Наваррском коллеже в Париже. По завершении учебы он был рукоположен в духовный сан и в 1668 году стал каноником кафедрального собора в Монпелье. Амбициозный, наделенный большими способностями Флери постоянно совершенствовал свои познания в области теологии и философии. В 1671 году он защитил диссертацию и продолжил теологические исследования в Сорбонне, а в 1675 году стал духовником королевы Марии-Терезии. Вследствие придворных интриг он вынужден был покинуть Париж и вернуться в Монпелье. Затем получил в управление небольшое епископство в Провансе. Накануне смерти Людовика XIV епископ Фрежюса вновь появился в столице и был назначен воспитателем малолетнего дофина. В 1717 году Флери избирают во Французскую академию, в 1721-м — в Академию наук, а в 1725 году — в Академию надписей и изящной словесности. Он пользовался полным доверием регента и приобрел большое влияние на короля-подростка.

ципы, что добился прямо противоположного — воспитал безбожника.

Герцог Орлеанский демонстрировал почтительное отношение к недорослю-королю. В душе, наверное, регент мог желать ему смерти, чтобы освободилась дорога к престолу для Орлеанов, но в этом отношении он ничем себя не скомпрометировал.

Между тем хилый в младенчестве ребенок постепенно превращался в цветущего подростка, обещавшего в скором времени сделаться красавцем-мужчиной. В последний раз слабое здоровье Луи напомнило о себе в июле 1721 года, когда одиннадцатилетний король внезапно заболел и три дня метался в жару, находясь между жизнью и смертью. Придворные доктора не могли даже поставить точный диагноз и предложили то, что предлагали всегда, когда не знали, что делать, — пустить больному кровь. К счастью, рядом оказался врач новой формации, который сумел победить болезнь более эффективными средствами. Спасителем был Жан-Клод-Адриен Гельвеций, отец будущего знаменитого философа-энциклопедиста. Как ни был тогда мал Людовик XV, но он оценил квалификацию доктора и в будущем порекомендовал его своей супруге-королеве в качестве личного врача.

25 октября 1722 года Людовик XV был коронован в Реймском кафедральном соборе, а 22 февраля 1723 года на заседании Парижского парламента официально был объявлен совершеннолетним.

2 декабря 1723 года внезапно умирает Филипп Орлеанский. Юный король еще не был в состоянии держать в руках бразды правления, и они оказались в руках 31-летнего герцога Луи Анри де Бурбона, принца де Конде, — сына принца Луи де Конде и Луизы Франсуазы де Бурбон, узаконенной побочной дочери Людовика XIV. В 1710 году герцог де Бурбон становится старшим представителем этой династической ветви, а в 1714 году король назначает его четвертым по счету претендентом на наследование трона после герцога Анжуйского (будущего Людовика XV), Филиппа Орлеанского и его сына герцога Шартрского.

Сразу же после смерти регента герцог де Бурбон при содействии Флери получает полномочия первого министра, которыми пользуется в полной мере, пока король не проявляет интереса к делам, неделями пропадая на охоте. Одной из самых важных его забот становится устройство брака тринадцатилетнего Людовика XV с тем, чтобы не допустить к престолу Орлеанов или кого-то из вчерашних бастардов в случае его преждевременной смерти. Герцог делает все, чтобы расстроить намеченный еще Филиппом Орлеанским брак короля с испанской инфантой, которой к 1724 году было всего пять лет. Нельзя рисковать, справедливо решил первый министр. Династия Бурбонов нуждалась в скорейшем продолжении.

Этот аргумент произвел должное впечатление на ближайшее окружение короля. Начались энергичные поиски новой невесты. Очень скоро список претенденток превысил несколько десятков высокородных девиц. Первый министр сразу же отвел кандидатуру русской принцессы Елизаветы Петровны, о чем еще с 1717 года между Парижем и Петербургом велись конфиденциальные переговоры. Елизавета, хотя и была дочерью Петра Великого, не соответствовала критериям, принятым при версальском дворе, где хорошо были осведомлены о низком происхождении ее матери Марты Скавронской, по воле Петра ставшей императрицей Екатериной I. Да и политические интересы двух держав — Франции и России — во многом расходились, если не сказать больше.

В конечном счете Бурбон и Флери сделали удививший многих выбор в пользу Марии Лешинской, дочери изгнанного Петром I из Польши в 1709 году короля Станислава. Удивление вызывалось двумя обстоятельствами. Во-первых, невеста не принадлежала ни к одному из правящих домов — вместе с отцом она пребывала в изгнании. Одним этим был очевиден мезальянс. К тому же Мария Лешинская была на семь лет старше жениха, которому едва исполнилось пятнадцать лет.

Однако все эти доводы герцог де Бурбон опровергал другими, не менее убедительными. Во-первых, 22-летняя Ле-

шинская уже совершенно готова к тому, чтобы подарить Франции дофина, а во-вторых, этот династический союз мог способствовать вытеснению русских из Польши и восстановлению там бывшего французского влияния, уходящего корнями в 1573 год, когда польским королем был избран герцог Анжуйский, сын Генриха II и Екатерины Медичи.

Антироссийская направленность выбора невесты для Людовика XV не осталась незамеченной в Петербурге, где в ответ взяли курс на сближение с Австрией, «историческим противником» Франции. Уже в 1726 году был подписан русско-австрийский союзный договор. Известная же впоследствии всей Европе русофобия Людовика XV в немалой степени была следствием его польского брака.

5 сентября 1725 года состоялось официальное бракосочетание Людовика XV и Марии Лещинской. Торжественная церемония прошла в Фонтенбло, одной из королевских резиденций. Французам «полячка» очень скоро пришлась по душе. Она обладала всеми христианскими добродетелями, составлявшими резкий контраст с безнравственным версальским двором. Главным же достоинством молодой королевы Франции было милосердие, неизменно проявлявшееся ею по отношению ко всем «униженным и оскорбленным», если применить здесь определение Виктора Гюго. Мария Лещинская, страстно любившая музыку и живопись, привечала и щедро одаривала людей искусства. Среди них был и молодой Вольфганг Амадей Моцарт, с которым королева, знавшая несколько иностранных языков, беседовала по-немецки. Одним словом, появившаяся в Версале Лещинская сразу привлекла к себе всеобщую симпатию.

Пятнадцатилетний король, не имевший опыта интимной жизни, тоже был в восторге от предложенной ему супруги, которая, несмотря на зрелый возраст, оказалась девственницей, что было большой редкостью при версальском дворе. Их безмятежное счастье продолжалось несколько лет и увенчалось рождением десяти детей — двух сыновей* и восьме-

* Один из них, Филипп, герцог Анжуйский, умер в возрасте трех лет.

рых дочерей. Династия, таким образом, обеспечила свое продолжение.

Однако ничто не вечно под Луной. Частые роды постепенно расстроили здоровье Марии Лещинской, которой было настоятельно рекомендовано врачами больше не рожать. Еще одна беременность, предупреждали они, может стать для нее фатальной. В середине 1730-х годов ей было уже за тридцать — для женщины того времени это почти порог старости. А 25-летний Людовик XV только входил в пору расцвета, превращаясь в статного, атлетически сложенного красавца. Его заслуженно считали самым привлекательным мужчиной Старого Света.

Когда королева вынужденно закрыла перед супругом двери своей спальни, Людовик XV начал новую жизнь. В 1733 году у него появляется первая любовница, которая в 1738 году получит официальный статус фаворитки, — графиня Луиза Жюли де Мейи. Через год ей на смену придет ее младшая сестра графиня Полина де Вентимиль, потом появится маркиза де Турнель, которую Людовик XV сделает герцогиней де Шатору...

Последующие любовницы короля не поддаются точному подсчету, если учесть, что среди них были не только светские дамы, но и хорошенькие простолюдинки — актрисы, горничные, торговки и даже крестьянки. Только официальных фавориток у Людовика XV было не менее двадцати, а число известных внебрачных детей составляло не менее четырнадцати. За восемью из них король признал свое отцовство.

Мария Лещинская в высшей степени достойно несла свой крест, поддерживая корректные отношения со всеми фаворитками своего ветреного супруга. В течение двадцати лет она находила общий язык даже с мадам Помпадур, о которой речь впереди.

Политическое влияние королевы на Людовика XV довольно быстро иссякло, если оно вообще когда-то было. Она старалась не вмешиваться в государственные дела после того, как в 1726 году безуспешно пыталась предотвратить опалу своего благодетеля, герцога де Бурбона, который был удален от двора и отправлен в ссылку. Король, поощряемый Флери,

своим бывшим воспитателем, решил, что сможет обходиться без герцога Бурбона и править самостоятельно. В действительности этого не произошло.

Флери, получивший от папы Бенедикта XIII кардинальский сан, сумел перехватить власть из рук опального герцога. Он постарался внушить юному королю, что государственные дела — очень скучное и утомительное, причем ежедневное занятие, никак не сравнимое с радостями охоты.

Людовик, попытавшийся было вникнуть в содержание множившихся день ото дня на его столе бумаг, очень скоро поверил своему наставнику и перепоручил ему заниматься всей этой рутинной. Сам же сосредоточился на исполнении обязательных церемониальных функций, а все свободное время предавался охоте и любовным утехам, которые все более затягивали его. Время от времени у него случались порывы править самостоятельно, но они, как правило, быстро угасали, чему, со своей стороны, ловко содействовал кардинал Флери, прекрасно знавший слабости своего воспитанника.

Шестнадцать последующих лет неучастия в делах наложили тяжелый отпечаток на незрелую личность Людовика XV, так и не выработавшего в себе привычки к систематической работе и к принятию самостоятельных решений, которые за него будут принимать другие — сначала кардинал-наставник, а потом женщины, возымевшие над ним большую власть.

В роли фактического главы правительства Флери в полной мере сумел раскрыть свои таланты государственного деятеля. В делах управления он взял себе за образец экономного и распорядительного Кольбера. Ему удалось преодолеть разрушительные последствия финансового кризиса, в который вверг Францию шотландский авантюрист Лоу. Проведя девальвацию национальной валюты, Флери добился укрепления ливра. При нем золотой луидор стал оцениваться в 24 ливра. Такое соотношение сохранялось вплоть до 1785 года. Одновременно с мерами по финансовой стабилизации Флери усовершенствовал налоговую систему. Действуя в духе идей Кольбера, министр-кардинал обратил пристальное

внимание на развитие торговли, мануфактур и ремесел. По его инициативе заметно активизировалось строительство дорог и каналов. В шесть раз — с 300 судов в 1713 году до 1800 в 1739 году — вырос торговый флот Франции. Твердая рука кардинала Флери чувствовалась во всем, включая образование и науку.

В религиозной и внутренней политике Флери стремился к сглаживанию конфликта между официальной церковью, протестантами и янсенистами. Одновременно он пытался бороться с распространением масонства и закрыл несколько лож, влияние которых считал опасным для внутренней стабильности государства. Но попытка министра-кардинала остановить рост влияния набиравшей силу парламентской оппозиции завершилась неудачей.

В отличие от своих предшественников на министерском посту — Ришелье, Мазарини и Дюбуа — кардинал Флери никогда не использовал занимаемое им положение для личного обогащения или обогащения своих родственников. За долгие годы службы он так и не нажил себе состояния. Единственными источниками его доходов были поступления из епархии и министерское жалованье в размере 20 тыс. ливров. «Он был прост и экономен во всем и никогда не изменял этим привычкам», — отзывался о Флери Вольтер.

Определяющим во внешней политике Флери было стремление к поддержанию мира в Европе и обеспечению за Францией роли арбитра в разрешении конфликтов на континенте. В центре его внимания находились отношения с Англией, Испанией и Австрией. С первыми двумя он развивал союзнические отношения. С Австрией продолжалось давнее, не ослабевшее со времен Тридцатилетней войны (1618—1648) соперничество за преобладающее влияние в Старом Свете. В то же время Флери делал все возможное для того, чтобы избежать новой войны с Габсбургами. Можно сказать, что политика Франции благодаря министру-кардиналу могла бы служить примером разумного поведения страны на международной арене, если бы не внешнеполитические авантюры, в которые вовлекал Францию ее легкомысленный король, которого все больше раздражала опека министра-кардинала.

Один из первых порывов Людовика XV к самостоятельности произошел в середине 1730-х годов, когда он вынудил Флери вмешаться в конфликт вокруг Польского наследства, разгоревшийся после смерти 1 февраля 1733 года короля Польши Августа II Саксонского. Людовик XV пожелал, чтобы освободившийся трон занял его тесть Станислав Лещинский, пребывавший после 1709 года в изгнании.

Это желание шло вразрез с намерениями российской императрицы Анны Иоанновны, намеревавшейся посадить на польский престол сына Августа II, давнего союзника России. Ее намерение было поддержано Австрией, связанной с 1726 года союзным договором с Россией.

Флери советовал королю не вмешиваться в запутанные польские дела, но Людовик XV под предлогом защиты «законных» интересов своей семьи (то есть тестя и его дочери, королевы Франции) настоял на вмешательстве. Французской дипломатии в сентябре 1733 года удалось организовать избрание сеймом Станислава Лещинского королем Польши. Реакцией на это стало появление на правом берегу Вислы русского экспедиционного корпуса, что вынудило Станислава Лещинского бежать в Данциг (Гданьск).

Подкупив недовольных Лещинским депутатов сейма, русские дипломаты сумели добиться провозглашения королем Августа III Саксонского. Одновременно русские войска двинулись к Данцигу и блокировали его с суши. В ответ Людовик XV распорядился отправить в помощь осажденным сторонникам Лещинского эскадру и двухтысячный десант.

Трехмесячная осада города-крепости, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями между русскими и французами, в начале июля 1734 года завершилась капитуляцией Данцига, откуда в последний момент успел выбраться, переодевшись в крестьянское облачение, незадачливый тесть Людовика XV.

Овладев Данцигом, русская армия двинулась к берегам Рейна, где австрийцы терпели в это время поражение от французов. Перспектива появления русских на восточных границах Франции побудила Людовика XV согласиться с мнением Флери о необходимости скорейшего пре-

крашения военных действий, что и произошло в октябре 1735 года.

С последствиями легкомысленного вмешательства Людовика XV в польские дела пришлось разбираться все тому же Флери, и ему удалось спасти лицо Франции. Итогом войны за Польское наследство стало отречение от престола Станислава Лещинского и признание королем Польши Августа III. Австрия, устоявшая в войне исключительно благодаря угрозе русского вторжения во Францию, вынуждена была пойти на территориальные уступки в Италии и Германии. Бежавший во Францию Станислав Лещинский в утешение получит в пожизненное владение два герцогства — Лотарингское и Барское. По условиям мирного договора 1738 года после смерти Станислава Лещинского Лотарингия и Бар должны были войти в состав Франции, что и произошло в 1766 году. Таким образом, благодаря стараниям Флери Франция вышла из неудачной для нее войны даже с территориальными приобретениями.

Но Людовик XV никогда не простит России своего личного унижения в Польше. До самой смерти всегда и везде, где только можно, он будет действовать во вред российским интересам и поощрять, в том числе через финансовые субсидии, антироссийские настроения Швеции и Турции — давних противников России.

В 1740—1743 годах король попытается напрямую вмешаться и во внутренние дела России. Он направит туда в качестве своего посланника маркиза де Ла Шетарди с миссией установить контакт с дворцовой оппозицией во главе с Елизаветой Петровной и добиться перемены внешнеполитического курса России. Французский посланник принял закулисное участие в дворцовом перевороте 1741 года, завершившемся низвержением малолетнего императора Иоанна Антоновича и воцарением Елизаветы Петровны. Маркиз де Ла Шетарди пытался даже сделаться главным советником дочери Петра Великого, но встретил здесь жесткое сопротивление со стороны «русской партии» во главе с вице-канцлером графом А. П. Бестужевым-Рюминым. В конечном счете французскому дипломату, обвиненному в организации антиправи-

тельственного заговора, пришлось под конвоем покинуть пределы России, после чего король Франции еще больше укрепился в своих русофобских настроениях.

Второй раз Людовик XV решил показать характер и проявить самостоятельность с началом в Европе новой войны — за Австрийское наследство (1740—1748). Когда после смерти в октябре 1740 года императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга на престол вступила его дочь, 23-летняя Мария-Терезия, ее права на императорскую корону были оспорены баварским курфюрстом Карлом Альбрехтом и саксонским курфюрстом Августом. На их стороне выступили король Испании Филипп V и «скоропостижный», как его называли в Петербурге, прусский король Фридрих II, который, воспользовавшись удобной ситуацией, оккупировал Силезию. На сторону Австрии встали Англия и Голландия, к которым позднее присоединилась Россия.

Людовик XV считал, что он не может оставаться в стороне. Несмотря на предостережения своего министра, он решил ввязаться в конфликт с намерением ослабить «наследственного противника» Франции — Габсбургскую империю. 87-летнему Флери и в этот раз не удалось остановить молодого и нетерпеливого короля в его намерении. В июне 1741 года Людовик XV принимает предложение Фридриха II о заключении военного союза, а в сентябре того же года французский вспомогательный корпус во взаимодействии с баварскими и саксонскими войсками вторгается в Верхнюю Австрию, а затем в Чехию.

Военные действия, распространившиеся на всю Центральную Европу и даже на заморские территории, будут продолжаться долгие семь с лишним лет. Для Франции они развивались с переменным успехом. Первоначальные поражения в Германии сменились несколькими внушительными победами — при Фонтенуа (1745), Рокуре (1746) и Лауфельде (1747). Французам удалось оккупировать почти всю территорию современной Бельгии. Уже совсем близка была и давняя мечта французских королей о восточной границе по Рейну. Однако сокрушительное поражение от австрийцев при Плезансе (Северная Италия) не дало ей осуществиться.

Неудачно для Франции развивались военные операции на морях и в заморских владениях, где явное преимущество было за Англией и ее союзницей Голландией.

В конечном счете обессилевшие противоборствующие стороны вынуждены были пойти на примирение. В октябре и ноябре 1748 года в Ахене была подписана серия двусторонних договоров, положивших конец войне. За Марией-Терезией было признано право на престол ее отца. Силезия окончательно закреплялась за Пруссией, а Испания и Сардиния получили территориальные вознаграждения в Италии. Что касается Франции, то ее принудили вернуть оккупированную часть Нидерландов (Бельгию) и согласиться на разрушение укреплений Дюнкерка. Одновременно Людовик XV вынужден был смириться с потерей части своих завоеваний в Индии и в Северной Америке. Таким образом, выяснилось, что Флери, к тому времени уже умерший, был прав, когда предостерегал короля от вмешательства в спор из-за Австрийского наследства. Неудовлетворенность отдельных участников войны ее итогами делала неизбежным новый военный конфликт в Европе.

В той войне Людовик XV попытался было принять личное участие. Летом 1744 года он отправился в Мец, где находился штаб армии, нацеленной на Германию. Однако, не успев вступить в верховное командование, 4 августа король внезапно заболел. У него одновременно открылись жар, рвота и кровавый понос. Придворные врачи не могли понять, в чем дело, и по привычке неоднократно пускали больному кровь, что еще больше ослабляло его. Король буквально таял на глазах. Положение становилось угрожающим. Сопровождавшая Людовика XV в походе герцогиня Шатору уехала в Париж, а в Мец срочно прибыла королева с детьми.

12 августа доктора сокрушенно объявили, что королю осталось два-три дня жизни. Королевский духовник, успевший забыть, когда в последний раз его подопечный исповедовался в грехах, отказался дать ему отпущение без искренней, а главное — публичной, в присутствии семьи и придворных, исповеди. Но погрязший в распутстве христианнейший король, давно забывший о своем долге христианина, отказался

от исповеди даже перед лицом смерти. Дело приобретало скандальный оборот.

В этот критический момент кто-то из окружения короля догадался обратиться к помощи никому не ведомого доктора-еврея по имени Исайя Сервус Ульман. Его втайне от «святош» и лейб-медиков доставили к королю. Безвестный доктор сразу же поставил диагноз, который почему-то не в силах был вынести именитый врачебный консилиум, — дизентерия и назначил соответствующее лечение. Людовик XV быстро пошел на поправку и вскоре окончательно выздоровел.

Как только угроза миновала, было объявлено, что король Франции был спасен после мессы, отслуженной в кафедральном соборе Меца, где присутствовала вся королевская семья. Тогда же, в 1744 году, придворные льстецы добавят к имени короля эпитет — Возлюбленный.

Поскольку спасение христианнейшего короля, по определению, не могло быть признано заслугой доктора-еврея, все почести достались случайному человеку — отставному лекарю Эльзасского полка Александру де Моншарво, который якобы в нужный момент оказался в нужном месте. К чести Людовика XV следует отметить, что по выздоровлении он щедро вознаградил своего истинного спасителя. Одновременно король распорядился воздвигнуть в центре Парижа новый храм св. Женевиевы в ознаменование своего «чудесного исцеления». Правда, долгое время реализация королевского замысла наталкивалась на отсутствие финансовых средств. Величественный храм будет строиться на протяжении тридцати с лишним лет, его освятят лишь в 1789 году. Теперь он всем известен как Пантеон, усыпальница великих французов.

29 января 1743 года в возрасте 89 лет умер кардинал де Флери. Как сообщал в Петербург русский посланник в Париже князь Антиох Кантемир, покойный министр, «управляя государством почти семнадцать лет, оставил наследникам своим только малое число посуды серебряной да несколько книг, в чем и состояло все его богатство».

Людовик XV, уставший от опеки своего властного наставника, наконец-то мог вздохнуть свободно. Сразу после смер-

ти Флери король, как сообщал князь Кантемир, собрал министров и объявил, что отныне «намерен сам с ними прямо дела делать и для того уже впредь никого первым министром не определять». Смерть Флери символизировала начало самостоятельного правления 33-летнего Людовика XV.

Очень скоро обнаружили, что отсутствие в лице первого министра организующего и направляющего начала в работе правительства имело самые пагубные последствия. Не имевший привычки к ежедневной работе и не обладавший необходимыми для главы государства качествами Людовик XV пустил дела на самотек. Каждый из министров (государственных секретарей) действовал независимо от других, ограничиваясь редкими докладами королю. Сами доклады и принимаемые по ним решения противоречили одно другому.

Наиболее ярко несогласованность в работе правительства проявилась в области внешней политики, где параллельно с официальной линией возникла еще и личная дипломатия Людовика XV (так называемый «секрет короля»). Эти две линии не только не совпадали, но нередко противоречили одна другой. Наряду с министром иностранных дел д'Аржансоном и его преемниками — Пюизье, Сен-Контестом и Рулье — негласно, но активно действовал «тайный визирь» короля, его кузен принц де Конти, упорно (с одобрения Людовика XV) домогавшийся для себя польского престола. Подобная раздвоенность создавала серьезные трудности для внешней политики Франции.

Начавшаяся в государственном управлении дезорганизация рисковала перерасти в анархию. А король, словно забыв о намерении править единолично, продолжал предаваться удовольствиям жизни в окружении сменявших одна другую фавориток и мимолетных любовниц.

В 1745 году рядом с ним появилась 24-летняя Жанна-Антуанетта Ле Норман д'Эсиоль (в девичестве — Пуассон), получившая известность под именем маркизы де Помпадур. Она родилась от внебрачной связи вдовы военного интенданта Пуассона и откупщика Ле Нормана де Турнехема, который сумел дать своей побочной дочери приличное воспитание

и образование в монастыре урсулинок. По выходе из монастыря восемнадцатилетняя девушка с головой окунулась в жизнь парижского полусвета. Обеспокоенный фривольным поведением дочери откупщик в 1741 году выдал ее замуж за своего племянника Ш. Г. Ле Нормана д'Эсиоля.

Знакомство будущей маркизы с королем произошло в 1744 году. Их сближению способствовала неожиданная смерть тогдашней королевской фаворитки герцогини де Шатору. Устроив развод мадам д'Эсиоль с мужем, Людовик XV даровал ей крупное имение и титул маркизы де Помпадур, а в сентябре 1745 года официально представил двору. Спустя семь лет новая фаворитка получит титул герцогини, а в 1756-м станет старшей придворной дамой королевы Марии Лешинской. Фавор Помпадур продолжался долгие восемнадцать лет, и все это время она пользовалась фактически безраздельным влиянием на слабохарактерного, хотя и упрямого короля. С утратой былой красоты Помпадур научилась не замечать постоянных увлечений Людовика, который неизменно возвращался к ней. С самого начала мадам Помпадур сумела поставить себя так, что стала для короля больше чем любовница. Она была ему сестрой, матерью, другом и незаменимым советником — его alter ego. Злые языки утверждали даже, что мадам Помпадур сама подбирала королю текущих любовниц, но при этом внимательно следила, чтобы ни одна из них не задерживалась в поле зрения его величества. Людовик XV ценил великодушные своей фаворитки, всегда прощавшей его и неизменно находившей нужные слова утешения в трудную минуту.

Маркиза Помпадур стала подлинной законодательницей мод при версальском дворе. Ее вкусы считались эталоном, к ее мнению прислушивались, ее туалеты немедленно копировали. Есть все основания говорить о значительном вкладе мадам Помпадур в развитие французской культуры своего времени. Франция обязана ей богатыми коллекциями художественных ценностей, строительством замков и дворцов-музеев. Именно она стояла у истоков создания знаменитой Севрской фарфоровой мануфактуры, создала элегантный, хотя и несколько манерный стиль, получивший впослед-

ствии ее имя. Помпадур повлияла на проект строительства в центре Парижа площади Людовика XV, известной ныне как площадь Согласия. Ее протеже Анж-Жак Габриэль создал другой архитектурный шедевр, до сих пор украшающий французскую столицу, — здание Военной школы.

Мадам Помпадур покровительствовала художникам, литераторам и философам — Бушардону, Ван Лоо, Мармонтелю, Бернису, Кребильону, Дюкло, Жантиль-Бернару, Гельвецию и многим другим. Сам Вольтер посвятил ей своего «Танкредя». Королевская фаворитка сумела отстоять от нападок церкви проект «Энциклопедии», прославившей Францию. При этом она благородно уступила заслуженные ею лавры «друга философов» Людовику XV, хотя сам король был одинаково равнодушен не только к религии, но и к ее оппонентам — философам-просветителям.

Маркиза Помпадур всегда проявляла живой интерес к политике, влияя на назначения министров и принятие тех или иных законов. В борьбе двух партий в окружении короля — «святош» и «философов» — она всегда поддерживала последних. Сознывая неблагоприятное состояние финансовой системы Франции*, Помпадур рекомендовала королю принять предложение генерального контролера финансов Жан-Батиста де Машо д'Арнувиля о введении подоходного налога на все сословия, включая дворянство и духовенство, ограничив право последнего на покупку недвижимого имущества. Однако эта чрезвычайно смелая по тем временам инициатива натолкнулась на жесткий отпор церкви, сумевшей мобилизовать массы религиозных фанатиков, что грозило дестабилизацией обстановки в стране, только недавно вышедшей из войны за Австрийское наследство. В конечном итоге в 1751 году Людовик XV отозвал уже подготовленный эдикт об утверждении налоговой реформы Машо.

Между тем внутреннее положение во Франции оставалось напряженным. Последняя неудачная война опустошила казну. Росло недовольство королем, которого в насмешку над

* Уже в 1745 году бюджетный дефицит составлял около 100 млн ливров, и он постоянно возрастал.

присвоенным ему в 1744 году эпитетом «Возлюбленный» станут называть Людовик Ненавистный. Наиболее ярким проявлением такого недовольства стало покушение на жизнь короля, предпринятое 5 января 1757 года неким Дамьеном, попытавшимся заколоть Людовика XV кинжалом, как это сделал в 1610 году Равальяк, убивший Генриха IV.

Но Людовику XV повезло: он был только ранен. Сам же незадачливый убийца был схвачен на месте и три месяца спустя казнен на Гревской площади. Комментируя покушение на короля, русский поверенный в делах в Париже Федор Бехтеев сообщал вице-канцлеру графу Михаилу Воронцову: «Я думаю, что причиной одного злодейского умысла было генеральное неудовольствие всего народа, утеснения парламентской власти и несносные налоги...»

О внутренней напряженности в стране свидетельствовал и австрийский посол. «Здесь наблюдается всеобщее недовольство, — сообщал он в Вену. — Все только и говорят о желательности смерти короля. Даже в Зеркальной галерее Версальского дворца появляются плакаты с угрозами его жизни».

Реакцией Людовика XV, проявившего, надо сказать, полное хладнокровие в момент покушения, стала отставка двух министров — д'Аржансона и Машо д'Арнувиля — и возвышение герцога де Шуазеля, ставленника маркизы Помпадур. На долгие двенадцать лет Шуазель станет фактическим главой кабинета Людовика XV — до той поры, пока не будет удален по требованию мадам дю Барри, следующей королевской фаворитки.

Совместными усилиями Шуазель и мадам Помпадур в 1764 году склонял Людовика XV к изгнанию из Франции иезуитов, не подчинявшихся епископам на местах и разжигавших вражду ко всем инакомыслящим, в разряд которых они относили протестантов, приверженцев галликанской церкви, янсенистов, философов и энциклопедистов. Остаться на территории Франции разрешено было только тем иезуитам, кто признает власть над собой не ордена, а местного епархиального начальства — епископов и архиепископов. Как и следовало ожидать, практически все иезуиты предпочли отправиться в изгнание, сохранив верность своему

ордену. С их исчезновением «философская партия», чувствуя поддержку мадам Помпадур и герцога Шуазеля, повела себя увереннее. Идеи Просвещения получили более широкий простор для распространения.

Интересы Помпадур не ограничивались культурой и внутригосударственными делами. Они распространялись также на внешнюю политику и дипломатию. Именно маркизе Помпадур принадлежала заслуга в историческом примирении Бурбонов и Габсбургов, враждовавших с начала XVI века. Немалое значение при этом имела глубокая личная неприязнь Помпадур к Фридриху II, сочинявшему о ней непристойные стишки. Ее ненависть к прусскому королю, которого она презирала еще и за его порочную склонность к молодым мужчинам, могла быть сравнима только с ненавистью другой женщины — русской императрицы Елизаветы Петровны. Совпадение настроений этих двух самых влиятельных в Европе особ сыграло свою роль в возникновении тройственного союза Франции, Австрии и России против Пруссии и Англии, ее тогдашней союзницы.

Возникновение такого союза в середине 1750-х годов стало одним из элементов так называемой «дипломатической революции», когда вчерашние противники (Франция и Австрия) стали союзниками, а вчерашние друзья (Пруссия и Франция, Англия и Россия) превратились во врагов. Эта революция породила Семилетнюю войну 1756–1763 годов, вышедшую за пределы Старого Света и охватившую обширное пространство — от Северной Америки до Индии.

Франция была к войне явно не готова, что определило целый ряд позорных поражений и тяжелейшие потери. Закономерным результатом Парижского мира 1763 года, завершившего Семилетнюю войну, стала утрата Францией прежнего морского значения и большинства ее колоний в Северной Америке («Новой Франции») и в Индии, которые перешли к Англии, ставшей единовластной «хозяйкой морей».

Некоторой компенсацией за столь ощутимые потери стало приобретение Корсики, которую Франции уступила Генуэзская республика. Правда, французам пришлось еще в течение года силой оружия преодолевать сопротивление

корсиканцев, не желавших признавать новых хозяев своего острова. Тем не менее в 1769 году Корсика окончательно перешла под власть французской короны.

В апреле 1764 года умирает мадам Помпадур, а в июне 1768 года — королева Мария Лешинская. Но король не остался одиноким. Весной 1769 года при дворе появляется новая фаворитка, графиня дю Барри (в литературе иногда встречается другое написание ее имени — Дюбарри).

Ее подлинное имя — Жанна Бекю. Она была незаконно-рожденной дочерью бедной женщины Анны Бекю и аббата Гомара. Как и многие женщины легкого поведения, будущая мадам дю Барри была тихой, скромной и послушной девочкой, росшей в семье отчима-протестанта по фамилии Вобернье. Одно время она даже пребывала в провинциальном монастыре, суровые нравы в котором сказались, видимо, на ее дальнейшей судьбе. Покинув монастырь, смазливая девушка отправилась в Париж и сразу же поступила в заведение некоего Гурдана, где вскоре приобрела определенного рода известность. Ее называли там «мадемуазель Ланж». Вскоре на нее обратили внимание версальские куртизаны, посчитавшие, что мадемуазель Ланж идеально отвечает вкусам Людовика XV. И они не ошиблись. При личном знакомстве 25-летней, лишенная предрассудков красotka произвела сильнейшее впечатление на знавшего толк в женщинах 60-летнего развратника.

По давно заведенному порядку приобщения безродных девиц легкого поведения к версальскому двору девушку срочно выдали замуж за обедневшего гасконского дворянина графа Гийома дю Барри. После бракосочетания молодой человек был произведен в капитаны Швейцарского полка и немедленно отправлен к месту службы подальше от Парижа — разумеется, без супруги. Оставалось только провести церемонию официального представления новоиспеченной графини двору, без чего она не могла находиться в Версале. Этому попытались было помешать дочери Людовика XV, предпочитавшие женить отца вторично, но герцог Ришелье, доверенное лицо короля, убедил принцесс, что очередная

фаворитка представит для них меньшую угрозу их влиянию, чем новая королева.

22 апреля 1769 года «жрица любви» была официально представлена королевской семье и двору. Первой жертвой новой придворной дамы стала старшая дочь короля Адельида, которой пришлось освободить свои апартаменты для фаворитки. Унижение было тем большим, что принцессе предложили поселиться в пустовавших с 1764 года покоях мадам Помпадур.

Так в Версале воцарилась вчерашняя проститутка, которая на шесть лет станет некоронованной королевой Франции. По данным французских историков, подтвержденным архивными документами, за эти годы мадам дю Барри вытянула из казны 12,5 млн ливров.

Людовик XV превратился в послушное орудие в руках титулованной кокетки. Он уже ничего не предпринимал без ее предварительного одобрения. С появлением мадам дю Барри при дворе существенно ослабло влияние еще вчера всесильных министров — Ришелье и Шуазеля. Последний вскоре вообще будет отстранен от дел. Его место займет преданный фаворитке герцог д'Эгильон.

В своей спальне мадам дю Барри распорядилась повесить портрет казненного английского короля Карла I кисти Ван Дейка, и всякий раз, когда Людовик XV входил туда, фаворитка напоминала ему об участии монарха, проявившего недопустимую слабость в отношении парламента.

Дю Барри немало содействовала обострению конфликта короля с Парижским парламентом, нередко отказывавшимся одобрять те или иные решения Людовика XV. Предельной остроты этот конфликт достиг в 1771 году. В ночь с 19 на 20 января все члены парламента получили письменные извещения с требованием немедленно и определенно ответить на вопрос: намерены ли они повиноваться приказам короля. Большинство опрошенных ответили отрицательно. На следующий день они были извещены, что лишаются своих должностей (кстати сказать, в свое время купленных ими пожизненно) и изгоняются из столицы. Изгнание продлится три с половиной года, до самой смерти Людовика XV и во-

царения Людовика XVI. Вместо распущенной парламентской магистратуры канцлер Рене де Мопу сформировал новые судебные инстанции, но их деятельность была парализована отказом адвокатов сотрудничать с ними. Вся прежняя система управления, которая функционировала в более или менее отлаженном режиме, была парализована.

А Людовик XV беззаботно предавался своим любимым занятиям — охоте и любовным похождениям. Еще в середине 1750-х годов в одном из уголков Версаля по его распоряжению был возведен павильон, получивший название Олений парк. Он служил одним из мест интимных свиданий Людовика XV. Через Олений парк «прошли» и некоторые будущие фаворитки короля, в частности, мадам дю Барри. Но в основном туда поставлялись разысканные специальными агентами по всей Франции девушки и даже девочки, отличавшиеся красотой и... невинностью. Старея, король стал предпочитать непорочных представительниц прекрасного пола. Все поступающие в Олений парк девушки предварительно подвергались медицинскому освидетельствованию для выявления возможных венерических заболеваний и отбора девственниц. Мадам дю Барри, по примеру своей предшественницы, научилась смотреть сквозь пальцы на королевские проказы — лишь бы случайные любовницы не задерживались в постели Людовика.

По степени влияния на Людовика XV графиня дю Барри могла бы сравниться с маркизой Помпадур. Но здесь существовала принципиальная разница: влияние дю Барри на Людовика XV имело исключительно отрицательные последствия для престижа королевской власти и для Франции в целом*.

Со времен «короля-солнца» Версальский двор имел репутацию не только самого пышного и изысканного, но и самого легкомысленного в тогдашней Европе. Здесь, по определению одного из историков, царила атмосфера «эротического магнетизма». Неутолимая жажда наслаждений составляла

* На свою беду мадам дю Барри доживет до революции и в 1793 году будет гильотинирована.

главное, если не единственное содержание жизни. Внешнее изящество форм и утонченность нравов, отраженные в изнеженном искусстве рококо, в живописных полотнах Буше и Фрагонара, в вычурной томности, доходящей до пресыщенности, в музыке Рамо и Пиччини, в романах де Лакло и де Сада, скрывали извращенность чувств.

Законодателями мод и нравов в версальском обществе нередко становились различные авантюристы вроде Казановы — сына бродячих актеров, присвоившего себе дворянский титул, или «графа» Калиостро — «профессора» магии и демонологии, наживавшегося на расстроенных нервах своих великосветских почитательниц. Наглядное представление о жизни французского двора той эпохи дают не лишённые остроумия и тонкой наблюдательности мемуары того же Казановы, а также сочинения душевнобольного графа де Сада — основателя порнографического жанра в литературе, неоднократно судимого и даже приговоренного к смертной казни за «содомию и отравление», но всякий раз спасаемого самим Людовиком XV*.

Фавор дю Барри пришелся на последние четыре года царствования Людовика XV. Это время все без исключения историки считают началом конца Старого режима. «С Людовиком XV, — констатировал французский историк Ф. Рокэн, — исчез престиж королевской власти, монархия Божьей милостью сделалась более невозможной во Франции. Этот последний четырехлетний период (1770—1774), когда народ видел, как наряду с опозоренным развратом королем царствует г-жа Дюбарри, когда на сцене оставались одни

* Конец литературной деятельности де Сада положил в 1801 году Наполеон Бонапарт. Тщеславный автор направил первому консулу собрание своих сочинений с дарственной надписью. Ознакомившись с содержанием творчества де Сада, Бонапарт с отвращением бросил его книги в камин и распорядился о запрещении и изъятии произведений «маркиза», а самого автора отправил в тюрьму для умалишенных. Бонапартов запрет действовал во Франции до середины 1950-х годов, когда начинавшаяся на Западе «сексуальная революция» актуализировала творчество де Сада, романы которого стали издаваться большими тиражами.

только негодяи и развратники, когда повсюду царили беспорядки, неправосудие и насилие, когда принципы, нравы, обязанности — все было позабыто, этот короткий и постыдный период закончил то, что подготовляло все царствование Людовика XV».

Аналогичную оценку последним годам правления Людовика XV давали и его современники. «...Не было больше ни достоинства в правительстве, ни порядка в финансах, ни твердости в политике... Французская монархия утратила первостепенное значение...» — вспоминал впоследствии граф Луи Филипп де Сегюр.

А вот что писал в донесении императрице Марии-Терезии австрийский посол при Версальском дворе граф Мерси Аржанто: «Достойные сожаления излишества короля в последние четыре года его жизни вконец опозорили его царствование. Государство оказалось во власти презренного создания (имеется в виду мадам дю Барри. — П. Ч.), родственники которой и все ее окружение представляли собой сборище гнусных ничтожеств, а Франция была отдана под их иго. Честные люди постарались отойти в сторону, уступив место всякого рода негодяям, наводнившим двор. С этого момента начались только смуты, беззакония и скандалы. Все было опрокинуто, не было ни руководства принципов, ни традиций — все предоставлено воле случая. Унижение, которому подверглась нация, вызывало в ней чувство стыда и невыразимого уныния».

Впрочем, сам король не желал ничего замечать и никак не реагировал на предостережения немногих благоразумных людей, еще остававшихся в его окружении. Ему приписывают циничную фразу: «После нас хоть потоп» («Après Nous le déluge»). Если даже король и не произносил этих слов, то все содержание его царствования, по крайней мере последних лет, свидетельствует о полном безразличии к судьбе своей страны.

Людовик XV умер 10 мая 1774 года в своей версальской резиденции, заразившись оспой от девушки, с которой у него было интимное свидание в Оленьем парке. Ему было 64 года, из которых он процарствовал 58 лет 8 месяцев и 9 дней,

пережив сына-дофина на девять лет и передав престол внуку Людовику XVI.

Вот как описывал обстоятельства смерти Людовика XV русский посланник при Версальском дворе князь Иван Бярятинский в реляции Екатерине II: «Вчерашнюю пятницу, то есть 29 апреля, ночью оказалась на Его Христианнейшем Величестве оспа. Начало сей болезни и теперешнее королевское состояние следующее: во вторник, 26-го того же месяца, поутру все иностранные послы по обыкновению имели честь видеть Его Величество в совершенном здоровье; вечером почувствовал он озноб и боль, однако, несмотря на то, назавтра изволил поехать на охоту. По возвращении его с охоты в Трианон сделалась боль в голове и рвота. Поутру, в четверг, боль в голове продолжалась и жар умножился; сего дня к вечеру переехать изволили в Версаль и лечь в постель, а как в пятницу боль и жар еще умножились, то придворный доктор Лемонье в то же утро рассудил за нужное Его Величеству пустить кровь и потребовал консультацию. Король изволил приказать ему призвать для сего двух докторов... которые здесь в великой славе. На консультации определили пустить кровь в другой раз после обеда. По исполнении чего сделался великий пот, и около полуночи с 29 на 30 число высыпала на лице и на груди сильная оспа. Но как на ногах оказались только одни красные пятна и в малом числе, то для того приложили гишпанские мухи. Его Величество не знает, что он болен оспой.

...По здешнему этикету, как скоро король занеможет опасной болезнью, то немедленно во всех церквах начинается моление, и театральные представления оставлены бывают. Вследствии того вчера началось в Париже моление в самое то время, когда все спектакли были в половине представления; по получении повеления актеры вдруг пресекли действие, объявив зрителям сего причину. Такое известие произвело в публике великое смущение и прискорбие.

Королевская фамилия вся почти не имела еще оспы (то есть прививки от оспы. — Л. Ч.). По сей причине не допускаются к Его Величеству. Все три королевские дочери также не имели, сказывают, оспы, но... почти безвыходно в коро-

левской спальне находятся. Дюк Орлеанский, принц Конде и граф де Ла Марш также бывают часто...»

«Вчерашний день, — сообщал князь Барятинский императрице в реляции от 5 мая 1774 года, — Его Величество находился в великой опасности, ибо высыпавшая оспа стала было внутрь входить, однако способом кардинальных лекарств начала она под вечер вновь наружу выходить, но только частично. В таком опасном состоянии препроводил Его Величество всю ночь по сегодняшнее утро. Почему и начались вновь со вчерашнего вечера сорокочасные молитвы, которые приказал Парижский Архиепископ продолжать девять дней. Сверх того вскрыли сего утра раку святой Женевьевы, покровительницы Парижской. Сие делается только в самых бедственных случаях, чем самым утверждается, что король в немалой находится опасности. Хотя же и слышно, что нынешний день было Его Величеству посвободнее, но как сего вечера вступает он в седьмой день, то все находится в чрезвычайном страхе о сей ночи. Вся Королевская фамилия в несказанной горести и смущении, наипаче же дофина (Мария-Антуанетта. — П. Ч.) оказывает особливую к Его Величеству горячность даже до того, что сама она выходит в сад к собирающемуся пред Версальским замком народу и читает записки о состоянии Его Величества, что ей причиняет в народе великую честь и любовь».

Лишь за три дня до смерти старый безбожник внял доводам кардинала де Ла Роша и согласился исповедаться. 9 мая он приобщился Святых Таин. Однако ни вынужденная (скорее всего не искренняя) исповедь, ни заказанные архиепископом Парижским молебны о выздоровлении короля, ни обращение к раке св. Женевьевы не возымели желаемого эффекта.

«О смерти короля вообще ни знатные, ни народ не сожалеют...», — сообщал в Петербург князь Барятинский 12 мая 1774 года. Спустя две недели в другой депеше русский посланник выразился еще более определенно: «О покойном короле говорят много в терминах весьма непристойных и почитают счастьем для Франции его кончину».

Екатерина II отозвалась на смерть Людовика XV язвительным замечанием: «Стыдно французскому королю в XVIII столетии умереть от оспы». Сама императрица, так же как и ее сын Павел Петрович, привилась от оспы еще в 1768 году.

Вряд ли кто из французских королей был столь непопулярен у себя на родине, как Людовик XV.

Когда в 1744 году король тяжело заболел, в парижском соборе Нотр-Дам прихожанами было заказано шесть тысяч молебнов о его выздоровлении; в 1757 году, после покушения Дамьена, число заказанных молебнов сократилось до шестисот, то есть в десять раз; к моменту смерти Людовика XV в том же Нотр-Дам лишь три прихожанина по собственной воле заказали молебны об исцелении «возлюбленного» короля.

Современные французские историки более благосклонно, чем их предшественники, оценивают Людовика XV, подчеркивая, что именно на его царствование пришелся расцвет французской культуры эпохи Просвещения. Наверное, данное утверждение не лишено оснований, если вспомнить, что многотомная «Энциклопедия» Дидро и его сподвижников выпускалась именно в правление Людовика XV. Но можно вспомнить и другое — фактическое изгнание из Франции Вольтера, который смог вернуться на родину только после смерти Людовика XV.

Свидетели утверждали, что, когда дофину сообщили о смерти короля, он не удержался и вскрикнул, будто ощутив свалившуюся на его голову корону: «О Боже, я самый несчастный человек в мире!»

Присутствовавшие при этом придворные боялись, как бы юноша не разразился плачем. Однако девятнадцатилетний король, каковым в одночасье стал герцог Беррийский, сумел взять себя в руки. «Видно, так было угодно Господу. Он так решил, — смиренно прошептал свежеиспеченный король. — Мне же не остается ничего другого, — уже более твердым голосом продолжал он, — как защищать религию, которая очень нуждается в этом, удалить от себя мошенников и людей, погрязших в пороках, и облегчить участь народа». В этих первых словах, сказанных новым королем, содержался недвусмысленный намек на предстоящие перемены.

В этот же день Людовик XVI уехал в Шуази, словно сбегая из пропитанного смрадом смерти Версаля. Казалось, что зловонный запах распадавшейся плоти, распространявшийся из королевских покоев, отравил все вокруг. Последние дни жиз-

ни умиравшего от оспы Людовика XV стали невыносимым кошмаром для королевской семьи, придворных и дворцовой прислуги именно из-за этого смрада, исходившего от распущего и почерневшего тела короля. От него не спасали ни настез раскрытые окна Версальского дворца, ни щедро разливавшаяся в помещениях туалетная вода, ни благовония...

Весь путь Людовика XVI из Версаля до Шуази сопровождался ликующими приветствиями: «Да здравствует король!» Местные крестьяне, разумеется, ничего не знали о намерениях юного короля, но они хотели верить в добрые перемены и потому совершенно искренне приветствовали его. Никому и в голову не могло прийти, чем завершится это только что начавшееся царствование.

Людовик XVI родился 23 августа 1754 года. Он был третьим сыном дофина — Луи-Фердинанда и его супруги — Марии-Жозефы Саксонской. Преобладающее влияние отца наложило неизгладимый отпечаток на личность, да и на всю судьбу герцога Беррийского, поэтому есть смысл сказать несколько слов о родителях Людовика XVI.

При дворе Людовика XV, где царил вечный праздник, его сын Луи-Фердинанд слыл отшельником и даже святошей. «Нелюбимый принц», как называли его версальские куртизаны, был полной противоположностью распутному отцу. Он не терпел фривольности, питал отвращение к карточной игре, не любил балов и спектаклей и делал исключение только для музыки. Даже охота — это любимое занятие французских королей — перестала интересовать его после того, как однажды он случайно застрелил берейтора. С того трагического дня никто и никогда не видел дофина с ружьем.

Все нерастраченные силы души он отдал религии. Дофин отличался глубокой набожностью, слыл знатоком Священного Писания и богословских трудов. Свободное от религии время он проводил за книгами по истории и праву. Крайним напряжением воли Луи-Фердинанд сдерживал неприязнь к фаворитке отца маркизе Помпадур, которую в своем кругу называл не иначе как «Maman-Putain» («Мамаша-Потаскушка»). Он преданно любил мать — королеву Марию

Лешинскую, давно оставленную королем ради фаворитки, воцарившейся в Версале на правах хозяйки.

После смерти в 1746 году первой жены, к которой он был искренне привязан, дофина против его воли женили вторично, избрав ему в супруги Марию-Жозефу Саксонскую, дочь Августа III, курфюрста Саксонии и одновременно короля Польши. От этого брака у них родились пять сыновей и две дочери. Третьим сыном был Луи-Огюст, герцог Беррийский, ставший в 1761 году, после смерти двух старших братьев, вторым (после отца) наследником французского престола. С этого времени Луи-Фердинанд уделял ему особое внимание, сумев оградить сына от тлетворного влияния прожигателей жизни, окружавших короля.

Дофин-отец много читал, в частности модных философов; он даже встречался со знаменитым Монтескье, автором «Духа законов». Но он не одобрял критики просветителями абсолютизма и тем более нападок на религию. Луи-Фердинанд был одержим идеей подчинения политики нормам христианской морали и в этом находил единомышленников и наставников в лице иезуитов. Им он поручил воспитание и образование своих детей, чем вызвал едва скрываемые насмешки со стороны вольтерьянствовавших куртизанов. Когда под влиянием «друга философов» герцога Шуазеля Людовик XV в 1764 года решил изгнать иезуитов из Франции, дофин энергично, но безуспешно пытался воспрепятствовать этому, объединив вокруг себя так называемую партию «святош», приверженцев традиционных ценностей.

Луи-Фердинанд был строгим отцом и требовательным воспитателем. Здесь он находил полную поддержку у своей супруги. Дважды в неделю — по средам и субботам — родители устраивали детям своеобразные экзамены, которые служили испытанием и для тщательно подбиравшихся учителей. Когда в августе 1765 года дофин-отец занемог и слег, то и тогда он продолжал строго экзаменовать детей.

Однажды, это случилось 2 ноября 1765 года, Людовик XV пожелал взять герцога Беррийского на королевскую охоту. Луи-Фердинанд в ответ на просьбу короля отпустить внука с ним сказал, что это невозможно, так как Берри в этом слу-

чае пропустит урок. Король недовольно заметил: «Когда вы наказываете ваших детей, то больше всех страдаю именно я». Напрасны были просьбы королевы, дофины и принцессы Аделаиды пойти навстречу желанию деда-короля. Дофин не уступил. В этот день, как обычно, Берри занимался латынью. А он так любил охоту!

20 декабря 1765 года Луи-Фердинанд скончался от туберкулеза, завещав сыновьям «превыше всего знать страх Божий и любовь к религии». 13 марта 1767 года от туберкулеза же умерла и его жена — Мария-Жозефа.

Одиннадцатилетний герцог Беррийский, ставший после смерти отца прямым наследником престола, едва не последовал за своими родителями. У него тоже подозревали туберкулез, погубивший не только отца и мать, но и старшего брата. Однако все обошлось.

К четырнадцати годам дофин уже хорошо знал латынь, читал по-итальянски, переводил с английского и без ошибок писал на родном французском. Благодаря урокам аббата Нолле Луи-Огюст получил некоторое представление о физике. Любимым же предметом у него была история. Круг чтения дофина — Светоний, Тацит, кардинал де Рец, Ла Брүйер, «Политическое завещание» кардинала Ришелье...

Повзрослев, дофин приобрел привычку к продолжительным пешим прогулкам по полям, где он любил беседовать с крестьянами. Однажды он даже, к удивлению землепашцев, взялся за плуг.

Так сложилось, что после смерти отца, а затем и матери Луи-Огюст не подпал под влияние деда-короля, продолжавшего прожигать жизнь в окружении метресс и собутыльников-куртизанов. А с появлением при дворе весной 1769 года мадам дю Барри король и вовсе потерял интерес к внуку-дофину, перепоручив его воспитание герцогу де Ла Вогьюону, который, надо сказать, особо не докучал своему воспитаннику. Помогал герцогу в воспитании дофина 27-летний граф де Монморен, который в 1787 году станет последним министром иностранных дел Людовика XVI.

Получив определенную свободу, герцог Беррийский пользовался ею по своему усмотрению, отдалившись, насколько

это было возможно в его положении, от разгульно-праздничной жизни двора. Он явно тяготел к одиночеству. И потом он так любил бывать на открытом воздухе, любил движение, свободу... Ему было легче находить общий язык со случайно встреченными во время пеших прогулок крестьянами, нежели с придворными.

Его дед — «Papa-Roi», как он называл короля, — вызывал у него самые противоречивые чувства — восхищение, любовь, страх и даже стыд. Достойный сын своего отца-«святоши», Луи-Огюст стыдился демонстративной связи деда с мадам дю Барри и всеми возможными способами избегал общения с новой хозяйкой Версаля. В ее присутствии он терялся и имел вид страдальца. При всяком удобном случае дофин исчезал из поля зрения короля, его фаворитки и придворных, отдавая все свободное время двум своим увлечениям — охоте и слесарному делу. Он самостоятельно изготовил металлический сейф, где хранил личную переписку и другие секреты. В 1792 году содержимое «железного ящика» станет достоянием Следственной комиссии и будет использовано для обвинения короля в государственной измене.

В пятнадцать лет Берри пребывал в полном одиночестве. У него не было друзей. Об этом не позаботились ни родители, ни воспитатели. Неуклюжесть и необщительность делали дофина чужим при галантном версальском дворе. К тому же его болезненность в детские годы приучила всех к мысли, что он не жилец на этом свете; так стоит ли дарить вниманием того, кто вряд ли доживет до наследования короны, тем более что «Papa-Roi» отличался отменным здоровьем и не давал намеков на скорое окончание своего затянувшегося царствования.

Над семьей покойного дофина Луи-Фердинанда словно рок висела смертельная болезнь — туберкулез. Поэтому доктора рекомендовали наследнику престола больше бывать на свежем воздухе. Режим, установленный по советам врачей для Луи-Огюста, пошел ему на пользу. Из худосочного мальчика он неожиданно для всех превратился в крупного, склонного к полноте флегматичного юношу, наделенного недюжинной физической силой, и вместе с тем крайне застенчивого, как это иногда бывает со здоровяками.

В то время как физическое здоровье наследника больше не внушало опасений, растущее беспокойство у воспитателей стала вызывать слабохарактерность будущего короля, обнаружившаяся еще в детские годы. С ней безуспешно пытались бороться родители, а после их смерти — гувернеры и учителя. Герцог де Ла Вогюйон, хорошо знавший характер воспитанника, постоянно предостерегал его от нерешительности, выдававшей слабость, столь опасную для будущего монарха. Он не устал напоминать: однажды Луи-Огюсту предстоит возложить на себя тяжкое бремя ответственности за судьбу страны; король, и только король, должен принимать решения; ни один министр, даже самый одаренный, не может его в этом заменить; министры — лишь исполнители королевских решений, в лучшем случае — советники, обязанные говорить правду своему господину.

В том же духе наставлял герцога Беррийского и аббат Сольдини, завещанный Луи-Огюсту в качестве духовника его отцом. Он, как никто другой, изучил все изгибы души наследного принца, все его достоинства и слабости, его убеждения и сомнения, которыми Луи-Огюст как истинный христианин постоянно делился с духовником. В начале 1770 года, незадолго до женитьбы дофина, аббат Сольдини адресовал повзрослевшему ученику последнее напутствие. Он напомнил ему о его долге будущего короля: служить Господу; быть предельно скромным и воздержанным в личной и публичной (дворцовой) жизни; избегать чтения «дурных книг» — легкомысленных романов и сомнительных философских сочинений; не допускать фаворитизма и бесконтрольности министров; не обременять подданных непомерными налогами и искоренять несправедливость во всех ее проявлениях.

Если сопоставить эти наставления с первыми словами, произнесенными Луи-Огюстом в роли нового короля Франции, то станет ясно: внушения аббата Сольдини не пропали даром. Они отвечали собственным убеждениям Людовика XVI, но, увы, он не был способен претворить их в жизнь, в значительной степени из-за недостатка воли и энергии. Слабохарактерность Луи-Огюста, как, впрочем, и его добро-

душие, были написаны у него на лице — в его близоруких, навывкате, глазах, выдававших нерешительность и даже застенчивость. Его природная робость после женитьбы усугубится обнаружившейся мужской несостоятельностью, к счастью, оказавшейся исправимой, но, увы, сыгравшей пагубную роль в дискредитации Людовика XVI не только как мужчины, но и как короля.

Бракосочетание Луи-Огюста и Марии-Антуанетты Габсбургской, младшей дочери императрицы Марии-Терезии, состоялось в мае 1770 года. Брак был устроен ради укрепления франко-австрийского союза, оформившегося еще в 1756 году.

Дофин был очарован той, кого, не спрашивая его согласия, избрали ему в супруги. Однако уже в первую брачную ночь обнаружилась недееспособность Луи-Огюста, объяснявшаяся незначительным врожденным дефектом пениса. Отчаянные попытки дофина отстоять свое мужское достоинство неизменно терпели фиаско, постепенно повергая его в депрессию. В конечном итоге он вынужден был признать свою несостоятельность и поневоле отдалиться от страстно любимой им супруги.

Между тем любой хирург одним движением скальпеля мог бы сделать его полноценным мужчиной, но потребовалось долгих семь лет, прежде чем Луи-Огюст, к тому времени уже ставший королем Франции, решился на немудреную хирургическую операцию. Эти семь упущенных лет самым пагубным образом отразились на характере Людовика XVI, закрепив в нем комплекс неполноценности. Потерпев поражение на супружеском ложе, он все больше стал замыкаться в себе, отдавая все свободное время и не растроченные силы охоте и слесарно-кузнечному делу.

Внутренняя семейная драма королевской семьи — отсутствие детей — выростала в серьезную политико-династическую проблему. Со временем добродетельный Людовик XVI стал объектом насмешек, а Австриячка, как скоро начали презрительно называть в обществе Марию-Антуанетту, приобрела незаслуженную репутацию грязной развратницы. Опасно покачнулся престиж королевской семьи и ко-

ролевской власти. Со всей очевидностью вставал вопрос престолонаследия. За отсутствием у короля потомства права наследования перешли к его брату графу Прованскому, а поскольку тот также оказался бездетным, то шансы получить корону приобретал самый младший брат, граф д'Артуа, и его наследники. Все это осложняло и без того натянутые отношения внутри королевской фамилии.

Неожиданная помощь пришла из Вены, откуда Мария-Терезия давно с нарастающей тревогой наблюдала за драмой любимой дочери. В апреле 1777 года императрица отправила во Францию своего сына, императора Иосифа II, которому удалось убедить Людовика XVI решиться на пустяковую операцию, а заодно повлиять на сестру-королеву, отдалившуюся по понятным причинам от супруга.

«Чудо свершилось», — докладывал Марии-Терезии ее посол при Версальском дворе граф Мерси Аржанто в двадцатых числах августа 1777 года. В апреле 1778 года, на восьмом году супружества, Людовик XVI узнал, что должен стать отцом. Радости его не было предела.

19 декабря 1778 года Мария-Антуанетта родила первенца-девочку. Спустя три года, к нескрываемому огорчению братьев короля, на свет появился долгожданный наследник (он умрет за месяц до падения Бастилии). В 1785 году королева родит второго сына, которого роялисты после казни Людовика XVI назовут Людовиком XVII (десятилетний мальчик трагически погибнет в июне 1795 года), а в 1786 году у Марии-Антуанетты родится четвертый, последний ребенок, Софи-Беатрикс. Малышка, правда, проживет менее года.

Так или иначе, но в обществе мужская репутация Людовика XVI с его отцовством была восстановлена. Непопулярность же Марии-Антуанетты, присущие королеве легкомысленное высокомерие и безразличие к мнению бомонда стараниями мстительной «придворной сволочи» (Стефан Цвейг) со временем перейдет в едва ли не всеобщую ненависть.

Впрочем, все это относилось к более позднему времени, а тогда, в мае 1774 года, восшествие на престол Людовика XVI было всеми воспринято с радостью и надеждой, выражением которых стало добавление к имени короля лестного эпитета

«Желанный». Марию-Антуанетту, о которой в народе тогда ничего еще не знали, кроме того, что она очень красива, простолюдины приветствовали с тем же энтузиазмом, что и своего добродетельного девятнадцатилетнего короля.

С молодым королем связывали надежды на реформы, способные вывести страну из кризиса. В просвещенных кругах открыто обсуждали «Общественный договор» Жан-Жака Руссо, ставший своего рода новым евангелием для образованного общества. Идея нравственного совершенствования человечества словно вирус овладела умами, отвергавшими традиционные ценности и прежде всего религию. Возникло множество масонских лож и всевозможных философских обществ. «Со времени изгнания иезуитов, — отмечала биограф Людовика XVI Эвелин Левер, — парламентарии и философы составили своего рода соединенную партию. Осмелев от этого успеха, магистраты не желали больше безропотно подчиняться давлению королевской власти».

Повсюду, включая дворянскую и даже аристократическую среду, велись навеянные модой, но от того не менее опасные для устоев Старого порядка разговоры о равенстве и свободе.

Но общественные настроения имели не только отвлеченный характер. В них присутствовали и совершенно определенные требования: удаление ненавистных министров, восстановление распущенной Людовиком XV старой парижской магистратуры и ликвидация вновь созданной*, реформа финансовой системы, неотложные меры по преодолению голода, искусственно вызывавшегося государственной монополией на хлебную торговлю. Эти и другие пожелания были доведены до сведения молодого короля.

Людовику XVI потребовалось некоторое время для того, чтобы определиться с новым курсом, а также подобрать министров, которым он мог бы доверять и на которых мог

* Парижский парламент, отказывавшийся утверждать финансовые аферы Людовика XV, был распущен королем по инициативе канцлера Мопу, а 130 его членов отправлены в ссылку. Вместо распущенного парламента король сформировал новый (так называемый «парламент Мопу»), не пользовавшийся доверием общества.

опереться. В размышлениях на эту тему юный король руководствовался, по всей видимости, не только господствовавшими в обществе настроениями и ожиданиями, но и теми принципами, на которых он был воспитан. Действительно, при формировании нового министерства и Королевского совета Людовик XVI призвал к власти тех, кто когда-то пользовался доверием глубоко почитаемого им покойного отца. В то же время новый король обнаружил и понимание назревших проблем, требовавших новых подходов и прежде всего принятия неотложных мер по преодолению тяжелого финансового кризиса, доставшегося ему в наследство от расточительного деда.

Бюджетный дефицит делал неизбежной политику жесткой экономии. Вот что сообщал 15 мая 1774 года из Парижа в Петербург российский посланник князь Иван Сергеевич Барятинский: «Ожидают, что дворцовые расходы уменьшены будут во всех частях, и в самом деле сделаны уже некоторые убавки. Все сие подает народу великую надежду о хорошем впредь правлении нынешнего короля».

Первое время казалось, что Людовик XVI оправдывает связанные с ним надежды. Он подкрепил свою популярность, отказавшись от 15 млн ливров, положенных ему по традиции при вступлении на трон. По рекомендации короля Мария-Антуанетта последовала его примеру и отказалась от полагавшихся ей 10 млн ливров. Король недвусмысленно намекнул на предстоящее сокращение пенсий, бенефиций и других синекур, полученных придворными в предыдущее царствование. Речь шла о многомиллионных суммах, исчезающих в карманах многочисленной версальской камарильи.

«Народ к новому королю в восхищении, и около замка, где король изволит жить, подлинно собираются в великом множестве», — докладывал в Петербург князь Барятинский. Но одновременно он говорил и о слабости характера молодого короля, нуждавшегося в «достойных» и «заслуженных» помощниках.

Трудную задачу — восстановить утраченную государством устойчивость — Людовик XVI возложил на новое министерство, сформированное летом 1774 года. Непопулярные ми-

нистры — д'Эгильон, Мопу и аббат Терре — потеряли свои посты. На их место были призваны новые — Морепа, Мюи, Верженн, Тюрго и другие. Добившись от сосланных его предшественником магистратов согласия на ряд условий — немедленную регистрацию королевских эдиктов, невмешательство Парижского парламента в дела духовенства и тому подобное, — Людовик XVI распустил «парламент Мопу» и восстановил в правах прежнюю парижскую магистратуру.

Важнейший пост генерального контролера финансов и одновременно морского министра был доверен Анн Роберу Жаку Тюрго, популярному в обществе лидеру «партии экономистов», который давно выступал против чрезмерной расточительности двора и государства, а также против введения новых налогов и займов. Тюрго надеялся выйти из финансового кризиса путем жесткой экономии и либерализации торговли. Это был честный и энергичный человек, склонный, правда, к доктринерству — не столько политик, сколько ученый-энциклопедист.

Министром королевского двора стал Кретъен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб — друг и единомышленник Тюрго. В свое время он активно содействовал изданию «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. Мальзерб начал с наведения порядка в своем ведомстве, всегда бывшим кормушкой для многих десятков, если не сотен придворных бездельников, домогавшихся — и небезуспешно — всевозможных высокооплачиваемых синекур. Он убедил короля в необходимости резкого ограничения этих синекур и установил строгую отчетность в доходно-расходных статьях бюджета дворцового ведомства. Мальзерб сумел добиться согласия короля на уничтожение позорной практики *lettres de cachet* — тайных приказов за королевской подписью об аресте и тюремном заключении без суда и следствия любого француза или иностранца, после чего лично явился в Бастилию и освободил содержащихся там узников, арестованных на основании *lettres de cachet*. Конец Мальзерба был ужасен: в 1794 году 73-летний филантроп, осмелившийся выступить защитником на процессе Людовика XVI, будет обезглавлен якобинцами вместе с дочерью, внучкой и их мужьями.

Генеральный контролер финансов добился запрета государственных закупок и складирования зерновых, что должно было развязать руки сельскохозяйственным производителям и частным торговцам. Эта мера была встречена с энтузиазмом в обществе и с нескрываемой ненавистью теми, кто успешно наживался на хлебной монополии. Вчерашние монополисты начали организованный саботаж этого решения и сумели, искусственно взвинтив цены на продовольствие, спровоцировать голодные бунты. Их цель заключалась в том, чтобы свалить Тюрго, занятого в то время подготовкой королевских эдиктов о ликвидации барщины, изживших себя цеховых корпораций, а также о восстановлении в гражданских правах протестантов в соответствии с Нантским эдиктом 1598 года, фактически отмененным Людовиком XIV в 1685 году.

В борьбе против либеральных начинаний Тюрго — Мальзерба объединились все консервативные силы: бюрократия, духовенство, крупные земельные собственники, все еще многочисленные и влиятельные получатели королевских бенефиций. Среди недругов двух министров оказалась и королева, недовольная их попытками ограничить ее траты. Другим влиятельным противником либералов был глава кабинета (первый министр) граф де Морепа, убежденный консерватор, которому реформы, проводимые Тюрго и Мальзербо, были абсолютно чужды.

Многочисленные и влиятельные противники генерального контролера не оставляли стараний добиться падения Тюрго. В начале 1776 года они перешли в контрнаступление, заручившись поддержкой Парижского парламента. В феврале 1776 года парламент, возобновивший противоборство с королевской властью, принял постановление об изъятии и сожжении брошюры «Неудобства феодальных прав», изданной под покровительством Тюрго. Вольтер называл это сочинение «Полным сводом гуманности», но в постановлении парламента авторы брошюры были обвинены в оскорблении законов и обычаев Франции, священных и неприкосновенных прав короны и права собственности частных лиц, наконец, в подрыве всей системы монархического правления. Парламент высказал и отрицательное отношение к подготовленным

эдиктам об уничтожении последних феодальных повинностей, а также отживших свое цеховых корпораций — сословия так называемых цеховых присяжных. Магистраты отправили даже соответствующую депутацию к королю с выражением своего протеста. Выслушав их, король сокрушенно сказал: «Я вижу, что никто, кроме меня и Тюрго, не любит народ».

У Людовика XVI еще хватило духа утвердить 12 марта 1776 года подготовленные генеральным контролером эдикты, но он оказался бессилён перед мощным напором противников Тюрго, возглавляемых королевой и графом Морепа.

12 мая 1776 года враги Тюрго сумели — таки склонить слабовольного короля к отставке министра финансов. Затравленный клеветой и интригами Мальзерб вынужден был уйти еще раньше. Вольтер отозвался на падение Мальзерба и Тюрго горькими строками: «Франция была бы слишком счастлива. Союз этих двух министров мог сделать чудеса. Я никогда не утешусь, увидев зарождение и гибель Золотого века, который они нам подготовляли».

После падения Мальзерба и Тюрго руководство всеми делами сосредоточилось в руках графа Морепа — 75-летнего старца, начинавшего карьеру еще при Людовике XIV и попавшего в опалу при Людовике XV за фривольный стишок о мадам Помпадур, который ему ошибочно приписали. Трудно было ожидать от графа свежих идей и тем более энергичных действий, способных существенно изменить положение дел в стране. Единственное, чем новый старый министр был серьезно озабочен, так это, ничего не меняя, спокойно умереть на высоком посту, и, надо сказать, ему это удалось. Жан-Фредерик Фелипо де Морепа умер в 1781 году в возрасте восьмидесяти лет.

Отставка либеральных министров означала победу консервативных сил и одновременно ослабление королевской власти. Она знаменовала фактический разрыв этой власти с набравшей силу либеральной частью общества, которая под влиянием идей Просвещения переходила в наступление на Старый порядок.

Натиск либералов, в рядах которых окажутся многие представители французской аристократии, усилился с началом

освободительной войны североамериканских колоний против британского владычества. Идеи Декларация независимости, принятой Континентальным конгрессом США 4 июля 1776 года, получили самый горячий отклик во Франции. В этом смысле отказ короля от либеральных реформ, выразившийся в отставках Мальзерб и Тюрго, лишь усилил оппозиционные настроения во Франции. В результате слабеющая на глазах королевская власть оказалась перед лицом двух противников — консерваторов и либералов. 1776 год рассеял первоначальные иллюзии, связанные с вступлением на престол Людовика Желанного.

А версальский двор продолжал беззаботно веселиться, не желая знать истинного положения в стране. Разительным контрастом праздной роскоши двора и аристократических салонов было убогое, недостойное человека существование 23-миллионной крестьянской массы, составлявшей до 85 процентов населения тогдашней Франции. Именно крестьяне, обложенные тальей, «двадцатиной», «капитацией», «габелью» и другими видами налогов, оплачивали беззаботную жизнь тунеядствовавшей верхушки общества. Население многих провинций было доведено до крайней черты бедности. По стране бродили толпы нищих, общее число которых даже по официальным данным в 1777 году превысило миллион человек.

Последующие двенадцать лет, предшествовавших революционному взрыву, характеризовались накоплением потенциала недовольства всех и вся положением дел в стране. Людовик XVI, смутно ощущавший приближение грозы, пытался как-то исправить усугублявшееся неблагополучие. В октябре 1776 года он призвал на помощь 44-летнего швейцарского финансиста Жака Неккера, поручив ему восстановить расстроенные государственные финансы Франции. Но стоило Неккеру начать политику жесткой экономии, предполагавшей прежде всего борьбу с расточительностью двора, как он нажил себе в окружении короля влиятельных противников. Неравная борьба продолжалась четыре с половиной года. Весной 1781 года она завершилась отставкой и высылкой

Неккера после того, как он осмелился опубликовать роспись государственных доходов и расходов, показавшую всю глубину финансового истощения страны.

Экономический кризис был усугублен вмешательством Франции (февраль 1778 года) в войну против Англии на стороне Североамериканских Соединенных Штатов, что повлекло за собой колоссальные военные расходы, которые так и не будут возмещены американцами.

Сменивший Неккера в руководстве финансами граф Шарль-Александр де Калонн* был достаточно противоречивой фигурой. С одной стороны, памятуя о судьбе своего предшественника, отправившегося в изгнание, он старался ладить с двором и соглашался на траты из казны в пользу влиятельных сановников**.

С другой стороны, Калонн, будучи трезвомыслящим политиком, сознавал бедственное положение страны, государственный долг которой к середине 1780-х годов превысил 3 млрд ливров. У государства не было денег даже на уплату процентов по долгам. Никто из кредиторов не желал иметь дело с разорившейся казной. Все это Калонн вынужден был 26 августа 1786 года сообщить Людовику XVI. На вопрос короля, как же выйти из этого положения, государственный контролер финансов предложил повысить налоги, в том числе на табак, масло, мыло, соль и колониальные товары. Король слушал его благосклонно до тех пор, пока Калонн не предложил ввести единую налоговую систему, подчинив ей дворянство и духовенство. «Но ведь это же Неккер в чистом виде!» — воскликнул Людовик XVI. «Сир, — смущенно ответил Калонн, — в нынешнем положении вещей я не могу предложить вам ничего лучшего».

* Свою деятельность Калонн начал с того, что погасил за счет королевской казны личные долги в размере 220 тыс. ливров.

** При нем продолжали процветать синекюры — хорошо оплачиваемые должности, не связанные с исполнением каких-либо обязанностей, пенсии, субсидии, королевские «дары». Так, например, графу д'Артуа, младшему брату короля, на покрытие его долгов из казны было выплачено 23 млн ливров, графине де Полиньяк на те же цели — 1,2 млн ливров, графу де Гишу на приданое его дочери — 100 тыс. ливров и т. д.

Поиски альтернативы предложению Калонна ни к чему не привели, и король вынужден был последовать другому его совету — созвать ассамблею нотаблей*.

22 февраля 1787 года 144 нотабля собрались в Версале, где с подробным докладом выступил Калонн. При всем желании угодить королю генеральный контролер финансов не мог скрыть того бедственного положения, в котором оказалась Франция. Вот уже сто лет, признал Калонн, как государство живет в долг. Налоги съедаются за три года до того, как их соберут. Причина — растущая бедность податного населения. Выход только один: обложение налогами тех, кто до сих пор был от них освобожден, — дворянства и церкви.

Никто и никогда не осмеливался говорить такие вещи публично, как никто не осмеливался оглашать размер государственного дефицита — 1 млрд 250 млн ливров (в действительности это была лишь половина реального дефицита).

Признания Калонна вызвали в обществе волну панических настроений. Людовик XVI, вернувшись к себе, в гневе разбил об пол первый попавшийся ему под руку стул со словами: «Этот мошенник Калонн! Я должен был приказать повесить его».

Речь Калонна была для него последней в качестве министра. В середине апреля 1787 года его отправили в отставку. На его место стараниями Марии-Антуанетты был назначен Ломени де Бриенн, архиепископ Тулузский. Новый министр начал свою деятельность с введения новых налогов. Его избретательность поражала. Он ввел налог даже на занятие музыкой...

А ассамблея нотаблей проработала до конца мая, приняв ряд рекомендаций, автором которых был... опальный Калонн — снятие ограничений с торговли зерном, созыв провинциальных ассамблей для обсуждения и решения местных проблем, а также для обеспечения общественного контроля

* Ассамблея нотаблей — совещательный орган, созываемый королем в кризисных ситуациях для обсуждения путей выхода из кризиса. Состав этого временного органа формировался лично королем из принцев крови, герцогов, других представителей высшей знати, а также определенного числа представителей городской буржуазии.

за взиманием налогов и всей финансовой деятельностью администрации на местах. Одновременно ассамблея рекомендовала королю принять ряд послаблений в отношении протестантов в соответствии с Нантским эдиктом 1598 года. 7 ноября 1787 года Людовик XVI подписал эдикт, вернувший протестантам гражданские права.

Ответственность за громадный дефицит молва приписывала Австриячке Марии-Антуанетте, которая в это время получила еще одно прозвище — Мадам Дефицит. От былой популярности королевы не осталось и следа. Все только и говорили, явно преувеличивая, о ее безумных расходах — на строительство личной резиденции в Версале (Малый Трианон), на роскошные наряды и дорогие украшения.

Серьезный ущерб ее репутации, как и репутации всей королевской семьи, нанес скандал с «ожерельем королевы», разразившийся в 1785 году, когда пошел слух, что Мария-Антуанетта получила в подарок от влюбленного в нее кардинала де Рогана ожерелье с бриллиантами стоимостью 1 млн 600 тыс. ливров. Скандал, за которым стояли авантюристы («граф» Калиостро, мадам де Ла Мотт, «баронесса» д'Олива и другие), завершился наказанием его организаторов и оправданием кардинала де Рогана. И хотя непричастность королевы к «делу с ожерельем» была полностью доказана, это окончательно добило ее репутацию.

Вторая половина 1780-х годов для Франции характерна «кризисом верхов». Старый порядок одряхлел на глазах одного лишь поколения. Абсолютизм все больше превращался в фикцию, а власть бюрократии приходила в противоречие с динамично развивавшимся гражданским обществом, стремившимся к обновлению страны. Противников абсолютизма можно было встретить уже не только в третьем сословии, но и в среде привилегированного дворянского класса, в котором выделились два основных течения — либерально- и консервативно-реформистское, — в одинаковой степени, хотя и по разным причинам отвергавшие старый абсолютистско-бюрократический строй. Либералы, ссылавшиеся на пример Англии, Голландии и Соединенных Штатов, настаивали на реформах буржуазного характера, а консерваторы требовали возвраще-

ния к прежним дворянским правам и вольностям. При этом и те, и другие выступали за ограничение абсолютистской бюрократии, значительно усилившейся со времен Людовика XIV. Что касается королевской власти, то она постепенно оказалась в изоляции даже внутри самого дворянского сословия.

«Кризис верхов» обострялся буквально с каждым днем. Едва лишь завершила свою работу ассамблея нотаблей, как в июне 1787 года разразился конфликт между королевской властью и дворянской оппозицией, рупором которой выступил Парижский парламент. Утвердив королевские эдикты о свободе хлебной торговли, созыве провинциальных ассамблей и предоставлении гражданских прав «некатоликам», парижские магистраты отказались зарегистрировать (то есть придать им законную силу) эдикты о введении нового бессословного «территориального налога», которым предполагалось обложить все без исключения земельные владения. Одновременно они отказались зарегистрировать эдикт о новом гербовом сборе.

Король вызвал магистратов в Версаль, где в категоричной форме потребовал одобрить эти эдикты. Со своей стороны, Парижский парламент выдвинул требование о созыве Генеральных штатов* для рассмотрения возникшего конфликта. Это требование неожиданно было поддержано герцогом Орлеанским, членом королевской семьи. Вернувшиеся из Версаля магистраты были встречены в Париже как герои, а герцог Орлеанский на следующий день отправился в ссылку в одно из своих владений.

В августе 1788 года Людовик XVI вынужден был дать отставку ненавидимому обществом Ломени де Бриенну и призвать на его место «женевского еретика», как называли Неккера недоброжелатели. Париж отпраздновал уход архиепископа манифестациями, сопровождавшимися столкновениями горожан с войсками. «Меня принуждают вновь

* Собрание представителей (депутатов) от трех сословий — духовенства, дворянства и третьего сословия для обсуждения неотложных проблем общенационального значения. Со времени возникновения этого представительного совещательного органа в 1302 году Генеральные штаты созывались восемнадцать раз. Последний перед 1789 годом их созыв имел место в 1614 году.

призвать Неккера, — невесело изрек король. — Он принесет мне несчастье».

Когда Неккер вернулся к руководству финансами, он обнаружил в королевской казне в наличии лишь 250 тыс. ливров. Опытному финансисту стало ясно, что положение могут спасти лишь объединенные усилия всех сословий Франции.

Для подготовки созыва Генеральных штатов Людовик XVI вновь обратился к нотаблям, вторично собравшимся в Версале в ноябре 1788 года. Центральным вопросом дискуссий на второй (и последней) ассамблее нотаблей стало представительство третьего сословия в Генеральных штатах. Общественное мнение требовало, чтобы третьему сословию было предоставлено двойное представительство, а голосование проводилось не по сословиям, а по числу депутатов. Король пытался возражать, но под мощным напором провинциальных ассамблей 27 декабря 1788 года вынужден был согласиться с этими требованиями.

Открытию Генеральных штатов предшествовало торжественное шествие по Версалю 1200 депутатов от трех сословий, а также напутственная месса, отслуженная в храме св. Людовика 4 мая 1789 года.

Толпа версальцев и приехавших в королевскую резиденцию парижан с любопытством отыскивала среди депутатов известных людей — возвращенного из ссылки герцога Орлеанского, «героя Нового Света» маркиза де Лафайета, скандально известного своими похождениями графа де Мирабо и других героев светской и скандальной хроник. Среди свидетелей этого торжественного шествия находилась и начинающая писательница Жермена де Сталь, дочь Неккера. Она приветствовала депутатов с балкона своего дома. «Вы напрасно радуетесь, мадам, — охладила ее пыл графиня де Монморен, жена министра иностранных дел, наблюдавшая за процессией с соседнего балкона. — Все это приведет к большим несчастьям для Франции и для всех нас».

В тронной речи при открытии Генеральных штатов Людовик XVI предостерег депутатов от «неумеренных нововведений». Выступивший затем генеральный контролер финансов также обманул всеобщие ожидания, постаравшись обойти

острые углы. Дальнейшие заседания свелись к спорам о пословном или поименном голосовании. Все испытывали чувства разочарования.

Людовик XVI почти сразу же отстранился от участия в работе Генеральных штатов из-за болезни и последующей смерти (4 июня) старшего сына, семилетнего Луи-Жозефа Французского. Дофином был объявлен четырехлетний Луи-Шарль, герцог Нормандский (будущий Людовик XVII). Король же, убитый горем, уединился в Марли — другой своей резиденции — и под разными предлогами откладывал встречу с делегацией третьего сословия, желавшей получить его согласие на поименное голосование.

В разгар этих споров о том, как голосовать, и при полном бездействии короля палата третьего сословия 17 июня провозгласила себя Национальным собранием, приняв формулу: «Национальное собрание решает и декретирует».

Двор охватила растерянность. Людовик XVI, поощряемый королевой и младшим братом графом д'Артуа, принял решение распустить самопровозглашенное Собрание. Солдаты преградили депутатам путь в Зал малых забав, где заседала палата третьего сословия. Под проливным дождем депутаты начали искать какое-то другое помещение для продолжения работы. В конце концов они нашли пустующий просторный зал, служивший манежем для игры в мяч. Здесь депутаты принесли клятву не расходиться до тех пор, пока не будет «разработана и на прочной основе утверждена конституция королевства».

К депутатам третьего сословия стали присоединяться перебежчики из двух других палат. К 23 июня, когда должно было открыться Королевское заседание, к самопровозглашенному Национальному собранию присоединилась значительная часть депутатов от дворянства и даже от духовенства.

Людовик XVI, явившись на заседание Собрания, объявил о его незаконности, как и о незаконности принимаемых им решений. Одновременно он приказал депутатам разойтись и продолжить работу по своим палатам, после чего покинул зал.

Собрание охватила растерянность. В этот критический момент прозвучало ставшее историческим заявление графа

Оноре-Габриеля Рикетти де Мирабо, обращенное к главному церемониймейстеру двора маркизу де Дре-Брезё, потребовавшему немедленно освободить помещение. «Вы, кто не имеет среди нас ни места, ни голоса, ни права говорить, — громогласно объявил Мирабо, — идите к вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя отсюда удалить иначе, как силой штыков». Слова Мирабо вернули Собранию утраченную решимость.

Перед лицом открытого неповиновения третьего сословия, поддержанного частью депутатов от дворянства и духовенства, король вынужден был отступить. Уже 27 июня он приказал представителям первого и второго сословий присоединиться к Национальному собранию, признав тем самым все его постановления от 17 июня. После этого оно изменило название, добавив слово «учредительное», стало именоваться Национальным учредительным собранием и функционировать как законодательный орган.

Была ли одержанная Собранием победа окончательной?

Разумеется, нет. Роялистская реакция не примирилась с поражением. Подталкиваемый королевой и графом д'Артуа, лидером роялистской партии, Людовик XVI под предлогом защиты Национального собрания распорядился вызвать в Версаль полки иностранных наемников. Когда об этом стало известно, Мирабо предложил вывести из Версаля все воинские части, а в Париже срочно начать формирование отрядов буржуазной милиции.

11 июля стало известно, что король отправил в отставку Неккера, приказав ему покинуть пределы Франции. Это было воспринято как шаг к реваншу «партии двора», то есть роялистов. По Парижу поползли слухи о готовящемся роялистами перевороте, который якобы должен произойти 15 июля. В саду Пале-Рояля никому не известный доселе молодой человек с двумя пистолетами за поясом, начинающий литератор Камилл Демулен, страстно призывал парижан защищаться. Призыв к оружию быстро распространился по городу.

14 июля 1789 года, между 9 и 11 часами утра, многотысячная толпа парижан захватила Дом инвалидов и извлекла из

его подземелий 28 тыс. ружей и пять пушек. К середине дня под ружьем было уже до 60 тыс. горожан.

Кто первым бросил клич идти на Бастилию? Никто не знает этого до сих пор. И почему именно на Бастилию? Ведь в городе были и другие тюрьмы. К тому же было известно, что Бастилия — это тюрьма для дворян.

Скорее всего выбор восставшего народа пал на Бастилию по той причине, что она непосредственно граничила с беспокойным Сент-Антуанским предместьем, где проживали торговцы, ремесленники и прочий рабочий люд.

В 5 часов пополудни тюрьма-крепость была взята штурмом восставшими парижанами ценой жизни 98 человек. Командант Бастилии маркиз де Лонэ был растерзан на ступенях Ратуши, где пытался найти убежище. Его отрубленная голова была надета на пику и «путешествовала» по городским площадям и улицам.

Каково же было удивление победителей, ожидавших освободить из «застенков» десятки, а то и сотни жертв деспотизма, когда они обнаружили там всего семерых заключенных. Четверо из них оказались фальшивомонетчиками. Из казематов был освобожден буйно помешанный граф де Мельвилль, оказавшийся в Бастилии по просьбе его же семьи, а также Огюст Тавернье, сообщник Дамьена, пытавшегося в 1757 году убить Людовика XV. Вскоре после освобождения Мельвилля и Тавернье повторно признают невменяемыми и поместят в клинику для душевнобольных в Шарантоне. «Бастион деспотизма» явно разочаровал парижан. Тем не менее взятие тюрьмы, которая вскоре будет до основания разрушена, стало поводом для народных гуляний.

Падение Бастилии стало символическим началом революции и одновременно концом Старого порядка. Этот день — 14 июля 1789 года — подвел черту и под всей предыдущей жизнью Людовика XVI, которая отныне будет представляться ему как безмятежная и даже счастливая.

Весть о штурме Бастилии была получена в Версале через два часа. «Это уж слишком!» — только и воскликнул Людовик XVI. Утром следующего дня напуганный король принял

делегацию Национального собрания, пообещав депутатам вывести войска из Версаля и сотрудничать с Собранием в целях восстановления порядка в столице. В тот же день известный ученый-астроном Жан Сильвен Байи был избран мэром Парижа, а генерал Жильбер де Лафайет — командиром стихийно возникшей еще 13 июля городской милиции — Национальной гвардии, отличительным знаком которой стала трехцветная (красно-сине-белая) кокарда. Такое цветовое сочетание соединило в себе красно-синий цвета Парижа и белый — символ монархии. Триколор станет новым государственным флагом Франции.

Прибывший 17 июля в Париж Людовик XVI утвердил назначения Байи и Лафайета, который вручил королю революционную кокарду. Когда уставший Людовик XVI к ночи вернулся в Версаль, то королева, увидев на нем кокарду, сорвала ее со словами: «А я и не знала, что вышла замуж за простолюдина».

Внимательно следивший за развитием событий в Париже российский посланник Иван Матвеевич Симолин сообщал в Петербург 19 июля 1789 года: «Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена». Симолин, правда, несколько поспешил с последним утверждением. Монархия в ее обновленном виде просуществует во Франции еще три года, но Старому порядку действительно пришел конец.

Июльские события в Париже вызвали начало процесса эмиграции из Франции противников революции. Первым эмигрантом-роялистом стал, наверное, граф д'Артуа, младший брат Людовика XVI. Уже 16 июля с благословения короля он покинул охваченный волнениями Париж и тайно выехал из Франции искать внешней поддержки против «восставшего плебса». В скором времени вместе с принцем Конде они начнут формировать роялистскую армию из эмигрантов, поток которых будет постоянно нарастать.

4 августа 1789 года Учредительное собрание приняло решение об уничтожении всех сословных привилегий дворянства и духовенства, а также остатков феодальных повинностей крестьян перед сеньорами и монастырями. 11 сентября

после бурных дискуссий 673 голосами против 325 при 11 воздержавшихся Собрание утвердило так называемое «приостанавливающее вето» короля. Это было компромиссное решение вопроса о взаимоотношениях законодательной и исполнительной властей. Учредительное собрание принимает законы, а король сохраняет право приостанавливать (на определенное время) их вступление в силу. Достигнутый компромисс (часть депутатов настаивала на абсолютном вето короля) имел целью обеспечить не только разделение, но и равновесие властей, ни одна из которых не получила бы преобладающего влияния.

Людовик XVI поспешил воспользоваться предоставленным ему правом и отказался утвердить ряд решений Учредительного собрания, в частности Декларацию прав человека и гражданина, принятую 26 августа.

С конца сентября по Парижу стали распространяться слухи о готовящейся в Версале контрреволюции. Роялисты сами подливали масла в огонь народного недовольства. Еще в начале сентября при дворе был устроен банкет в честь офицеров Фландрского полка и полка Монморанси, считавшихся опорой трона. На банкете, где присутствовали королева и малолетний дофин, гости были украшены белыми монархическими кокардами, а трехцветное знамя подверглось поруганию. Слух об этом дошел до Парижа и вызвал там всеобщее возмущение.

Между тем в столице еще с конца августа остро ощущался продовольственный дефицит. «Уже восемь дней, — сообщал 28 августа в Петербург Симолин, — как хлеба не только недостаточно и он дурного качества, но во вторник, среду и вчера его было так мало, что я даже не мог достать его для себя». Нехватку хлеба и другого продовольствия в Париже объясняли происками Версаля. Всем было известно, что летом собрали богатый урожай. Невольно вставал вопрос: куда он девался?

Как это часто бывало во многих революциях, взрывным элементом стали женщины, часами простаивавшие в очередях и потому предельно раздраженные. В понедельник 5 октября набатный колокол вновь призвал народ Парижа

к оружию. Огромная толпа, преимущественно состоявшая из женщин, ворвалась в Ратушу с требованием хлеба. С большим трудом ее удалось вытеснить оттуда. С криками «На Версаль!» толпа под проливным дождем устремилась в направлении загородной королевской резиденции.

Оповещенный о женском бунте Людовик XVI срочно собрал министров. Некоторые из них предлагали рассеять толпу силами версальского гарнизона, возглавлявшегося адмиралом д'Эстеном. Окончательного решения, однако, так и не приняли.

Между тем толпа, достигнув Версаля, смяла охрану и ворвалась в зал заседаний Учредительного собрания с криками: «Хлеба! Хлеба!» Выкрикивались угрозы по адресу королевы, которую почему-то считали источником всех бед. Воспользовавшись вторжением народа, Собрание добилось от Людовика XVI утверждения принятых депутатами в августе декретов.

А возбужденная толпа плотным кольцом окружила королевский дворец. На рассвете 6 октября произошло столкновение между парижанами и дворцовой гвардией, открывшей огонь. Рассвирепевшая толпа захватила одного из гвардейцев и тут же линчевала его. Несчастному отрезали голову и, водрузив ее на пику, обнесли вокруг дворца с криками: «Бей охрану! Смерть королеве! Долой Австриячку! Мы поджарим ее печенку и сделаем кокарды из ее кишок!..»

Разбуженная стрельбой и криками Мария-Антуанетта в ночной рубашке прибежала спасаться в спальню короля. Людовик XVI еще не растерял окончательно доверия своих подданных. Возбужденная толпа лишь призывала его вернуться в Париж, к своему народу. Вся ненависть сосредоточилась исключительно на Марии-Антуанетте.

Срочно явившийся во дворец командир Национальной гвардии, популярный в народе генерал Лафайет попытался успокоить толпу. Затем он поднялся в королевские покои и настойчиво предложил Людовику и Марии-Антуанетте выйти с ним на балкон.

«Вы что, не слышите, что они кричат в мой адрес?» — ответила дрожащая от ужаса королева.

«Да, мадам, и все же идемте!» — твердо сказал Лафайет.

Он вывел на балкон Марию-Антуанетту, державшую за руку разбуженного криками мальчика-дофина, который был явно перепуган. Желая предупредить неконтролируемое поведение возбужденной толпы, Лафайет почтительно склонился перед королевой и поцеловал ей руку. Обескураженная толпа на мгновение замерла. Лафайет верно рассчитал свой театральный жест. Он хорошо знал, что парижане, вернее, парижанки, чувствительны к внешним эффектам. Уже через минуту послышались выкрики: «Да здравствует генерал! Да здравствует королева! В Париж! В Париж!»

Людовик XVI тут же объявил, что идет навстречу пожеланиям народа и уже сегодня вместе со всей семьей переедет в столицу. Туда же переберется и Учредительное собрание. Вечером того же дня генерал Лафайет лично доставил королевское семейство сначала в Ратушу, а затем в Тюильри.

Этим символическим переездом завершился версальский период французской монархии. Оценивая события 5–6 октября 1789 года, Иван Симолин сообщал 9 октября в Петербург: «Причинами этого восстания (женского бунта. — П. Ч.) были нужда в хлебе в Париже, которая действительно очень велика, и распространение слуха о задуманном аристократической партией похищении короля и намерении препроводить его в Мец. В результате, чтобы успокоить это волнение, король вынужден был согласиться покинуть Версаль со всей королевской семьей и переселиться в Париж, в Тюильри».

«Поход на Версаль» имел далекоидущие последствия как для престижа монархии, так и для дальнейшего развития революции. «Вторжение народа во дворец нанесло королевской власти такой удар, от которого она уже не оправилась», — констатировал знаменитый анархист Петр Кропоткин, автор исследования по истории Французской революции. С этого момента король стал заложником революции, продолжавшей набирать обороты. 10 октября Учредительное собрание приняло декрет, согласно которому Людовик XVI из «Божьей милостью короля Франции и Наварры» стал «королем французов». Эта формула позднее будет зафиксирована в первой французской конституции 1791 года.

Тогда же, в октябре 1789 года, Франция была разделена на 83 департамента, наделенных равными правами. Отныне бретонцы, провансальцы, вандейцы, гасконцы и жители других исторических провинций становились гражданами действительно единого государства.

Немногим позже Учредительное собрание обязало всех священнослужителей принести гражданскую присягу верности революции. Не присягнувшие священники объявлялись врагами и подлежали изгнанию. Одновременно французская церковь была объявлена полностью независимой от папского престола.

Вплоть до 1791 года мало кто во Франции всерьез помышлял об установлении республики. Подавляющее большинство склонялось к конституционной монархии, а Людовик XVI, при его мягкости характера и умеренности взглядов, лучше других претендентов на престол (двух своих братьев) подходил на роль конституционного монарха. С развитием революции он — хотя и с трудом, преодолевая сомнения и подвергаясь давлению со стороны непримиримых роялистов, — приходил к пониманию необходимости сотрудничества с новым режимом, хотя и не отказывался от надежды восстановить прежний порядок.

Ультрароялисты не могли не видеть податливости короля, его склонности к компромиссу с революцией. Поэтому они сделали ставку на более решительно настроенную Марию-Антуанетту, надеясь с ее помощью склонить Людовика XVI к бегству из революционной столицы. Идеальным местом для новой королевской резиденции они считали город-крепость Мец в Лотарингии, где можно было начать подготовку к контрреволюционному выступлению на взбунтовавшийся Париж.

С осени 1790 года группа заговорщиков под руководством графа Ферзена (первого и последнего любовника королевы, что бы о ней ни говорили недоброжелатели), министра двора барона де Бретейля и маркиза де Буйе начали готовить побег (или похищение) короля. Их планам благоприятствовало назначение в августе 1790 года Буйе командующим войсками, сосредоточенными в Эльзасе, Лотарингии, Франш-

Конте и Шампани (90 батальонов пехоты и 100 эскадронов кавалерии).

Людовик XVI был посвящен в этот план, но испытывал колебания, преодолеть которые ему помогла Мария-Антуанетта. Ей удалось убедить короля дать заговорщикам свое согласие. Им передали, что король будет готов бежать в марте-апреле 1791 года.

Первая попытка королевской семьи выехать 18 апреля из Парижа под предлогом участия в пасхальной литургии в Сен-Клу была пресечена бдительными национальными гвардейцами. После этого инцидента король стал демонстрировать подчеркнутую лояльность к Учредительному собранию. Он даже принял «конституционное причастие» из рук присягнувшего революции священника. За всем этим скрывалась активная подготовка к бегству.

Вторая попытка покинуть Париж была предпринята в ночь с 20 на 21 июня 1791 года. В определенный дворцовым этикетом час, как обычно, совершалась церемония отхода короля ко сну. На нее в тот вечер был специально приглашен командир Национальной гвардии генерал Лафайет. Людовик XVI любезно побеседовал с ним о каких-то пустяках и распрощался. Едва Лафайет покинул Тюильри, как король, отпустив камердинера, быстро переоделся в заранее подготовленный костюм лакея и через потайной ход прошел в пустующую квартиру, где его поджидал один из заговорщиков. Незамеченные в темноте, они пересекли площадь Карусель. У отеля Геларбуа король сел в карету, которой управлял переодетый кучером граф Ферзен. В карете его уже ждали дети, их гувернантка мадам де Турзель и сестра, принцесса Элизабет. Вскоре к ним присоединилась Мария-Антуанетта, у которой на руках был паспорт на имя русской баронессы Корф, полученный через посланника Екатерины II графа Симолина. Людовик XVI значился в бумагах лакеем русской аристократки, путешествующей с детьми по Европе.

Одновременно с королем в ту же ночь, но другим маршрутом бежал его брат, граф Прованский с супругой. С английскими паспортами им удалось благополучно пересечь грани-

цу с Австрийскими Нидерландами и обосноваться сначала в Брюсселе, а затем в Кобленце.

Между пятью и шестью часами утра 21 июня дворцовая прислуга обнаружила, что королевские спальни пусты, о чем немедленно сообщили в Учредительное собрание, мэрию и командованию Национальной гвардии.

Вскоре парижане были разбужены гулом набата и тремя пушечными выстрелами. Это был знак боевой тревоги для всех батальонов Национальной гвардии и войск Парижского гарнизона. К полудню под ружьем находилось уже 70 тыс. человек.

Лафайет, которого его противники позднее обвинят в пособничестве беглецам, сразу же выдвинул версию: «Король обманут и похищен». Одновременно он распорядился начать поиски исчезнувшего короля, поручив руководить ими своему адъютанту Луи де Ромефу.

Ранним утром 22 июня Ромеф достиг королевскую семью недалеко от границы, в местечке Варенн, где беглецов опознал и задержал тамошний почтмейстер Жан-Батист Друэ. Революционная бдительность Друэ будет вознаграждена премией в сумме 30 тыс. ливров и последующим избранием скромного почтмейстера в депутаты Конвента.

25 июня в 18 часов Людовик XVI и его семья под охраной были доставлены в столицу. В Тюильри их встретил генерал Лафайет, продолжавший отстаивать свою версию о похищении короля. Такая версия вполне устраивала и раздосадованного неудачей Людовика XVI. Приветствуя короля, Лафайет сказал: «Сир, вы знаете мою привязанность к вам, но вы также должны знать, что если вы противопоставите себя воле народа, то я останусь на его стороне...»

«Я знаю, что вы всегда верны своим принципам... — ответил король и добавил: — Во время моего последнего путешествия я убедился, что ваше мнение совпадает с мнением всей нации».

Присутствовавшая при их беседе Мария-Антуанетта едва сдерживала негодование. Пройдя в свой кабинет, королева, наверное, впервые за пять дней внимательно изучила свое отражение и ужаснулась: на нее смотрела совершенно седая женщина.

Извещая Петербург о событиях, разыгравшихся в Париже, граф Симолин писал 23 июня 1791 года: «План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастьях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа».

С момента возвращения в Версаль Людовик XVI практически становился узником Тюильри: его власть была временно приостановлена. Собрание терзали сомнения — как поступить с королем? Идея замены монархии республикой приобретала все новых сторонников, но пока не преобладала в умонастроениях.

Преодолев сомнения, Учредительное собрание в конце концов приняло версию Лафайета, согласно которой «король был обманут и похищен». 16 июля большинством голосов было решено восстановить короля в его «конституционных правах».

Это решение вызвало волну негодования в революционных клубах, потребовавших низложения короля и назначивших на 17 июля сбор подписей на Марсовом поле в поддержку своего требования.

Попытки властей не допустить этой акции потерпели неудачу. На Марсовом поле собрались тысячи парижан. Перепуганное умеренное большинство Учредительного собрания приказало мэру Байи ввести в городе военное положение и любой ценой восстановить порядок. Над зданием Ратуши появились красные флаги — символы военного положения. Командир Национальной гвардии получил приказ рассеять собравшихся на Марсовом поле оппозиционеров. После первого предупредительного выстрела холостыми патронами последовал второй — уже боевыми, затем третий. Подоспевшая артиллерия произвела несколько выстрелов картечью. Толпа в ужасе стала разбегаться, после чего обстрел прекратился. На Марсовом поле осталось более пятидесяти трупов. На следующий день оппозиция будет утверждать, что власти убили до 1500 безоружных человек.

Собрание одобрило действия Байи и Лафайета как необходимые и активизировало работу по завершению проекта конституции. На это ушло менее двух месяцев, и 13 сентября 1791 года Людовик XVI подписал основной закон страны, по которому Франция уже официально превращалась в конституционную монархию. Одновременно была объявлена амнистия всем арестованным участникам демонстрации 17 июля на Марсовом поле.

30 сентября Учредительное собрание объявило себя распущенным, а 1 октября в Париже начало работу Законодательное собрание, избранное на основе цензовой системы так называемыми «активными гражданами». В отличие от своего предшественника с широким представительством духовенства и дворянства новое Собрание было однородно буржуазным, что не могло не иметь очевидных последствий для его отношений с королевской властью, на глазах терявшей престиж и влияние.

С осени 1791 года над революционной Францией стали собираться тучи внешней угрозы. Еще 27 августа на встрече австрийского императора, короля Пруссии и курфюрста Саксонии с вождем роялистской эмиграции графом д'Артуа и маркизом де Буйе было достигнуто соглашение о необходимости восстановления во Франции «суверенной монархии». Император Леопольд II, который наладил тайную переписку со своей сестрой Марией-Антуанеттой, выдвинул идею создания общеевропейской коалиции против революционной Франции. У восточных границ страны собирала силы эмигрантская армия принца Конде. Оживились роялисты и в самой Франции. Мария-Антуанетта вновь обрела уверенность в себе и стала откровенно резка с министрами-буржуа. «Не думаете ли вы, что мы намерены долго мириться с таким положением?» — высокомерно заявляла им королева.

Король старался вести себя сдержанно и демонстрировал готовность к диалогу с Законодательным собранием. Он санкционировал формирование трех 50-тысячных армий, которые должны были отразить возможную иностранную интервенцию.

После подписания 7 февраля 1792 года направленного против Франции австро-прусского союзного договора угроза войны приобрела совершенно реальные очертания. Интервенция могла начаться в любой момент, но неожиданная смерть 1 марта 1792 года императора Леопольда II и восшествие на престол Франца II вынудили ее организаторов отложить начало военных действий.

В это время в Париже произошла смена правительства. Пришедшая к власти партия жирондистов — пламенных защитников революции — настаивала на превентивной войне, что совпадало с расчетами партии двора, сделавшей ставку на поражение Франции и приход в Париж «освободителей».

20 апреля 1792 года Людовик XVI, прибыв в Собрание, объявил войну «королю Богемии и Венгрии», то есть австрийскому императору Францу. Но уже первые боевые столкновения выявили неподготовленность французской армии, испытывавшей острый дефицит в боеприпасах. Эти неудачи многие поспешили объяснить саботажем и изменой в окружении короля. Пошли разговоры о том, что планы французского командования были «предательски» переданы противнику. Назывался даже главный изменник — королева Мария-Антуанетта.

Все это резко обострило обстановку в столице, где произошла очередная смена правительства. Отправив в отставку жирондистов, король отказался одобрить декреты Конвента о высылке за пределы Франции не присягнувших священников и о создании под Парижем лагеря федератов (национальных гвардейцев) численностью 20 тыс. человек.

Реакция парижан была молниеносной. На следующий день, 20 июня, многотысячная толпа направилась к зданию Собрания и передала через своих делегатов требование о немедленном упразднении королевской власти. Воспользовавшись всплеском народного недовольства, депутаты-жирондисты умело направили его на Тюильри. С криками «Долой вето! Нет больше священников! Верните министров-патриотов!» толпа устремилась к королевскому дворцу и без особого труда захватила его.

Обескураженный Людовик XVI вынужден был позволить надеть на себя фригийский колпак и выпить «с народом» бокал красного вина. «Народ Парижа, я пью за твоё здоровье и за здоровье всей французской нации!» — произнес король. Но у него все же хватило смелости подтвердить свое вето на последние декреты Собрания.

На этот раз все обошлось более или менее благополучно для короля, если не считать фригийского колпака. Порыв толпы постепенно иссяк. К вечеру национальным гвардейцам удалось освободить Тюильри от возмущенных горожан. Однако вторжение в королевскую резиденцию показало всю шаткость конституционного трона.

В тот день мало кому известный артиллерийский лейтенант внимательно наблюдал со стороны за штурмом Тюильри. Видя беспомощность охраны, он презрительно процедил сквозь зубы: «Мерзавцы! Надо расстрелять первые пять сотен, а остальные быстро разбегутся сами». Лейтенанта звали Наполеон Бонапарт.

Выступление 20 июня оказалось генеральной репетицией к окончательному свержению монархии, которое было ускорено провокационным манифестом главнокомандующего коалиционной армией герцога Брауншвейгского с угрозами разрушить Париж до основания и потопить революцию в крови. Манифест был издан в Кобленце 25 июля 1792 года. О его содержании в Париже стало известно 8 августа.

Этот документ произвел совершенно неожиданное для его составителей воздействие на парижан, усмотревших в нем прямой вызов. «Родина в опасности!» — таков был ответ Законодательного собрания. Набиравший популярность депутат Максимильен Робеспьер потребовал немедленного низложения короля.

С 5 часов утра 10 августа на площади Карусель, в непосредственной близости от Тюильри, стали собираться толпы возмущенных парижан, а также прибывшие в столицу вооруженные отряды из Прованса и Бретани. Королевская резиденция находилась под охраной 900 швейцарских гвардейцев, оказавшихся в тот момент без своего командира, которого срочно вызвали в Ратушу, где параллельно с офи-

циальным городским правительством начала формироваться самопровозглашенная Парижская коммуна.

В 10 часов Людовик XVI спустился во двор и увидел, что толпа вот-вот начнет штурмовать Тюильри. Он быстро возвратился во внутренние покои, собрал членов семьи и предложил им немедленно покинуть дворец, чтобы искать защиты в Собрании. Их разговор прервали воинственные крики толпы, бросившейся на штурм, и вспыхнувшая ожесточенная ружейная перестрелка.

Разъяренная толпа, смятая все на своем пути, ворвалась во дворец. Ее жертвами стали все, кто попался на пути, — швейцарские гвардейцы, лакеи, повара, горничные... Это была настоящая бойня. В тот день погибло более тысячи человек, в том числе до шестисот гвардейцев, до конца сохранивших верность королю. Выживших защитников Тюильри ждал скорый суд и смертная казнь. Дворец разграбили: мебель, посуда, скульптуры, ценные вазы были серьезно повреждены или полностью разбиты. А командир швейцарских гвардейцев маркиз де Манда, вызванный в Ратушу, был там же убит.

Под угрозой применения оружия мятежная Коммуна заставила Законодательное собрание прекратить конституционные полномочия короля. Вместе с членами своей семьи он был препровожден в бывший монастырь фейянов, где всех разместили в убогих кельях. Жизнь Людовика XVI вступила в четвертый, завершающий этап, оказавшийся самым коротким — менее полугода.

Монастырское заключение продлилось три дня. Законодательное собрание попыталось добиться перевода короля и его семьи в хорошо обустроенный Люксембургский дворец, но Коммуна настояла на их заключении в замке Тампль, бывшей резиденции ордена тамплиеров, где установила собственную охрану. Людовика XVI с камердинером поместили на третьем этаже башни Тампль, Марию-Антуанетту с детьми — на втором, а мадам Элизабет, сестру короля, с ее компаньонкой герцогиней де Турзель — на первом. Всем им пока еще было разрешено свободно общаться друг с другом. Низложенный король проводил время за чтением, молитва-

ми и беседами с сыном. В перерывах он играл с ним в мяч, а вечерами составлял партию в триктрак с дамами. Мария-Антуанетта занималась с детьми, давая уроки истории сыну и музыки — дочери.

Какими-то путями до них дошли отрывочные вести о переходе пруссаками границы и осаде Вердена, о роялистских волнениях в Бретани, Вандее и Дофине. В начале сентября офицер охраны сообщил королю, что в парижских тюрьмах идут массовые внесудебные убийства заключенных и что «народ жаждет смерти» всех членов королевской семьи.

Обстановка несколько разрядилась после получения известия о разгроме при Вальми 20 сентября 1792 года войсками генералов Дюмуре и Келлермана прусской армии. Пруссаки были вытеснены за пределы Франции. Непосредственная угроза иностранного вторжения была устранена, во всяком случае, на время.

21 сентября в Париже собрался вновь избранный законодательный орган — однопалатный Национальный конвент в составе 749 депутатов, многие из которых уже были широко известны своей революционной активностью. Среди них были Дантон, Демулен, Робеспьер, Кондорсе, Марат, Сен-Жюст, герцог Орлеанский, называвший теперь себя «гражданином Филиппом Эгалите». Одним из первых своих решений Конвент ликвидировал монархический строй и провозгласил Францию республикой. Соответственно Людовик XVI потерял все свои титулы и стал именоваться «гражданином Луи Капетом».

1 октября Конвент создал комиссию по подготовке судебного процесса над бывшим королем для выяснения его преступлений перед нацией, включая возможную измену в период войны с антифранцузской коалицией. Предварительно комиссия должна была изучить все документы, обнаруженные в Версальском дворце и в Тюильри.

К 20 ноября было подготовлено объемистое обвинительное досье, доказывавшее, как утверждали следователи, тайную связь короля и королевы с роялистской эмиграцией и иностранными державами. По мнению большинства серьезных историков Французской революции, эти обвинения

носили самый общий характер и не имели достаточных конкретных доказательств. Тем не менее организаторы процесса сочли их убедительными для признания короля виновным по всем пунктам обвинения. Господствующий тогда в Конвенте настроения лаконично выразил Робеспьер в речи, произнесенной 3 декабря 1792 года: «Король должен умереть для того чтобы жила Родина».

Процесс «гражданина Капета» занял чуть больше месяца — с 11 декабря 1792 года до 15 января 1793 года. Приговор был очевиден для всех, включая низложенного короля. Дни судебного разбирательства «гражданин Луи Капет» посвятил составлению завещания; оно датировано 25 декабря 1792 года. В нем низложенный король говорит о готовности предстать перед Господом и ответить за все, что совершил, подтверждает приверженность «нашей святой матери Апостольской римско-католической церкви», обращается к Всевышнему с просьбой простить всех своих преследователей и недоброжелателей и сам просит прощения у жены и детей, которые подверглись из-за него мучительным гонениям, и умоляет Господа сохранить им жизнь.

16 января 1793 года состоялось голосование по приговору. За немедленную смертную казнь высказались 366 депутатов, за смертную казнь с отсрочкой исполнения приговора — 34, за тюремное заключение и изгнание за пределы Франции — 319. Два депутата проголосовали за то, чтобы отправить короля на принудительные работы.

Организаторов процесса такой расклад никак не устраивал. Сторонники вынесения и немедленного исполнения смертного приговора мобилизовались и потребовали нового голосования, которое состоялось 17 января. Но и этот день принес им разочарование: 360 депутатов высказались за немедленную смерть, 361 — против; 26 депутатов высказались за смертную казнь, но с оговорками.

19 января вопрос был сформулирован иначе: «Следует ли отложить исполнение приговора в отношении Луи Капета?» Голосование завершилось в 2 часа утра 20 января. Из 680 проголосовавших 380 ответили «нет». Среди тех, кто проголосовал за немедленную смерть Людовика XVI, был и его

кузен герцог Орлеанский, он же Филипп Эгалите... Имена этих депутатов Конвента через несколько дней станут известны всей Европе, что послужит впоследствии основанием для их судебного преследования.

В понедельник 21 января 1793 года на площади Революции (бывшая площадь Людовика XV, ныне — площадь Согласия) при большом стечении народа состоялась казнь бывшего короля.

Поднимаясь на эшафот в сопровождении аббата де Фирмона, давшего ему последнее отпущение, король произнес: «Народ, я умираю невиновным!» Но его почти никто не услышал. Позже палач Сансон рассказывал, что король в последний момент сказал ему и его помощникам: «Господа, я невиновен во всем, в чем меня обвиняют, и я хочу, чтобы моя кровь могла скрепить счастье французов». В 10 часов 22 минуты нож гильотины опустился на шею несчастного Людовика.

Восемь месяцев спустя, 16 октября 1793 года, та же участь постигнет Марию-Антуанетту. Их сын, Луи-Шарль, которого роялисты объявят королем Людовиком XVII, умрет в возрасте десяти лет в тюрьме Тампль. Единственной из семьи Людовика XVI выживет Мария-Терезия Шарлотта, как старшая дочь в семье носившая титул «Мадам Руаяль».

В декабре 1795 года семнадцатилетнюю принцессу-сироту освободят из заключения и обменяют на шестерых оказавшихся в австрийском плену депутатов Конвента и генералов революционной армии. В Вене она найдет убежище при дворе императора Франца II. В 1799 году Мадам Руаяль станет супругой своего кузена герцога Ангулемского, сына будущего короля Карла X. Их брак окажется бездетным. Свой жизненный путь Мария-Терезия Шарлотта завершит в 1851 году в возрасте 72 лет. С ее уходом оборвется прямая линия ее отца Людовика XVI.

Максимильен Робеспьер

Однажды Робеспьер сказал о себе: «Я не льстец, не по-велитель, не трибун, не защитник народа; я — сам народ». Невольно вспоминается высокомерное утверждение Людовика XIV: «Государство — это я». Оба эти высказывания имели под собой определенную почву. Если «король-солнце» мог считать себя живым воплощением созданной им абсолютной монархии, то вождь якобинской диктатуры был вправе претендовать на то, чтобы выражать чаяния простого народа, к которому причислял и себя, хотя и без достаточных на то оснований.

Депутат Учредительного собрания и Национального конвента, член самопровозглашенной Парижской коммуны, фактический лидер (с июля 1793 года) Комитета общественного спасения, выполнявшего функции главного правительственного органа Французской республики, вождь якобинской диктатуры (июль 1793 года — июль 1794 года), изменившей лицо Франции, — таковы основные вехи короткой, но неоднозначно яркой политической биографии Максимильена Робеспьера. Тем не менее даже за

столь мимолетный период пребывания у руля власти он успел обеспечить себе место среди тех, кто определял судьбу Франции.

Семейство Робеспьеров принадлежало к служилому дворянству — так называемому «дворянству мантии». В отличие от «дворянства шпаги», гордившегося древней родословной и военными подвигами предков, «дворяне мантии» имели не более двух-трех, а то и одного «благородного» предшественника, сумевшего выслужить (или купить) дворянство. Чаще всего это были «магистраты» — адвокаты Парижского или одного из провинциальных парламентов.

Когда и как Робеспьеры стали дворянами, историкам достоверно установить не удалось. Известно лишь, что это произошло где-то в конце XVII века, но сам будущий знаменитый революционер считал свое дворянство сомнительным и потому легко отказался от дворянского герба уже в начале революции. Правда, до этого он успел выгодно использовать сословные преимущества для получения образования и начала успешной карьеры.

Известно также, что Робеспьеры поколениями проживали в графстве Артуа, на севере Франции, и занимались юридическим оформлением сделок и завещаний. Где-то в 1720 году дед будущего якобинца (тоже Максимильен) обосновался в Аррасе — административном центре провинции (современный департамент Па-де-Кале).

Там, в Аррасе, 6 мая 1758 года в семье адвоката Высшего совета провинции Артуа Франсуа де Робеспьера и его супруги Жаклин-Маргерит (урожденной Карро, дочери пивовара) появился на свет первенец, которого называли Максимильен. Вслед за ним у Робеспьеров родились еще трое детей — Шарлотта, Генриетта и Огюстен Бон (в семье его ласково называли *Bonbon* (Конфетка)). Пятые роды 29-летней мадам де Робеспьер (1764 год) стали для нее последними. Она умерла, как и ее новорожденный ребенок.

Оставшись вдовцом, Франсуа де Робеспьер передоверил воспитание двоих сыновей их деду-пивовару, а дочерей — двум своим сестрам. Фактически он переложил всю ответ-

ственность за детей на родственников и с тех пор мало интересовался их жизнью.

Максимильен потерял мать и перестал общаться с отцом, когда ему было всего шесть лет. Отсутствие так необходимого для формирующейся личности ребенка родительского тепла, вероятно, определило душевную черствость и холодность будущего вождя террора, его эмоциональную глухоту, невосприимчивость к чужим страданиям. Правда, его младшая сестра Шарлотта, до конца дней искавшая понимания и даже оправдания деяний своего брата, говорит в воспоминаниях, что Максимильен слишком рано и всерьез взял на себя роль «главы семьи» и потому вынужден был быть крайне сдержанным и даже холодным в отношениях с людьми. Сам Робеспьер, много писавший на разные темы, не оставил никаких заметок о своем детстве и отрочестве, дав возможность будущим историкам строить всевозможные предположения о природе своих поступков, стоивших жизни многим тысячам людей.

В 1765 году дед устраивает семилетнего Максимильена в аррасский коллеж, который содержало общество ораторианцев*. Здесь он проучился до 1769 года. В возрасте одиннадцати лет, получив при активном содействии тетюшек стипендию, он был отправлен в Париж, чтобы продолжить учебу в престижном коллеже Людовика Великого.

В столице за подростком первое время присматривал родственник Робеспьеров месье де Ла Рош, каноник капитула Нотр-Дам-де-Пари. Два года спустя каноник умер, и Максимильен остался без покровителя, имея весьма скромную стипендию. Среди учащихся он отличался мечтательной замкнутостью, ни с кем не дружил. В одном классе с ним учился Камилл Демулен. Впоследствии они подружатся, что

* Ораторианцы — приверженцы католической Конфедерации оратория (в переводе — молельня, молельный дом) св. Филиппа Нери, возникшей в Риме в середине XVI века. Члены этой организации, не принимая монашества, жили общинной жизнью и посвящали себя общественно-религиозному служению, в частности, христианской благотворительности. Во Франции в 1611 году была основана родственная историческим ораторианцам Конгрегация оратория Иисуса и Марии.

не помешает Робеспьеру спустя двадцать лет отправить его на гильотину вместе с другим своим приятелем — Жоржем Дантоном.

В коллеже Максимильен получил классическое образование и обнаружил блестящие способности, особенно в латыни и древнегреческом. Именно его из всех учеников в 1775 году выбрали для зачитывания приветствия в адрес Людовика XVI, торжественно вернувшегося в Париж после коронации в Реймсе. Кто бы мог тогда подумать, что этот скромный семнадцатилетний юноша, вдохновенно декламировавший приветственную оду королю, через семнадцать лет станет столь же вдохновенно требовать для Людовика XVI смертной казни.

В 1780 году Робеспьер получает степень бакалавра на факультете права Парижского университета, а год спустя становится адвокатом Парижского парламента. Его отличная учеба была увенчана поощрительной премией в 600 ливров. Другой формой поощрения стало предоставление стипендии коллежа Людовика Великого его младшему брату Огюстену, который пошел по стопам Максимильена.

В начале осени 1781 года Робеспьер покидает Париж и возвращается в Аррас. К тому времени его семья понесла значительные утраты. Еще в 1775 году умерла бабушка по отцовской линии. В 1777 году ушел из жизни отец. Год спустя — дед по матери, оставивший старшему внуку небольшой капитал. А в 1780 году Максимильен потерял одну из сестер — Генриетту. С той поры он особенно сблизился с Шарлоттой, которая передала брату в распоряжение свою долю дедовского наследства. Позднее, после завершения учебы, к ним присоединится Огюстен. Втроем они будут воплощать пример дружных семейных отношений.

В ноябре 1781 года Робеспьер становится одним из пяти членов коллегии адвокатов Совета провинции Артуа, а в январе 1782 года — судьей местного епископального трибунала. Первые годы его адвокатской деятельности были связаны с участием в гражданских и уголовных процессах. Постепенно у него растет интерес к общественной и культурной жизни. В ноябре 1783 года мэтра Робеспьера избирают

в Королевскую академию изящной словесности Арраса. Он принимает участие в различных академических конкурсах. Одна из его работ была отмечена Академией Меца медалью и премией в размере 400 ливров, а сама работа удостоилась рецензии на страницах «Mercure de France»*. В феврале 1786 года члены Королевской академии изящной словесности Арраса избирают Максимильена Робеспьера своим главой.

Еще в годы обучения в Париже Максимильен внимательно протудировал труды Монтескье и Руссо. Взгляды последнего в наибольшей степени отвечали его собственным представлениям об устройстве общества. Некоторые биографы Робеспьера утверждают, что где-то между 1775 и 1778 годами ему даже удалось лично познакомиться с автором «Общественного договора». До конца дней он будет считать Руссо своим главным учителем.

В середине 1780-х годов Робеспьер активно выступает за равноправие полов и предлагает ввести совместное обучение мальчиков и девочек, но не находит понимания в аррасском обществе.

Он навсегда останется холостяком, хотя никогда не избегал любовных романов, что подтверждает в своих воспоминаниях его сестра Шарлотта.

Когда французское общество на исходе 1788 года было взбудоражено известием о предстоящем созыве Генеральных штатов, Робеспьер сразу же поставил перед собой цель — добиться избрания в депутаты. Он, к тому времени уже человек широко известный не только в Аррасе, но и во всей провинции, мог бы баллотироваться от своего сословия — дворянства, но предпочел избираться от третьего сословия, причем от самой бедной, но многочисленной его части — корпорации сапожников. Уже тогда Робеспьер считал себя защитником интересов простого народа — сапожников, булочников, ремесленников, мелких торговцев... В этом смысле задолго

* «Mercure de France» (фр. «Французский Меркурий») — литературный журнал, издающийся в Париже с перерывами с 1672 года (в 1672—1724 годах назывался «Галантный Меркурий», затем — «Новый галантный Меркурий»).

до 1793 года по своим убеждениям он стал демократом, хотя и не помышлял пока о республике.

Мобилизовав финансовые ресурсы родных и друзей, он выставляет свою кандидатуру и ведет энергичную агитацию среди сапожников Арраса, которые доверяют ему составление своего «наказа» Генеральным штатам. Написанный им документ получил одобрение сначала сапожников, а затем и других городских профессиональных объединений. В конечном итоге 26 апреля 1789 года мэтр Робеспьер оказался в числе восьми депутатов, которым третье сословие провинции Артуа доверило представлять свои интересы. 1 мая 1789 года он отправился в Версаль, где 5 мая открылись Генеральные штаты.

По прибытии в Версаль провинциальный адвокат сразу же озаботился заведением полезных контактов. Среди его первых знакомых — Бертран Барер, адвокат из Аквитании, Жером Петион, тоже адвокат, но из Шартра, граф Шарль де Ламетт и скандально известный граф Оноре де Мирабо. Сам законченный циник, Мирабо охарактеризовал Робеспьера следующим образом: «Он далеко пойдет; он верит во все, что говорит».

Осмотревшись, Робеспьер обратил взор в сторону группы депутатов от Бретани, учредивших так называемый «Бретонский клуб», члены которого не скрывали своих симпатий к английской политической модели, где король лишь царствует, а страной управляет парламент. Идея конституционной монархии была близка и Робеспьеру, поспешившему вступить в этот клуб, скоро преобразованный — сначала в «Общество друзей конституции», а затем, после переезда короля и Учредительного собрания из Версаля в Париж (октябрь 1789 года), в «Клуб якобинцев». Такое название возникло по месту заседания клуба в доминиканском монастыре св. Якова.

Дебют Робеспьера в качестве парламентского оратора состоялся 18 мая 1789 года, но это выступление не произвело впечатления на депутатский корпус, где было немало блестящих ораторов. Робеспьера продолжали не замечать, хотя он брал слово почти ежедневно, выступая по самым разным

вопросам (до конца 1789 года он поднимался на трибуну около шестидесяти раз).

Но однажды он все-таки обратил на себя внимание. 21 октября 1789 года Робеспьер поверг коллег-депутатов в изумление, выступив за отмену во Франции смертной казни. Никто и никогда еще публично не оспаривал у государства права на высшую меру наказания преступников. Разумеется, это предложение было отвергнуто, но примечательно то, что именно Робеспьер — будущий инициатор террора — предложил отменить смертную казнь.

С того дня Робеспьер начал приобретать известность, расширив ее другими своими предложениями — об отмене имущественного ценза и введении всеобщего избирательного права, ликвидации разделения граждан на «активных» и «пассивных», распространении гражданских прав на евреев, представителей «свободных профессий» и «цветного населения» колоний, отмене рабства в заморских владениях Франции и т. п.

Когда в сентябре 1789 года в Собрании обсуждался вопрос о форме королевского вето на решения законодательной власти, Робеспьер категорически выступил против любого — абсолютного или «приостанавливающего» — вето короля, показав себя приверженцем жесткого разделения властей. Именно он одним из первых в октябре 1789 года предложил формулу, которая войдет в первую конституцию Франции (1791): «Людовик, милостью Божией и волей нации, король французов».

Робеспьер был в числе авторов первой Декларации прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием 26 августа 1789 года. Его приверженность принципам Декларации порой доходила до аффекта, что дало основание Камиллу Демулену, знавшему Робеспьера со школьной скамьи, не без юмора однажды заметить, что он — это «живое воплощение Декларации прав».

Приняв самое активное участие в разработке конституции, Робеспьер 16 мая 1791 года инициировал предложение, по которому члены Учредительного собрания не имели права избираться в Законодательное собрание.

30 сентября 1791 года Учредительное собрание было распущено, а 1 октября в Париже открылась первая сессия нового парламента — Законодательного собрания, избранного вопреки пожеланиям Робеспьера исключительно «активными гражданами» на основе все той же цензовой системы.

Утратив депутатский статус, Робеспьер на время покинул Париж и отправился к себе на родину, заглянув и в соседнюю Фландрию. В поездку он взял с собой любимого пса, немецкого дога по кличке Брунт, который был для него неразлучным спутником жизни.

Робеспьера, к тому времени уже широко известного политика, с энтузиазмом встречали жители Арраса, Бетюна и Лилля. В Аррасе он провел несколько безмятежных дней с единственно близкими ему людьми — братом Огюстеном и сестрой Шарлоттой. Младший брат, во всем равнявшийся на Максимильена, к тому времени стал видной фигурой в их родном городе. Он возглавлял местное отделение Общества друзей конституции и был прокурором Аррасской коммуны.

В конце ноября 1791 года Робеспьер вернулся в Париж и сосредоточился на работе в «Клубе якобинцев», который он возглавил еще в мае 1790 года. К началу 1792 года первоначальный состав клуба, где прежде можно было встретить Мирабо, Лафайета, Байи, Барнава и других умеренных либералов, существенно изменился. Конституционные монархисты покинули «Клуб якобинцев» и основали собственный — «Клуб фельянов» (от одноименного названия бывшего монастыря, где они собирались). Преобладающее влияние в обновленном «Клубе якобинцев» приобрели сторонники Ж.-П. Бриссо, которых позднее назовут жирондистами (от названия департамента Жиронда, откуда были избраны некоторые депутаты Законодательного собрания).

Переломным моментом для окончательного преодоления Робеспьером прежних конституционно-монархических иллюзий стала попытка бегства королевской семьи за пределы Франции в июне 1791 года. «В Собрании меня обвиняют в том, что я республиканец, но я им не являюсь, — заявил Робеспьер, выступая с парламентской трибуны 22 июня. —

Подобное обвинение делает мне честь, — продолжал он. — Но если бы кто-то назвал меня монархистом, это было бы оскорблением, так как тем более я им не являюсь... Ибо что такое существующая ныне Конституция Франции? Это республиканская монархия. Это и не монархия, и не республика. Это и то, и другое».

Робеспьер решительно отверг предложение Лафайета признать, что король не бежал, а был похищен. В Учредительном собрании он проголосовал против резолюции, оправдывавшей Людовика XVI. Более того, выступая 14 июля в Собрании, Робеспьер поставил вопрос о низложении короля, хотя пока и не требовал суда над ним.

После неудавшегося бегства короля Робеспьер становится неутомимым разоблачителем заговоров, которые мерещатся ему повсюду — не только в лагере роялистов, но и среди тех, кто называет себя сторонниками революции. Для Робеспьера «внутренний враг» куда опаснее, чем «враг внешний».

Именно поэтому он станет последовательным противником войны, на которой настаивали жирондисты в расчете распространить революцию на соседние страны. Робеспьер считал все это опасной авантюрой. Во-первых, страна к войне не готова, а высшее командование французской армии не внушает политического доверия; во-вторых, полагал он, нельзя «осчастливить» другие народы, принеся им революцию на штыках. Революции не устраиваются по заказу, они вызревают в недрах общества — таково было глубокое убеждение Робеспьера.

Одним из скрытых внутренних врагов он считал генерала Лафайета и неоднократно требовал его отстранения с поста командующего Северной армией. Настойчивое желание Робеспьера будет удовлетворено в августе 1792 года, когда Лафайета объявили изменником. Сменившего его на посту командующего армией генерала Дюмуре через год постигла та же участь. Стоило начаться войне, как в Вандее и некоторых других провинциях появились первые очаги крестьянско-роялистских волнений. Казалось, что Робеспьер прав, повсюду видя измену...

Ко всей прочей своей деятельности Робеспьер в сентябре 1791 года — апреле 1792 года был общественным обвинителем в уголовном суде Парижа, что расширило его популярность. Дистанцируясь от властей, выставляя себя чуть ли не единственным защитником простого народа, сам никогда не искавший материальных благ Робеспьер приобрел лестное прозвище Неподкупный.

Каким-то образом Робеспьер не оказался среди участников событий 10 августа 1792 года, когда восставшие парижане захватили Тюильри и положили конец королевской власти. Занявший пост министра юстиции Жорж Дантон, соратник Робеспьера по Якобинскому клубу, предложил Максимилиену возглавить Революционный трибунал для суда над теми, кто пытался 10 августа защищать короля (прежде всего оставшихся в живых швейцарских гвардейцев), но Робеспьер отказался. По его мнению, к суду надо было привлечь более широкий круг роялистов и их пособников.

Крайнее напряжение в столице после ареста Людовика XVI и его семьи не спадало. Толпы возбужденных горожан, охваченных слухами об иностранном вторжении и внутреннем заговоре, повсюду искали врагов. Под прикрытием лозунга «Отечество в опасности!» кто-то ловко направил эту народную ярость на беззащитных узников парижских тюрем. Начиная со 2 сентября 1792 года на протяжении шести дней происходило массовое умерщвление несчастных, многие из которых не имели никакого отношения к контрреволюции. Жертвами безжалостной резни стали 1300 заключенных шести парижских тюрем. Поднявшаяся в Париже волна убийств дошла и до других городов Франции, хотя и существенно ослабла — в Версале, Мо, Орлеане и Реймсе было убито 200 человек.

Робеспьеру, всегда имевшему отвлеченно-идеалистическое представление о народе, подобные проявления жестокости были непонятны, и он предпочел не заметить их, дабы не обременять душу опасными сомнениями.

Сразу после событий 10 августа Робеспьер был введен в состав существенно обновленной Парижской коммуны,

превратившейся в параллельный Законодательному собранию орган власти, но настроенный более радикально. Открытое, зачастую грубое давление Коммуны на парламент, который коммунары постоянно шантажировали организацией новых народных восстаний, определило конфликтный характер отношений между этими двумя центрами власти. Впрочем, Законодательное собрание к тому времени уже шло к концу своего недолгого существования.

В связи с фактической ликвидацией в августе 1792 года монархии Франция должна была получить новую, теперь уже республиканскую конституцию. Разработать и принять ее должен был новый законодательный орган — однопалатный Национальный конвент, выборы в который проходили одновременно с «сентябрьскими убийствами», что не могло не отразиться на их итогах.

К середине сентября 1792 года подсчет результатов голосования был завершен. Оказалось, что из 750 избранных в новый парламент депутатов 194 были членами прежнего Законодательного собрания, а 89 ранее входили в Учредительное собрание.

Среди них был и Максимильен Робеспьер. В Париже, откуда он избирался в этот раз, он получил 333 голоса (из 525) — самый высокий результат. Ему удалось обойти даже бывшего мэра Парижа, своего недавнего соратника Жерома Петiona, переметнувшегося к жирондистам. Петион все же сумел избраться в Конвент, но не от столицы, а от департамента Эр-э-Луар. В Конвент от Парижа был избран и младший брат Робеспьера — Огюстен.

Преобладающее представительство в Конвенте (примерно 400 мест) получило так называемое «Болото» («Marais»). Это были депутаты-центристы с неопределенными политическими взглядами, постоянно колебавшиеся между левой и умеренной фракциями. Левая фракция (до 150 депутатов), неформальным лидером которой стал Робеспьер, получила название «Гора» («Montagne»), так как входившие в нее депутаты заняли верхние места в амфитеатре зала заседаний. Их стали называть «монтаньярами». Умеренные

(до 170 депутатов) были представлены сторонниками Бриссо — жирондистами.

На первом же заседании Конвента, открывшегося 22 сентября 1792 года, Франция была провозглашена республикой. И монтаньяры, и жирондисты, и «болото» были едины — Франция никогда больше не будет монархией. Но на этом единство взглядов себя исчерпало.

Какой должна быть Французская республика? На каком фундаменте будет строиться ее здание?

С самого начала между монтаньярами и жирондистами в Конvente разгорелась ожесточенная борьба, в которой Робеспьер и Бриссо стремились склонить каждый на свою сторону колеблющееся «болотное» большинство. Жирондистам это удавалось лучше, чем их политическим соперникам. По этой причине историки назвали избранный Конвент жирондистским.

Для Бриссо и его единомышленников принципиально важным был вопрос о надежных гарантиях для новых собственников. Для монтаньяров речь шла о другом — достижении политического и социально-экономического равенства, что пугало жирондистов.

Глубокие политические противоречия между двумя группами республиканцев были дополнительно окрашены взаимной личной неприязнью их лидеров. Бриссо и его сторонники усматривали в Робеспьере диктаторские наклонности. «Робеспьер, я тебя обвиняю! Я обвиняю тебя в стремлении к высшей власти!» — бросил в лицо лидеру монтаньяров депутат-жирондист Жан-Батист Луве, выступая 29 октября 1792 года в Конvente. С этого момента обвинения в диктаторских помыслах Робеспьера станут лейтмотивом многих выступлений жирондистов с парламентской трибуны. Ему припомнили и его позицию против развязывания войны с «внешней контрреволюцией» (март-апрель 1792 года), и демонстративное безразличие, проявленное в день «народного гнева» (10 августа 1792 года). Жирондисты требовали создания комиссии по расследованию деятельности Робеспье-

ра и попытались организовать судебное преследование его ближайшего сподвижника — Жан-Поля Марата, депутата Конвента, издававшего газету «Друг народа», которую они, надо признать, не без основания считали экстремистской.

Робеспьер, выступая в Конвенте 5 ноября, сумел отбить развернутую против него атаку и даже защитить Марата, публично лишь пожурив его за «крайности». В этот раз он попытался оправдать и «сентябрьскую резню». Народ, по его убеждению, учинил расправу над узниками из-за прямой угрозы иностранной интервенции и по причине бездействия Революционного трибунала, подолгу не рассматривавшего дела арестованных и даже выпустившего на свободу ряд очевидных преступников.

К ноябрю 1792 года Робеспьер уже не тот принципиальный противник смертной казни, каким он был в 1789 году. Теперь он признает ее целесообразность, но настаивает на законности применения. Только государство может казнить и миловать, считает Робеспьер, но если оно бездействует, то народ может присвоить это право себе, что и проявилось в сентябрьские дни 1792 года.

В ноябре 1792 года он стал одним из инициаторов судебного процесса над низложенным Людовиком XVI. Причем, явно опережая результаты расследования, заявил, что «король-изменник» достоин смертной казни. «Король должен умереть, чтобы жила Республика», — говорил он. Принцип «революционной целесообразности» был для него важнее, чем доказательство вины подсудимого на открытом процессе. При этом, как ни странно, он все еще продолжал считать смертную казнь «злом», но злом неизбежным, диктуемым в определенных обстоятельствах высшими государственными интересами. «Неужели вы хотели бы революции без революции?» — обращался он к депутатам.

К концу ноября 1792 года стало известно содержание «железного ящика», в котором Людовик XVI хранил личную переписку, дневниковые записи и другие документы. Сейф был перевезен из Версаля в Тюильри еще в октябре 1789 года, а после событий 10 августа 1792 года вскрыт. Хранившиеся

в нем бумаги напрямую не свидетельствовали об измене короля, но из них можно было сделать вывод, что «гражданин Луи Капет» не только не разделял революционных идей, но был их убежденным противником и смотрел на свою роль в революции как насильно ему навязанную. Этого оказалось достаточно, чтобы начать судебное преследование низложенного короля, и Максимильен Робеспьер был среди самых активных сторонников предания его суду.

Здесь он также вступил в ожесточенную полемику с жирондистами, полагавшими, что вынесение предрешенного, как было ясно всем, смертного приговора Людовику XVI поднимет против революционной Франции всю Европу и потому содержит серьезную угрозу для революции. К тому же этот вопрос, по мнению Бриссо, нельзя было решать без консультаций с провинциями, со всем народом Франции.

Робеспьер употребил все свое возросшее влияние в Конвенте, чтобы суд над королем не был отложен. «Если король не будет осужден, республика подвергнется смертельной опасности!» — утверждал Робеспьер, выступая 3 декабря 1792 года в Конвенте. И он сумел убедить депутатов взять на себя роль судей в «деле Луи Капета».

После казни короля острые противоречия между монтаньярами и жирондистами разгорелись с новой силой. Одним из поводов стала обострившаяся в результате неурожая продовольственная проблема. Левые радикалы во главе с Жаком Ру — так называемые «бешеные» («enragés») — требовали законодательного ограничения цен на хлеб и другие продукты питания. Робеспьер поначалу был против этой меры, но потом увидел в «бешеных» союзников против жирондистов и пересмотрел свою позицию. 4 мая 1793 года монтаньяры содействовали принятию Конвентом «закона о максимуме», то есть об установлении цен на продовольствие и верхнего уровня заработной платы, против чего выступали жирондисты.

Жирондисты стремительно теряли почву под ногами. 18 мая они провели через Конвент решение о создании Чрезвычайной комиссии в составе двенадцати депутатов для раскрытия заговора, созревшего якобы в секциях Парижской

коммуны, подверженных влиянию якобинцев. Комиссия начала свою деятельность с ареста наиболее активных противников жирондистов — Жака-Рене Эбера, Жана-Поля Марата и других.

Робеспьер поспешил обвинить в подготовке переворота самих жирондистов. Выступая 29 мая в Конвенте, он обвинил их в коррупции, в связях с генералами-изменниками (прежде всего с Дюмурье, который прямо заявил, что намерен свергнуть Конвент и восстановить конституционную монархию) и желании узурпировать власть. И призвал парижан к восстанию.

Призыв Неподкупного был услышан и подхвачен Коммуной. Уже через два дня Париж восстал. Под знаменами Национальной гвардии собрались около 80 тыс. горожан. Временным командующим парижской Национальной гвардии Коммуна назначила преданного Робеспьеру Франсуа Анрио. Национальная гвардия плотным кольцом окружила здание Конвента и расставила по его периметру пушки. 22 депутата-жирондиста были немедленно лишены своих мандатов и помещены под домашний арест. Та же судьба постигла двух министров-жирондистов — Клавьера и Лебрена.

«Спасителем Отечества» назовет Анрио освобожденный из тюрьмы Марат. Через месяц Анрио станет бригадным генералом, а в сентябре, с подачи Робеспьера, — дивизионным генералом. Близость Анрио к Робеспьеру не будет забыта противниками Неподкупного. Год спустя, 28 июля 1794 года, верный робеспьерист разделит участь своего кумира.

Результатом трехдневного восстания в Париже (31 мая — 2 июня 1793 года) стало изгнание депутатов-жирондистов из Конвента, политику которого с этого момента стали определять монтаньяры и их признанный лидер — Максимильен Робеспьер.

Первостепенной задачей очищенного от жирондистов Конвента Робеспьер считал разработку новой (третьей по счету) конституции Франции, и проект ее был подготовлен в считанные дни, а уже 24 июня 1793 года Конвент ее утвердил. Она провозглашала введение всеобщего избирательного права,

свободу печати, выборность всей администрации. При этом было учтено пожелание Робеспьера об отсрочке вступления конституции в силу. На переходный период, по предложению того же Робеспьера, в стране с 10 октября 1793 года вводился временный режим революционного управления, впоследствии получивший название якобинской диктатуры.

Ее руководящие принципы и цели были сформулированы Робеспьером в двух его выступлениях — «О принципах революционного правительства» (25 декабря 1793 года) и «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 года). Робеспьер открыто противопоставил два порядка — устаревший конституционный и перспективный революционный, связанный с неизбежными потрясениями и временным ограничением индивидуальных свобод. И все это — ради светлого будущего в соответствии с идеалами Руссо о справедливом обществе с равными возможностями и правами.

«Если в мирное время орудием народного правления является добродетель, — утверждал Робеспьер, — то во время революции орудием его является и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор гибелен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он — не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде».

Робеспьер был искренне убежден, что террор совместим с демократией, что он ни в коем случае не противоречит демократическим принципам. «Демократия, — говорил он, выступая в Конвенте 5 февраля 1794 года, — это такое государство, где суверенный народ, руководимый им же самим созданными законами, делает сам все то, что возможно, и при помощи своих представителей — все то, что он не может делать сам...

Извне вас окружают все тираны; а внутри страны друзья тирании составляют заговоры; они будут составлять заговоры до тех пор, пока преступление может надеяться на успех. Нужно подавить внутренних и внешних врагов Республики

или погибнуть вместе с нею; а в данном положении первым правилом вашей политики должно быть управление народом при помощи разума и врагами народа — при помощи террора».

Законодательный орган, каким по определению был Конвент, по инициативе Робеспьера и его единомышленников самовольно присвоил себе функции центральной исполнительной и даже судебной властей. Инструментами временного режима становились Комитет общественного спасения (создан в апреле 1793 года), Комитет общественной безопасности (существовал с октября 1792 года) и комиссары Конвента в департаментах и городах Франции. Оставаясь неформальным лидером Конвента, Робеспьер 27 июля 1793 года вступил в Комитет общественного спасения и стал его фактическим руководителем.

Уже первые декреты, принятые новой властью (10 июня и 17 июля 1793 года), привели к окончательному освобождению французской деревни от остатков старорежимного наследия. Крестьяне законодательно были освобождены от сеньориальных повинностей и получили в свое пользование общинные земли. В интересах наименее зажиточных слоев населения были пересмотрены условия продажи так называемых «национальных имуществ». В то же время «закон о всеобщем максимуме» (29 сентября 1793 года), устанавливающий цены на все предметы широкого потребления и верхний предел заработной платы, а также закон о смертной казни за спекуляцию вызвали недовольство сельскохозяйственных производителей, которых обязывали продавать свою продукцию по явно заниженным ценам. В ряде провинций и районов Франции начались крестьянские волнения.

Самое серьезное внимание Робеспьер и его единомышленники уделяли борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, заметно оживившейся после переворота в Париже, осуществленного в июне 1793 года монтаньярами. Значительная часть территории Франции контролировалась мятежниками-роялистами — Вандея, Лион, Бордо и другие районы. По периметру внешних границ сосредоточились армии антифранцузской коалиции, готовые к вторжению.

Англичане оккупировали Тулон, испанцы и сардинцы угрожали с юга, пруссаки и австрийцы — с запада, откуда войска могли дойти до Парижа в течение одного дня.

13 июля 1793 года роялистка Шарлотта Корде убила Друга народа Марата. Это послужит сигналом к началу якобинского террора, жертвами которого станут не только (и даже не столько) очевидные контрреволюционеры, но и безвинные, зачастую сознательно оклеветанные или случайные люди. «Законодательная» база под террор будет подведена позднее, почти год спустя. Но фактически он начался с установлением якобинской диктатуры.

Главным идеологом и практиком террора был сам Неподкупный, не колебавшийся отправлять на гильотину не только явных «врагов народа», но и своих недавних соратников. Как убежденный «законник» Робеспьер старался не допускать внесудебных расправ, но запущенная им машина «революционного правосудия» буквально штамповала смертные приговоры, и все — во имя «высшей справедливости». За короткий период якобинской диктатуры (чуть более года) на гильотине погибли почти 17 тыс. «контрреволюционеров»; еще 25 тыс. «врагов народа» были расстреляны или убиты при оказании сопротивления; без малого 500 тыс. французов были брошены в тюрьмы по доносам и наветам, и около 100 тыс. не вышли оттуда живыми. Остальных от неминуемой смерти спасло лишь падение Робеспьера в конце июля 1794 года.

Кем в действительности были все эти «враги народа»? Об этом свидетельствует беспристрастная статистика: более 70 процентов казненных по приговорам революционных трибуналов составляли крестьяне, мелкие буржуа, ремесленники и рабочие; и лишь 29 процентов жертв террора принадлежали к привилегированным группам (аристократы, священнослужители) и состоятельным гражданам. В их числе оказались Мария-Антуанетта, гильотинированная 16 октября 1793 года на площади Революции, и принцесса Елизавета, сестра казненного Людовика XVI (погибла на эшафоте 10 мая 1794 года).

Так или иначе, но безжалостным террором якобинцам удалось запугать общество, одновременно вызвав в нем не

только страх, но и скрытую ненависть, которая, накапливаясь, ожидала своего выхода.

Более очевидны были успехи в борьбе с внешним врагом. Якобинцы под руководством Робеспьера сумели мобилизовать все наличные силы для противодействия иностранным интервентам. Под знамена республики были призваны полмиллиона французов. Армия была реорганизована: в ее структуре появились смешанные «полубригады», сформированные из линейных и добровольческих батальонов. Якобинцам удалось в предельно короткие сроки наладить военное производство и существенно перевооружить армию, которая под руководством талантливых генералов и комиссаров Конвента — Журдана, Гоша, Моро, Карно, Сен-Жюста, Леба и других — к лету 1794 года сумела одержать ряд побед и отвести от Франции непосредственную внешнюю угрозу.

Чем дальше, тем больше Робеспьера беспокоила чрезмерная, как он полагал, активность его союзников и попутчиков справа и слева. Правые были представлены Жоржем Дантоном, Камиллом Демуленом и их единомышленниками, которые настаивали на прекращении террора, смягчении «закона о максимуме» и поисках примирения с антифранцузской коалицией. Крайне левые — «бешеные» во главе с Жаком Ру, эбертисты* и шометисты** требовали противоположного — расширения террора и «закона о максимуме», окончательной дехристианизации Франции и продолжения войны до полной победы и торжества революционных принципов во всей Европе. Заодно с эбертистами и шометистами действовали революционно настроенные секции Коммуны, пытавшиеся откровенно давить на Конвент и его якобинское руководство.

Со всем этим надо было что-то делать. Робеспьер решил вопрос привычным для него радикальным способом. По об-

* Эбертисты — сторонники Жака-Рене Эбера, заместителя прокурора Парижской коммуны и редактора популярной газеты «Пер Дюшен» («Отец Дюшен»).

** Шометисты — последователи Пьера-Гаспара Шометта, радикально настроенного прокурора Парижской коммуны.

винению в государственной измене были арестованы и казнены — Эбер (24 марта 1794 года), Дантон и Демулен (5 апреля), Шометт (13 апреля) и ряд других лидеров, не согласных с его политикой. Арестованный еще в сентябре 1793 года Жак Ру 10 февраля 1794 года покончил с собой в тюрьме, не дожидаясь предопределенного смертного приговора.

Робеспьер сумел приструнить и зарвавшихся, как он считал, руководителей парижских секций. На основании декрета Конвента от 18 марта 1794 года он провел «зачистку» Коммуны от ультраревольюционеров, прежде бывших его верными союзниками. Впоследствии это ему аукнется. В день термидорианского переворота парижские секции не обнаружат достаточной готовности спасти Робеспьера и якобинский режим.

Высшее руководство страной окончательно сконцентрировалось в руках триумvirата: Максимильен Робеспьер — Луи-Антуан де Сен-Жюст — Жорж Кутон. Лидирующую роль в этом триумvirате единомышленников играл Робеспьер, который в июне 1794 года получил пост председателя Конвента. Теперь уже совершенно официально он сосредоточил в своих руках практически все три ветви власти, став диктатором. Тогда же Робеспьер принудил Конвент принять законопроект Кутона о распространении революционного террора на всю территорию Франции (печально известный закон от 22 прериала / 10 июня 1794). Именно это решение превратит Робеспьера в одиозную фигуру не только Французской революции, но и всей национальной истории Франции.

Робеспьер всегда выступал против дехристианизации, насаждавшейся с 1791 года. В то же время он и не был отвержен традиционной христианской религии, в которой его крестили и воспитали. Исповедуя идеи Просвещения в духе Руссо, Робеспьер вознамерился создать новую, если так можно сказать, атеистическую религию, которая могла бы стать идейной базой революции наряду с принципами равенства и справедливости. Он инициировал создание культа так называемого Верховного Существа (l'Être suprême), призванного заменить Святую Троицу — Бога Отца, Сына

и Святого Духа. При этом Робеспьер ссылался на упоминание о Верховном Существом еще в первой Декларации прав человека и гражданина (26 августа 1789 года).

В мае 1794 года Робеспьер провел через Конвент декрет, в котором утверждалось, что «французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертие души». А 20 прериаля (8 июня 1794 года) он устроил на Марсовом поле праздник Верховного Существа, собравший почти весь Париж. По неслучайному совпадению этот день пришелся на праздник Святой Троицы.

Постановщиком праздника стал известный художник и не менее известный якобинец Жак-Луи Давид. Робеспьер, возглавивший торжества, в своей речи говорил о том, что этот день должен объединить всех французов. Это произвело впечатление даже на тех, кто не разделял его взгляды. Многие были введены в заблуждение относительно дальнейших намерений Неподкупного. Правда, принятый два дня спустя декрет о Великом терроре быстро рассеял возникшие было иллюзии.

Расширение террора, от которого не был застрахован ни один француз, было серьезнейшим просчетом Робеспьера и его единомышленников — Кутона и Сен-Жюста. С ослаблением внешней угрозы после побед революционных армий выявились глубокие разногласия в отношении экономической политики правительства Робеспьера, в особенности по вопросу о «всеобщем максимуме». Явные и скрытые противники Робеспьера в Конвенте, включая и многих монтаньяров, начали готовить смещение Неподкупного, который в это время обнаружил удивительную близорукость, а после триумфа на празднике Верховного Существа вообще впал в трудно объяснимую апатию. Несколько недель он не появлялся в Комитете общественного спасения и даже в Конвенте. Из летаргического состояния его не вывели даже две попытки покушения, предпринятые безработным Анри Ладмира и двадцатилетней парижанкой Сесиль Рено, вооруженной двумя ножами. Расследование показало, что это были террористы-одиночки. Разумеется, они были отправлены на гильотину.

26 июля (8 термидора по революционному календарю) Робеспьер неожиданно явился в Конвент и выступил с резкими обвинениями по адресу «врагов революции», не назвав, правда, их имен. Это прозвучало как явная угроза, побудив заговорщиков поспешить с переворотом.

Заговор объединил самые разные политические силы — от вчерашних «бешеных» и уцелевших эбертистов до дантонистов и представителей «болота». Оправданием для них стала идея «спасения Республики от тирана» и возвращение Конвенту его суверенных прав в управлении страной.

На завершающей стадии подготовки заговора кто-то распространил по городу провокационный слух: Робеспьер намеревается освободить из-под ареста в Консьержери пятнадцатилетнюю Марию-Терезию Шарлотту, дочь казненного Людовика XVI, чтобы (!) жениться на ней. Очевидная нелепость подобного слуха тем не менее на многих произвела впечатление. Против Неподкупного, превратившегося в «тирана», его противники умело обратили и бредовые заявления сумасшедшей старухи Катрин Тео, которая еще в середине июня объявила себя Девой Марией, а Робеспьера — своим сыном. Парижане хорошо помнили недавнее торжество на Марсовом поле, где Робеспьер публично поклонялся Верховному Существо. Уж не возомнил ли он себя сыном Творца? И не манипулирует ли сам Неподкупный безумной Катрин Тео?.. Все это не могло не настораживать «благоразумных» граждан, втайне мечтавших избавиться от «тирана».

27 июля (9 термидора) депутаты-заговорщики устроили в Конвенте обструкцию Робеспьеру и Сен-Жюсту, не дав им выступить с трибуны. Самые невероятные, зачастую взаимоисключающие обвинения посыпались на них как из рога изобилия. Эта словесная вакханалия могла бы продолжаться еще неопределенно долго, если бы один из депутатов (Луше), ничем себя прежде не проявивший, не предложил немедленно арестовать весь «триумvirат» — Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

Под крики «Vive la République!» депутаты единогласно проголосовали за это предложение. Перед лицом столь редкого единодушия Робеспьер мрачно произнес: «Республика погибла. Настало царство разбойников». Робеспьер-младший

заявил, что желает разделить участь старшего брата, после чего оба они были арестованы.

Казалось, что заговор успешно завершился. Но пока еще это было не так. Когда Робеспьера доставили в тюрьму Люксембург, ее опешивший начальник с испугу отказался его принять. Неподкупный и его брат поспешили этим воспользоваться и укрылись в Ратуше. Однако, оказавшись в безопасности, Робеспьер почему-то ничего не предпринял для организации сопротивления мятежникам. Он продолжал бездействовать, вызывая удивление своих сторонников.

Тем временем известие о событиях в Конвенте быстро распространилось по Парижу, вызвав всеобщее смятение. Коммуна и мэрия призвали парижан к восстанию. Термидорианский Конвент, со своей стороны, разослал директивы о соблюдении порядка и вызвал Национальную гвардию для своей защиты. Национальные гвардейцы были обескуражены арестом своего командира, генерала Анрио, и назначением нового — Поля Барраса, члена Конвента. Они еще не знали, что их новый командующий — активный участник заговора. Именно его решимость и определила конечную победу термидорианцев.

В конце дня во главе четырехтысячного отряда Баррас явился на Гревскую площадь и блокировал здание Ратуши, где находились Робеспьер и некоторые его соратники. Те, на кого еще мог надеяться Неподкупный, пребывали в растерянности. Парижские секции, совсем недавно униженные им, были дезориентированы и колебались. Собравшиеся на Гревской площади горожане, не видя никаких сигналов к действию, к вечеру постепенно стали расходиться.

С наступлением ночи Баррас дал команду на захват Ратуши, где в это время продолжались бесполезные дискуссии о «текущем моменте». Термидорианцы ворвались в зал заседаний и несколькими выстрелами прекратили дебаты. Одна из пуль попала Робеспьеру в челюсть. Огюстен, его младший брат, попытался покончить жизнь самоубийством, выбросившись из окна, но лишь сломал ногу и попал в руки мятежников. Преданный Робеспьеру депутат Леба, подумав, что его друг мертв, поспешил застрелиться. Кутона, стра-

давшего параличом обеих ног, столкнули в коляске вниз по лестнице. В ту же ночь был арестован и Сен-Жюст.

В середине следующего дня «триумvirат», дополненный Огюстом Робеспьером, был доставлен в Революционный трибунал. Прокурор Антуан Фукье-Тенвиль, понаторевший в упрощенном судопроизводстве, ограничился тем, что удостоверил личности подсудимых и сообщил им, что, будучи объявлены вне закона, они не имеют права ни на защиту, ни на обычный процесс. Затем бесстрастным голосом он зачитал им смертный приговор. Все происходило согласно процедуре, одобренной в свое время самим Робеспьером. Менее чем через год и Фукье-Тенвилю доведется заслушать аналогичный приговор и тоже умереть на гильотине.

В тот же день, 10 термидора II года Республики (28 июля 1794), в 18 часов 15 минут Робеспьер и его соратники (21 человек) на повозках были доставлены на площадь Революции. Робеспьеру пришлось пережить смерть почти всех своих друзей. Его казнили предпоследним. Перед самой казнью помощник палач сорвал повязку, которая поддерживала раздробленную челюсть, и Робеспьер вскрикнул от нестерпимой боли. Через мгновение лезвие гильотины прекратило его страдания.

...Когда палач привычным жестом поднял за волосы отрубленную голову Неподкупного и продемонстрировал ее собравшейся вокруг эшафота толпе, раздались дружные аплодисменты...

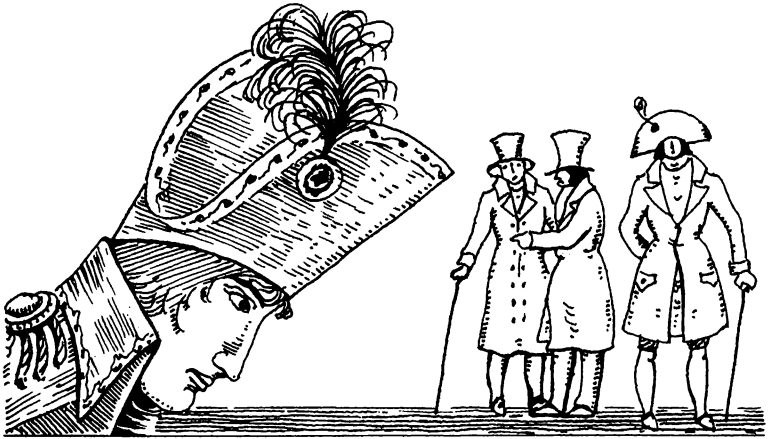
Год спустя, 28 июля 1795 года, термидорианский режим праздновал годовщину свержения Робеспьера. Как водится, услужливые деятели культуры приняли самое активное участие в художественном осмыслении государственных торжеств. Поэт Мари-Жозеф Шенье и композитор Этьен-Николя Меюль написали к этому событию «Гимн Девятого термидора», в котором были следующие строки:

Девятый термидор! О день освобожденья!
Очистишь землю ты, где не просохла кровь.
Вторично Франции приносишь ты спасенье,
Свободу нам являешь вновь.

Ты искупил отцов мучения и раны!
Венец последнего из наших королей,
Который приняли как власти знак тираны,
Ты растоптал ногой своей.

Жрецы Республики, восславьте день Победы,
Венчайтесь, девушки, гирляндой свежих роз,
Почтите гимнами, отцы, супруги, деды,
День, осушивший реки слез!*

* Перевод Всеволода Рождественского.

30 января 1829 года в дом умершего накануне в парижском пригороде Шайо 74-летнего Поля Барраса явились агенты тайной полиции с приказом министра юстиции Пейронне изъять все бумаги покойного, включая рукопись мемуаров, которые, по слухам, написал бывший глава Директории. Министр хотел воспрепятствовать утечке документов и публикации воспоминаний ветерана революции, которые могли бы нанести ущерб Бурбонам и режиму Реставрации, установленному после крушения наполеоновской империи.

Тщательно проведенный обыск ожидаемых результатов не дал. Об этом и было доложено министру юстиции.

Спустя полтора года Июльская революция свергнет с престола Карла X и покончит с режимом Реставрации. Вновь заговорят о разоблачительных воспоминаниях Барраса. На этот раз его вдова не стала опровергать слухи, но решительно отказала издателям, оспаривавшим друг у друга право на их публикацию. Впоследствии, после ее смерти, неоднократно сообщалось, что мемуары Барраса вот-вот станут достоянием читателей, но всякий раз слухи оказывались ложными.

Пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем в 1895–1896 годах они увидят свет и... во многом разочаруют историков. Крайний субъективизм Барраса, его непреодолимая ненависть к Наполеону — своему бывшему протеже — в значительной степени обесценят их значение как ценного исторического источника. В то же время воспоминания содержат множество любопытных деталей, характеризовавших людей и нравы эпохи Французской революции, особенно периода Термидора и Директории (1795–1799), когда Баррас играл ключевую роль в политической жизни Франции.

Позднейшие историки будут называть его «Красным виконтом», «Королем Директории» и даже «Королем Республики», и все они сойдутся в том, что Баррас был беспринципным, циничным и нечистым на руку политиком. Впрочем, этими качествами он мало отличался от многих своих коллег, например от Талейрана, хотя и уступал последнему по масштабу личности и политическому влиянию.

Будущий генерал революции, свергнувший Робеспьера, один из учредителей режима Директории, по происхождению принадлежал к старой провансальской знати. На его малой родине с давних пор бытовала поговорка: «Знатные, как Баррасы, древние, как скалы Прованса».

Виконт Поль Франсуа Жан Николя де Баррас родился 30 июня 1755 года в Фокс-Анфу. Он был старшим из трех сыновей местного сеньора, капитана королевской пехоты. Судьба его братьев сложилась по-разному. Один станет добрым христианином и даже каноником в Марселе. Другой, страстный картежник, погрязнет в долгах и в конечном итоге утопитя от безнадежности. В отличие от старшего брата, вставшего на сторону революции, он умрет убежденным роялистом. Кузен братьев Баррасов, вице-адмирал Жан Мельхиор де Баррас де Сен-Лоран, отличится в войне североамериканских колоний за независимость.

Поль де Баррас избрал для себя военное поприще. В 1771 году шестнадцати лет от роду он вступил в Лангедокский полк в чине младшего лейтенанта, но с самого начала проявил себя не усердием в службе, а разгульным образом

жизни. Не получивший по каким-то причинам должного воспитания, он был обуреваем страстями и неутолимой жадой удовольствий и постоянно попадал в сомнительные истории. После очередного громкого скандала, случившегося в 1775 году, начальство, и без того не жаловавшее Барраса, предложило ему выйти из полка. При этом он был лишен офицерского звания, что встретило одобрительную реакцию его других офицеров, не любивших заносчивого и к тому же морально нечистоплотного сослуживца.

Юный виконт отправился в Иль-де-Франс, где губернатором был один из родственников Баррасов, который предложил незадачливому племяннику занять вакансию младшего офицера в гарнизоне Пондишери, во Французской Индии, где французы обосновались со времен Людовика XIV. Выбора не было, и Баррас неохотно отправился в дальний путь, оставив в Провансе молодую жену, в девичестве — мадемуазель Тамплие, дочь богатого торговца из Котиньяка. Они поженились вскоре после изгнания Барраса из армии. Браком по расчету он надеялся укрепить свое материальное положение.

В районе Мальдивских островов корабль, на борту которого Баррас следовал к месту новой службы, попал в шторм и потерпел крушение, натолкнувшись на подводный риф. В возникшей панике капитан растерялся, Баррас же неожиданно проявил решительность и распорядительность. Когда матросы стали разбегаться кто куда, он несколькими выстрелами восстановил дисциплину. Затем по его приказу были сооружены плоты, на которых команде удалось переправиться на берег ближайшего острова, населенного туземцами. На острове им пришлось провести месяц, пока они не были обнаружены проходившим мимо французским кораблем.

В феврале 1776 года Баррас наконец прибыл в Пондишери, где его встретили как героя. В чине лейтенанта он возобновил военную службу. Но и здесь, как и на прежнем месте, он не снискал расположения товарищей, которых отталкивали его демонстративный цинизм и вызывающая аморальность, лживость, интриганство и нечистоплотность в денежных делах (он был заядлый картежник, а когда проигрывал, то

нередко запускал руку в полковую кассу или вовсе не отдавал долгов).

За два последующих года лейтенант Баррас получил наглядное представление о системе колониального управления Французской Индией, куда помимо Пондишери входили другие прибрежные территории — Шандернагор, Махе, Карикал и Янаон, в разное время приобретенные у индийских раджей. Он пришел к выводу, что существовавшая система управления давно себя исчерпала и нуждается в серьезном реформировании. Своими соображениями Баррас поделился с губернатором Французской Индии генералом Гийомом Леонаром де Белькомбом, но поддержки не получил.

Тем временем, в феврале 1778 года, Франция вступила в войну с Англией на стороне американских колоний, а уже летом того же года британский флот подошел к южному побережью Индии. В коротком морском сражении 10 августа 1778 года англичане вынудили французскую эскадру поспешно отойти к острову Маврикий, оставив город без прикрытия с моря. Это позволило британцам приступить к методичному обстрелу Пондишери из корабельных орудий. При разрыве одного из снарядов был ранен возглавлявший оборону Белькомб.

Перестрелки продолжались более месяца. Утром 13 октября англичане, многократно превосходившие по численности силы оборонявшихся, начали генеральное наступление на Пондишери и к вечеру того же дня преодолели главный ров, опоясывавший город. Через два дня они уже находились в тридцати метрах от последней линии обороны. 16 октября Белькомб собрал Военный совет. Констатировав безнадежность ситуации, Совет принял решение о капитуляции. 18 октября 1778 года англичане вошли в город. Все французские офицеры и солдаты под конвоем были отправлены в Мадрас. Среди них и лейтенант Баррас.

В плену он провел более полутора лет. В мае 1780 года вместе с другими освобожденными военнопленными Баррас на борту фрегата «Сартин» прибыл в порт Марселя.

Через год он возвратился в Индию в составе эскадры адмирала Сюффрена и принял участие в завершающих операциях франко-английской войны под командованием полевого

маршала де Бюсси, маркиза де Кастиельно, нового губернатора Французской Индии. Воспоминания Барраса об этом отрезке жизни отличаются весьма неблагоприятными отзывами о его командирах, не желавших продвигать честолюбивого офицера по карьерной лестнице. Он безнадежно застрял в лейтенантах.

После заключения мира в 1783 году Баррас на корабле под благозвучным названием «Возлюбленная Жюли» окончательно возвращается во Францию. Здесь он возобновляет критику колониальной политики, шлет письма и памятные записки морскому министру маршалу де Кастри, в ведении которого находились заморские владения Франции, но, как и прежде, не находит поддержки, вызывая у начальства только возраставшее раздражение. Его критические выпады постепенно распространяются на всю деятельность правительственной администрации, за что ему даже угрожают Бастилией. В 1786 году после очередного отказа в получении капитанского чина Баррас под предлогом болезни подает в отставку, которая немедленно принимается.

Оставив жену в Провансе, он устремляется в Париж и с головой погружается в жизнь столичного бомонда. Последующие за возвращением из Индии два с половиной года Баррас проводит в праздности и разгуле. Он беззаботно проматывает состояние, предпочитая не заглядывать в завтрашний день.

Баррас всегда пользовался успехом у женщин, о которых он, со своей стороны, обычно отзывался пренебрежительно и даже презрительно. Единственным исключением, наверное, была звезда парижской сцены, модная драматическая актриса и вокалистка Мадлен-Софи Арнуль, с которой он сблизился, несмотря на большую разницу в возрасте (Арнуль была на пятнадцать лет его старше). В ее салоне он завязывает полезные знакомства и встречает людей, которым предстояло играть важную роль в грядущих событиях. Именно здесь происходит его знакомство с Мирабо, под влиянием которого Баррас вступает в масонскую ложу.

Революция застала его врасплох. Позднейшие свидетельства Барраса относительно его позиции и политических взглядов

в начальный период революции не заслуживают доверия, учитывая, что на протяжении длительного времени они неоднократно редактировались и даже пересматривались с каждой последующей сменой политического режима во Франции.

Бесспорно одно — и 14 июля 1789 года, в день взятия Бастилии, и 5–6 октября, когда королевскую семью вынудили переехать из Версаля в Париж, — он всего лишь пассивный наблюдатель. Более того, в то время он явно сочувствовал королю и испытывал ужас от бесчинств «взбунтовавшейся черни». Опрошенный в качестве свидетеля о событиях 5 и 6 октября Баррас показал, что был очевидцем того, как «трое неизвестных возбуждали толпу, говоря ужасные вещи против короля и королевы», что «он пытался выступить в их защиту, но был освистан и вынужден был удалиться, содрогаясь от ужаса».

Дальнейшее развитие событий побудило Барраса радикально поменять свои взгляды, когда он понял, что революция открывает перед дальновидными людьми прямой путь к власти и богатству. Для такого расчетливого циника, как Баррас, это был самый убедительный аргумент, чтобы перейти на сторону набиравших силу республиканцев. Правда, пришлось набраться терпения — до той поры, пока внутривполитическая ситуация не совершит очередной вираж, востребовав новых людей.

В ожидании своего часа Баррас в начале 1790 года покидает Париж, явно «перенаселенный» уже состоявшимися политиками и честолюбивыми «абитуриентами», жаждавшими приобщиться к новой власти. Он возвращается в Прованс, активно вовлекается в местную политическую жизнь и очень скоро получает должность администратора в департаменте Вар, а затем становится председателем суда в Орлеане. Приобретенная известность помогает ему после роспуска Законодательного собрания в сентябре 1792 года избраться в Национальный конвент.

В новом парламенте Баррас как человек без твердых политических убеждений поначалу оказался среди депутативцентристов, принадлежавших к «болоту». Это не помешало ему, человеку расчетливому, записаться в «Клуб якобинцев».

Причем присоединился он не к относительно умеренным жирондистам, а к радикалам-монтаньярам. В январе 1793 года недавний роялист голосует в Конвенте за смертную казнь Людовика XVI, после чего его имя вносится эмигрантами в список цареубийц (*régicides*). Младший брат Барраса остался при этом убежденным роялистом.

В июне 1793 года Баррас вместе с якобинцами проголосовал в Конвенте за изгнание оттуда жирондистов, после чего был направлен вместе со своим коллегой-депутатом Луи Фрероном в Прованс, охваченный волнениями, в которых участвовали не только роялисты, но и жирондисты, не признавшие якобинский переворот. У комиссаров Конвента были самые широкие полномочия, которыми они воспользовались в полной мере. Их путь по Провансу отмечен кровавым террором, жертвами которого становились все, кто оказывал неповиновение и тем более сопротивление. Начали они с наведения «революционного порядка» в Марселе и близлежащих местностях.

В августе 1793 года Тулон, считавшийся цитаделью якобинцев, был сдан англичанам и их союзникам — испанцам и неаполитанцам. В сдаче города Баррас и Фрерон обвинили командование Итальянской армии. Явившись в штаб армии, расположенный в Ницце, Баррас арестовал командующего армией генерала Брюне, обвинив его в измене. Изменником был объявлен и командир эскадры контр-адмирал Трогофф, не воспрепятствовавший входу английских кораблей в гавань Тулона.

Главными задачами Барраса стало восстановление боеспособности армии, подавление очагов восстаний и изгнание англичан из Тулона, который был блокирован с суши революционными войсками. Осада затянулась на четыре месяца.

В это время в поле зрения Барраса впервые попал артиллерийский лейтенант Бонапарт, обнаруживший недюжинные военные способности, явно превосходившие его скромный чин. Бонапарт предложил комиссару Конвента детальный план артиллерийского обстрела и последующего штурма города-крепости. Баррас этот план одобрил и предоставил Бонапарту необходимые полномочия, произведя его своей

властью в капитаны. Сам Баррас принял командование над одной из дивизий, осаждавших Тулон, и лично участвовал в захвате прилегающего к городу форта на горе Фарон.

Замысел Бонапарта оправдал себя в полной мере. Умело организованный артиллерийский обстрел был настолько сокрушительным, что заставил англичан не дожидаться генерального штурма. 18 декабря 1793 года адмирал Сэмюел Худ, командовавший британской эскадрой, вышел в открытое море, разместив на кораблях гарнизон Тулона. Наиболее предусмотрительные горожане-французы поспешили эвакуироваться вместе с англичанами, опасаясь репрессий со стороны соотечественников. Эти опасения оказались совершенно обоснованными.

Революционные войска вошли в Тулон словно иностранные захватчики. По приказу Барраса город на несколько дней был отдан на разграбление, сопровождавшееся массовыми казнями. Точно так же якобинские власти вели себя ранее в Марселе и Лионе.

Капитан Наполеон Бонапарт, 24-летний герой освобождения Тулона, по инициативе Барраса и прибывшего в город Огюстена Робеспьера, брата якобинского вождя, 14 января 1794 года был произведен в бригадные генералы. Правда, лавры победителя достались все же не ему, а генералу Дюгоммье, командующему революционной армией, хотя в своих позднейших воспоминаниях Баррас говорит, что роль Наполеона Бонапарта во взятии Тулона была решающей. Одновременно Баррас не отказал себе в удовольствии заметить, что будущий император в то время «без колебаний причислял себя к ультрамонтаньярам».

О чем Баррас, разумеется, ничего не написал в воспоминаниях, так это о том, что они с Фрероном творили в Провансе под предлогом борьбы с контрреволюцией. Проводимые под их руководством репрессии приняли столь широкие масштабы и сопровождались такими злоупотреблениями, что встревожили даже Робеспьера, и Баррас и Фрерон были отозваны в столицу.

По возвращении в Париж Баррас попытался сблизиться с Робеспьером, но главный якобинец отверг его дружбу.

В то же время в Комитете общественного спасения стали требовать расследования деятельности Барраса в Провансе, где, по слухам, он несказанно обогатился. Обеспокоенный Баррас попытался заручиться поддержкой Дантона, но тот 31 марта 1794 года неожиданно был арестован, а через пять дней гильотинирован.

Баррас со дня на день сам ожидал ареста, но тут на него вышли организаторы заговора против Робеспьера — Жан Тальен, Жозеф Фуше, Жан-Батист Каррье... Они посвятили Барраса в свои планы, и он горячо их поддержал. Ему досталась важная роль командира отряда, который должен был нейтрализовать Национальную гвардию.

Когда 9 термидора (27 июля 1794 года) противники Робеспьера в Конвенте добились его отстранения от власти, Баррас распоряжением термидорианского парламента был назначен командующим внутренними войсками Парижского района. В его распоряжении оказалось более четырех тысяч солдат и офицеров. С ними вечером 27 июля он появился на Гревской площади и с наступлением ночи без особого труда овладел Ратушей, захватив находившихся там лидеров якобинцев. На следующий день Максимильен Робеспьер и его соратники были казнены. 29 июля за ними последовали семьдесят видных членов Парижской коммуны, пытавшихся организовать сопротивление термидорианцам. Это была последняя и самая массовая казнь в революционном Париже.

А Баррас в одночасье превратился в едва ли не главную фигуру на политической сцене французской столицы. Одним из своих первых распоряжений в качестве командующего он приостановил деятельность в Революционного трибунала, чем, надо сказать, спас жизнь восьми тысячам подсудимых, которым угрожала неминуемая смерть. Уже одно это обеспечило Баррасу широкую популярность в обществе, парализованном страхом перед якобинским террором.

В декабре 1794 года он входит в состав Комитета общей безопасности, контролировавшего полицию и всю юстицию, а в феврале 1795 года становится председателем термидорианского Конвента. Чуть позже Баррас был произведен

в бригадные генералы и получил чрезвычайные полномочия в подавлении якобинских и роялистских заговоров и восстаний, которые угрожали пока еще слабому термидорианскому режиму.

Первое антиправительственное выступление парижских низов, протестовавших против своего бедственного положения, произошло 12 жерминаля III года Республики (1 апреля 1795 года). Баррас жестоко подавил его с помощью войск генерала Ж.-Ш. Пишегрю.

20 мая того же года (1 прериала) в Париже вспыхнуло новое восстание, организованное находившейся в подполье якобинской оппозицией. Мятежники попытались захватить Конвент, но по приказу Барраса были рассеяны войсками генерала Мену.

В полной мере Баррас воспользовался предоставленными ему полномочиями 13 вандемьера III года Республики (5 октября 1795 года), когда свергнуть термидорианский режим попытались роялисты, собравшие значительные силы (до 25 тыс. человек). Численность войск, верных термидорианскому Конвенту, в тот момент не превышала пяти тысяч человек. Ситуация складывалась явно не в его пользу.

О готовящемся восстании Баррас узнал едва ли не в последний момент. В критической ситуации он призвал на помощь оказавшегося в это время в Париже генерала Бонапарта, поручив ему организовать оборону Тюильри, где располагался Конвент, который намеревались захватить роялисты, руководимые генералом Тевено. Бонапарт привлек к этому делу своих сослуживцев — бригадного генерала Гийома Брюна, будущего маршала Франции, и командира эскадрона Иоахима Мюрата — тоже будущего маршала и даже неаполитанского короля. Мюрат срочно перебросил в Париж из летних полевых лагерей сорок пушек, которые Бонапарт распорядился расщедоточить по улицам, ведущим к Тюильри.

Когда мятежники, возглавляемые Тевено, попытались окружить здание Конвента, Баррас приказал Бонапарту открыть артиллерийский огонь. Обстрел, которым лично руководил Бонапарт, продолжался три четверти часа. Около 300 мятежников были убиты. Остальные в панике разбежались

или попытались укрыться в близлежащем храме св. Рока, где они и были схвачены. 64 наиболее активных участников мятежа были приговорены к смертной казни.

А Бонапарт был вознагражден производством в звание дивизионного генерала — высшее воинское звание Французской республики.

Вскоре после подавления роялистского восстания, 27 октября 1795 года, была принята новая конституция, учредившая новый политический режим — Директорию. Исполнительная власть отныне сосредоточилась в руках пяти директоров, представлявших собой коллективное правительство. Система коллективного руководства призвана была не допустить единоличную диктатуру, ибо слишком свежи были еще воспоминания о диктатуре Робеспьера. Дополнительной гарантией служил механизм регулярной сменяемости директоров. Ежегодно из состава Директории должен был по жребию выбывать один из ее членов, который заменялся новым директором.

Персональный состав Директории определялся двухпалатным Законодательным корпусом в лице Совета пятисот (по числу депутатов) и Совета старейшин (250 депутатов), избираемых на двухэтапных выборах. Совет пятисот составлял список из пятидесяти кандидатов в члены Директории, а Совет старейшин по своему усмотрению выбирал из этого списка пять директоров.

Директория была наделена широкими полномочиями в области обеспечения национальной безопасности и претворения в жизнь принимаемых законов. Она же назначала министров и послов, утверждала высший командный состав армии. В каждом департаменте Директория имела своих представителей (комиссаров), через которых контролировала ситуацию по всей стране. Все государственные дела решались в присутствии не менее трех членов Директории. Официальной резиденцией нового правительства стал Люксембургский дворец.

Первыми директорами были избраны Луи Мари де Ла Ревельер-Лепо, Жан-Франсуа Рейбель, Этьен Франсуа Ле

Турнёр, Эмманюэль-Жозеф Сиейес и Поль Баррас, сразу же занявший особое положение в правительстве. В дальнейшем состав Директории неоднократно менялся. К моменту бонапартистского переворота 18 брюмера (1799 год), положившего режиму Директории конец, из прежнего ее состава остался лишь Баррас.

Став осенью 1795 года одним из пяти директоров, Баррас сумел привлечь на свою сторону двух других — Рейбеля и Ла Ревельера-Лепо, уступавших ему во многих отношениях, и прежде всего в решительности и политической изворотливости. Внутри Директории образовался своего рода триумвират, который во многом определял правительственную политику.

С целью укрепления своих позиций и под предлогом предотвращения угрозы со стороны роялистов и якобинцев, окопавшихся якобы в Законодательном корпусе, Баррас, Рейбель и Ла Ревельер-Лепо 4 сентября 1797 года (18 фрюктидора V года Республики) осуществили государственный переворот. Успеху переворота в решающей степени способствовали прибывшие из Итальянской армии генералы — Пьер Ожеро (будущий маршал Франции) и Жан Кристоф Коллен. В этот день были арестованы директор Бартеlemi, председатель Совета пятисот Жозеф-Жером Симеон, председатель Совета старейшин Андре-Даниэль Лаффон де Ладеба, генерал Жан-Шарль Пишегрю, ряд других военачальников, депутатов и журналистов. Многие из них по приговору суда отправились на каторжные работы во Французскую Гвиану. Лазар Карно, еще один директор, успел бежать за пределы Франции.

В результате переворота, сильно ослабившего законодательную власть, политическое руководство сосредоточилось в руках триумvirата во главе с Баррасом, который с упоением использовал свое новое положение. Получаемое им директорское жалованье никак не соответствовало тому образу жизни, который он вел, окружив себя сказочной роскошью. В резиденции Директории, Люксембургском дворце, он устраивал празднества, не уступавшие по масштабам дворцовым увеселениям эпохи Людовика XV. Здесь он

собирал сливки столичного общества и задавал тон светской жизни Парижа.

Украшением салона Барраса и одновременно живыми символами эпохи Директории были две женщины — Тереза Тальен и Жозефина де Богарне.

Первая, урожденная де Кабарюс, была дочерью испанского министра финансов. Первым мужем четырнадцатилетней Терезы был маркиз де Фонтене, который успел представить ее двору Людовика XVI. С началом революции они развелись, и Тереза вернула себе девичью фамилию. Дальнейшая ее жизнь напоминает увлекательный роман: поклонница революционных идей, гостеприимная хозяйка салона, где собирались знаменитости — Ларошфуко, Лафайет, Ламетт, Мирабо, Барнав, Дантон и сам Робеспьер, — дважды арестованная как бывшая жена эмигранта-роялиста, любовница, потом супруга депутата и комиссара Конвента Жана-Ламбера Тальена, наконец, любовница Барраса. В полицейских сводках, фиксировавших ее бесчисленные похождения, она проходила как «проститутка Кабарюс», но сама предпочитала льстившее ей прозвище «Notre Dame de Thermidor» («Богородица Термидора»).

В отсутствие мадам Баррас, продолжавшей коротать дни в провинциальном одиночестве, Тальен взяла на себя роль хозяйки и стала законодательницей мод для жен и любовниц буржуазных парвеню, дорвавшихся до власти. Она ввела в Париже прозрачные газовые одеяния, высокие каблуки и платье с разрезом до бедер, показывающие при ходьбе обнаженные (или одетые в телесного цвета трико) ноги. Руки и грудь она открывала до крайности, а вместо туфель часто носила сандалии, причем пальцы ног украшала кольцами. Одно из ее платьев стоило не менее 12 тыс. франков. Разумеется, все расходы оплачивал Баррас, ее любовник.

Постоянной гостьей салона Барраса была другая светская львица, которой также приписывали связь с главой Директории, — тридцатилетняя Жозефина де Богарне, урожденная Мари-Роз-Жозефа-Таше де ла Пажери, бывшая жена генерала революционной армии, гильотинированного за несколько дней до термидорианского переворота.

Когда Баррасу, избалованному вниманием прекрасного пола, надоели обе эти женщины, содержание которых обходилось ему слишком дорого, он сумел ловко избавиться от них. Мадам Тальен он уступил разбогатевшему на военных поставках торговцу Уврару, причем эта уступка была оформлена юридически, о чем Баррас впоследствии со смехом любил рассказывать. А Жозефину он свел с генералом Бонапартом, часто гостившим у него в Люксембургском дворце, определил тем самым ее дальнейшую необыкновенную судьбу.

Режим Директории с самого начала обнаружил свою неустойчивость, что и породило столь частые за короткий период его существования перевороты. Эта неустойчивость объяснялась не только тяжелыми экономическими реалиями и непрерывными революционными войнами, но и особенностями конституции III года Республики, предполагавшей ежегодное обновление Законодательного корпуса на одну треть. Это привело к тому, что состав парламента и соотношение сил в нем постоянно менялись — то в пользу республиканцев (и даже неоякобинцев), то в пользу монархистов, а это в свою очередь служило питательной почвой для насильственного изменения ситуации. Так было 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 года), так было и 22 флореалья VI года (11 мая 1798 года), когда руководимая Баррасом Директория своевольно пересмотрела результаты очередных частичных выборов, дававших некоторое преимущество неоякобинцам. Так было и 30 прериалья VII года (18 июня 1799 года), когда Законодательный корпус принудил уйти в отставку сразу трех директоров (Трельяра, Ла Ревельера-Лепо и Мерлена), заменив их новыми — Луи Гойе, Жаном-Франсуа Муленом и Роже Дюко.

Отсутствие устойчивой парламентской поддержки не позволило Директории реализовать программу реформ с целью укрепления национальной валюты, модернизации системы государственного управления и наращивания военного потенциала. Принятый под давлением неоякобинцев закон о прогрессивном налогообложении лишил Директорию поддержки со стороны крупной буржуазии — ее главной социальной опоры.

Шантаж неоякобинцев возвращением к террору и чрезвычайному законодательству времен Робеспьера привел к дистанцированию от Директории части депутатов, прежде ее всегда поддерживавших. Острые разногласия возникали и между самими директорами, особенно с избранием в ее состав в 1799 году Эмманюэля-Жозефа Сиейеса. С его приходом в Директорию позиции Барраса, лишившегося незадолго до этого своего союзника, Ла Ревельера-Лепо, существенно ослабли.

Сиейес, ветеран революции, не только не испытывал пиетета перед избалованным лестью Баррасом, но и не желал иметь с ним ничего общего. Он с трудом скрывал, что презирает его.

В это время появились смутные слухи о тайных переговорах Барраса с роялистами и с британским правительством о возможности возвращения Бурбонов. Разумеется, Баррас их решительно опровергал, но его репутации был нанесен непоправимый ущерб.

Со своей стороны, многоопытный Сиейес, чувствуя нараставшее недовольство не только Баррасом, но и режимом Директории, посчитал нужным войти в контакт с генералом Бонапартом, находившимся в то время в Египте. В овеванном славой Бонапарте Сиейес прозорливо усмотрел человека, способного предотвратить самое ужасное — возвращение к временам Робеспьера.

Наполеон Бонапарт правильно понял обращенный к нему запрос, но он смотрел на свою миссию иначе, чем Сиейес. Именно он, генерал Бонапарт, а не Сиейес или кто-то другой, должен взять судьбу Франции в свои руки. Если Сиейес мечтал о восстановлении нарушенного равновесия между исполнительной (Директория) и законодательной (Совет пятисот и Совет старейшин) властями, то у Бонапарта были собственные далекоидущие планы.

Но на исходе 1799 года интересы директора и генерала временно совпали, и они без труда нашли общий язык.

Оставив армию в Египте, Бонапарт в октябре 1799 года возвратился в Париж и, внимательно изучив обстановку, с благословения Сиейеса 18 брюмера VIII года (9 ноября

1799 года) совершил государственный переворот, ликвидировав Директорию. На смену ей приходит новый режим — Консульство, законченный в новой конституции VIII года, одобренной на плебисците 7 февраля 1800 года.

Баррас остался не у дел. Он попытался было вступить в контакт со своим бывшим протезе, но успеха не имел, после чего удалился в свое имение в Гроссбуа (долина Марны), а позднее вообще покинул Францию и обосновался в Брюсселе. Там ему оставалось лишь наблюдать со стороны за происходившими на родине событиями да вспоминать минувшее, ностальгируя и изливая свою горечь в мемуарах.

В 1805 году Баррасу было разрешено вернуться во Францию. Он поселился в Марселе и вел уединенный образ жизни. Тем не менее в 1812 году его обвинили в участии в республиканском заговоре генерала Мале и выслали за пределы Франции, куда он вторично вернулся весной 1814 года. Попытка Барраса вновь приобщиться к политической жизни провалилась — в услугах некогда могущественного человека уже никто не нуждался. Вернуться в политику ему суждено не было.

Единственное, что ему удалось, так это не подвергнуться третьему изгнанию, на этот раз в числе «цареубийц», приговоривших в 1793 году к смерти Людовика XVI. По всей видимости, исключение для него было сделано по той причине, что Баррас в отличие от многих не поддержал Наполеона в период «Ста дней». А может быть, свою роль здесь сыграли его тайные контакты с роялистской эмиграцией, о чем ходили слухи на исходе Директории? Кто знает...

Так или иначе, но после 1815 года Баррас, не успевший растратировать до конца свое «благоприобретенное» состояние, продолжал вести вполне комфортную жизнь. 29 января 1829 года он умер всеми забытый в своем доме в Шайо и спустя несколько дней был похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез.

Вместо заключения

В истории Франции XVII—XVIII века отмечены важнейшими событиями. Утверждение у власти династии Бурбонов на рубеже XVI и XVII столетий и превращение сословной французской монархии в абсолютную, участие Франции в Тридцатилетней войне 1618—1648 годов и драматические события Фронды, войны Людовика XIV и Людовика XV, расцвет французской культуры в эпоху Просвещения и кризис абсолютизма, завершившийся крушением одряхлевшего Старого порядка... Самым ярким событием этих двух столетий, безусловно, была Французская революция конца XVIII века, ставшая потрясением для всей Европы и открывшая новую эру в ее истории.

Каждый период выдвигал своих лидеров — одних по праву рождения, других — по логике политической борьбы. Это были совершенно разные личности — масштабные, как Генрих IV или Людовик XIV, бесцветные и слабохарактерные, как Людовик XIII или Людовик XVI. Одни правители рассматривали свою миссию как священный долг перед Господом и нацией; некоторые из них имели «великий замысел» и пытались его реализовать. Другие нередко подчиняли государственную политику собственным желаниям, прихотям фаворитов или фавориток и корыстным целям придворной камарильи.

Если фанатичный Робеспьер был одержим идеей всеобщего равенства и блага народа, не останавливаясь ради нее

перед массовым террором, то сменивший его законченный циник Баррас преследовал исключительно личный интерес, любой ценой желая удержаться у власти.

Так или иначе, все эти правители с их деяниями — от короля Генриха IV до республиканца Поля Барраса — неотъемлемая часть национальной истории Франции. Эта история продолжит отсчет времени с наступлением XIX века, который принесет стране новые испытания и потрясения, взлеты и падения, наконец выдвинет новые поколения правителей, имевших свои представления о Франции, ее месте и роли в мире. Но это уже будет, как говорится, совсем другая история.

Генрих IV

Балакин В. Д. Генрих IV. М., 2011.

Варфоломеевская ночь. События и споры. М., 2001.

Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986.

Babelon J.-P. Henri IV. Paris, 2009.

Biet C. Henri IV. Paris, 2000.

Cassan M. La Grande Peur de 1610. Les Français et l'assassinat d'Henri IV. Paris, 2010.

Collection des Mémoires relatifs à l'histoire de France depuis Henri IV...
Mémoires du Cardinal de Richelieu sur le règne de Louis XIII. Т. 21–30.
Paris, 1823.

Constant J.-M. Henri IV, roi d'aventure. Paris, 2010.

Delorme Ph. Henri IV. Les réalités d'un mythe. Paris, 2010.

Hanotaux G. Histoire du cardinal de Richelieu. Т. I–VI. Paris, 1893–1947.

Le Roy Ladurie E. Henri IV ou l'Ouverture. Paris, 2005.

Michelet J. Henri IV et Richelieu. Paris, 1857.

Mousnier R. L'assassinat d'Henri IV (14 mai 1610). Paris, 2008.

Tierchant H. Henri IV, roi de France et de Navarre. Bordeaux, 2010.

Регентша Мария Медичи

Кармона М. Мария Медичи. Ростов-на-Дону, 1998.

Фисэль Э. Жизнь Марии Медичи. М., 2012.

Carmona M. Marie de Médicis. Paris, 1981.

Delaunay M. Les Ancêtres de Marie de Médicis. Paris, 2005.

Dubost J.-F. Marie de Médicis: la reine dévoilée. Paris, 2009.

Marmone S. Paris et Florence, deux capitales du spectacles pour une reine:
Marie de Médicis. Paris, 1990.

Людовик XIII

- Булычева А.* Сады Армиды. М., 2004.
Таллеман де Пео Ж. Занимательные истории. М., 1974.
Canu J. Louis XIII et Richelieu. Paris, 1944.
Chevallier P. Louis XIII, roi cornélien. Paris, 1979.
Mémoires du Cardinal de Richelieu sur le règne de Louis XIII. Paris, 1823.
Méthivier H. et Thibault P. Le siècle de Louis XIII. Paris, 1994.
Petitfils J.-C. Louis XIII. Paris, 2008.
Tapié V.-L. La France de Louis XIII et de Richelieu. Paris, 1967.
Testament politique du Cardinal de Richelieu. Paris, 1947.

Людовик XIV

- Сен-Симон.* Мемуары 1691–1701. Отв. ред. В. Н. Малов.
Блюш, Ф. Людовик XIV. Пер. с франц. М., 1998.
Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.
Bély L. Louis XIV: le plus grand roi du monde. Paris, 2005.
Gallo M. Louis XIV. Vol. 1–2. Paris, 2007.
Saint Bris, G. Louis XIV et le Grand Siècle. Paris, 2012.

Регент Филипп Орлеанский

- Сен-Симон.* Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991.
Фукс Э. Галантный век. М., 1994.
Мезин С. Петр I во Франции. СПб., 2015.
Dupilet A. La Régence absolue: Philippe d'Orléans et la Polysynodie. Paris, 2011.
Erlanger P. Le Régent. Trahi par son destin. Paris, 2015.
Petitfils J.-C. Le Régent. Paris, 1996.
Poisson G. Les Orléans. Une famille en quête d'un trône. Paris, 1999.

Людовик XV

- Antoine M.* Louis XV. Paris, 2006.
Antoine M. Le gouvernement et l'administration sous Louis XV. Paris, 2004.
Bluche F. Louis XV. Paris, 2003.
Gaxotte P. Le siècle de Louis XV. Paris, 1972.
Petitfils J.-C. Louis XV. Paris, 2014.

Людовик XVI

Вступление на трон Людовика XVI. Донесения русского посланника во Франции князя И. С. Барятинского (май — июнь 1774 г.). Из фондов Архива внешней политики Российской империи. Публикация и комментарий П. П. Черкасова // Россия и Франция: XVIII—XX века. Вып. 2. М., 1998. С. 63—80.

Fajū B. Louis XVI ou la fin d'un monde. Paris, 1966.

Girault de Coursac P. et P. Enquête sur le Procès du Roi. Paris, 1992.

Lever E. Louis XVI. Paris, 1985.

Petitfils J.-C. Louis XVI. Paris, 2005.

Taillemite E. Louis XVI ou le navigateur immobile. Paris, 2002.

Viguerie J. de. Louis XVI, le roi bienfaisant. Paris, 2003.

Winock M. L'échec au Roi 1791—1792. Paris, 1991.

Максимильен Робеспьер

Робеспьер Максимилиан. Избр. произв. Т. 1—3. М., 1965.

Гордон А. В. Падение жирондистов. М., 1988.

Левандовский А. П. Максимилиан Робеспьер. М., 1959.

Лукин Н. М. Робеспьер. 2-е изд. М., Л., 1924.

Манфред А. 3. Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 1978.

Чудинов А. В. Робеспьер. М., 2006.

Brunel F. Thermidor: la chute de Robespierre, 1794. Bruxelles, 1989.

Dingli L. Robespierre. Paris, 2004.

Guillemin H. Robespierre: politique et mystique. Paris, 1987.

Obliq C. Robespierre. La probilité révoltante. Paris, 2016.

Walter G. Robespierre. Vol. 1—2. Paris, 1989.

Поль Баррас

Бовыкин Д. Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

Погосян В. А. Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004.

Mémoires de Barras, membre du Directoire. Vol. I—III. Paris, 1895—1896.

Le Bozec C. Barras. Paris, 2016.

Le Nahour É. Barras, le Vicomte rouge. Paris, 1982.

Garnier J.-P. Barras, le roi du Directoire. Paris, 1970.

Vivent J. Barras, le «Roi» de la République. 1755—1829. Paris, 1938.

Содержание

От автора	5
Генрих IV.	8
Королева-регентша Мария Медичи.	30
Людовик XIII	53
Людовик XIV.	79
Регент Филипп Орлеанский	113
Людовик XV	136
Людовик XVI.	164
Максимильен Робеспьер	201
Поль Баррас	226
Вместо заключения	242
<i>Литература</i>	244

Черкасов П.

- Ч-48 Правители Франции XVII—XVIII века / Петр Черкасов. — М. : Ломоносовъ. — 2018. — 256 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-421-3

Книга Петра Черкасова посвящена блестящему периоду в истории Франции, когда она занимала исключительное положение «арбитра Европы», а Париж по праву считался «столицей мира». Однако завершился этот период крахом королевской власти, за которым последовали революционное десятилетие и бонапартистский переворот 1799 года. Как на троне утвердилась династия Бурбонов и почему она потеряла власть? Кто управлял Францией на протяжении двух столетий? Почему не состоялась конституционная монархия в 1789–1792 годах? Каковы были первые шаги Французской республики? Ответы на эти вопросы автор дает, рассматривая историю Франции через судьбы ее правителей — от короля Генриха IV до главы правительства первой Французской республики Поля Барраса. В книге представлены девять портретов — как всегда у Петра Черкасова, емких, точных, подробных.

Петр Черкасов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент РАН, кавалер ордена Почетного легиона.

УДК 94(44).03-04
ББК 63.3(0)51

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Петр Черкасов

Правители Франции

XVII—XVIII века

Редактор Ю. Чернышев
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 02.11.2017.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499) 270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ,
ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Эльницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 55 Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
- 56 Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь
Карл Филипп, или Шведская интрига смутного времени
- 57 Александр Куланов. Обнаженная Япония
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
- 60 Владислав Петров. Древняя история секса в мифах
и легендах
- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. Александр I и тайна
Федора Козьмича
- 63 Виктор Калашников. Русская демонология
- 64 Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование
Екатерины II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи
- 68 Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры
- 69 Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
- 70 Тамерлан — покоритель Азии
- 71 Василий Смирнов. Крымское ханство в XVIII веке
- 72 Яков Канторович. Процессы о колдовстве в Европе
и Российской империи
- 73 Татьяна Георгиева. Русская повседневная культура
- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы.
Падение Византии
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простой еды
- 76 Геннадий Левицкий. Великое княжество Литовское
- 77 Василий Веретенников. История тайной канцелярии
Петровского времени
- 78 Олег Ивик. История и география загробного мира

- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО
ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВониЮ
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- 104 Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 105 Людмила Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТУАРТОВ
- 106 Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ
и ИУДЕИ
- 107 Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»
- 108 Георгий Вернадский. ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 109 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ. ОТ ГОНЕНИЙ К ТРИУМФУ
- 110 Антон Горский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
- 111 Вера Курская. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- 112 Антон Горский. МОСКВА И ОРДА
- 113 Александр Васильев. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ ОТ ОСНОВАНИЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
324—1081 годы
- 114 Дмитрий Занков. РУСЬ ЗА ТРАПЕЗОЙ
- 115 Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. РУССКИЕ ЦАРИЦЫ
и ЦАРЕВНЫ XVII ВЕКА
- 116 Виктор Бердинских. РУССКИЕ У СЕБЯ ДОМА
- 117 Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. ДЕРЖАВА САСАНИДОВ.
224—652 годы
- 118 Станислав Чернявский. МИТРИДАТ ВЕЛИКИЙ,
«ПОСЛЕДНИЙ ЭЛЛИН»
- 119 МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV—XVII ВЕКОВ
ПО СКАЗАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ
- 120 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.
НА ПУТИ К РАСКОЛУ
- 121 Елена Смилянская. ВОЛШЕБНИКИ, БОГОХУЛЬНИКИ, ЕРЕТИКИ
В СЕТЯХ РОССИЙСКОГО СЫСКА XVIII ВЕКА
- 122 Варвара Пономарева, Любовь Хорошилова.
МИР РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ: СЕМЬЯ, ПРОФЕССИЯ,
ДОМАШНИЙ УКЛАД. XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА
- 123 Андрей Дёмкин. ЛЕЙБ-КОМПАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
- 124 Лариса Печатнова. ДРЕВНЯЯ СПАРТА И ЕЕ ГЕРОИ

- 125 Татьяна Лабугина. МИР АНГЛИЙСКОЙ ЛЕДИ. ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, СЕМЬЯ. XVII — НАЧАЛО XVIII ВЕКА
- 126 Георгий Вернадский. РУССКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 127 Нонна Марченко. БЫТ И НРАВЫ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ
- 128 Наталья Петрова. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ
- 129 Дмитрий Расовский. ПОЛОВЦЫ, ТОРКИ, ПЕЧЕНЕГИ, БЕРЕНДЕИ
- 130 Олег Ивик. ТРОЯ. ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ РЕАЛЬНОСТИ И МИФА
- 131 Юрий Селезнёв. РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ПРИ ДВОРЕ ХАНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
- 132 Владимир Безгин. ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ
- 133 Светлана Плетнева. КОЧЕВНИКИ РУССКИХ СТЕПЕЙ IV—XIII ВЕК
- 134 Андрей Дёмкин. ИСТОРИИ РУССКИХ ФРЕЙЛИН
- 135 Ирина Опимах. ХУДОЖНИЦЫ, МУЗЫ, МЕЦЕНАТКИ
- 136 Анатолий Новосельцев. ХАЗАРСКИЙ КАГНАТ
- 137 Георгий Вернадский. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
- 138 Эрнест Альфред Уоллис Бадж. РЕЛИГИЯ И МАГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 139 Георгий Федотов. СВЯТЫЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 140 Владислав Смирнов. ОБРАЗЫ ФРАНЦИИ. ИСТОРИЯ, ЛЮДИ, ТРАДИЦИИ
- 141 Мария Сергеенко. ПОМПЕИ
- 142 Ольга Добиаш-Рождественская. ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ЕЕ ГЕРОИ
- 143 Нина Пигулевская. КУЛЬТУРА СИРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 144 Илья Шифман. НАБАТЕЙСКОЕ ЦАРСТВО
- 145 Владимир Печенкин. ИСТОРИЧЕСКИЕ КАМНИ. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
- 146 Георгий Вернадский. ДРЕВНЯЯ РУСЬ
- 147 Юрий Виноградов, Владимир Горончаровский. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА
- 148 Самуил Лозинский. ИСТОРИЯ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Петр Черкасов
Правители
Франции
XVII—XVIII века

Книга Петра Черкасова посвящена блестящему периоду в истории Франции, когда она занимала исключительное положение «арбитра Европы», а Париж по праву считался «столицей мира». Однако завершился этот период крахом королевской власти, за которым последовали революционное десятилетие и бонапартистский переворот 1799 года. Как на троне утвердилась династия Бурбонов и почему она потеряла власть? Кто управлял Францией на протяжении двух столетий? Почему не состоялась конституционная монархия в 1789–1792 годах? Каковы были первые шаги Французской республики? Ответы на эти вопросы автор дает, рассматривая историю Франции через судьбы ее правителей — от короля Генриха IV до главы правительства первой Французской республики Поля Барраса. В книге представлены девять портретов — как всегда у Петра Черкасова, емких, точных, подробных.

Петр Черкасов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член-корреспондент РАН, кавалер ордена Почетного легиона.

ISBN 978-5-91678-421-3

9 785916 784213